Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

На правах рукописи

Сергодеев Илья Витальевич

ПРИРОДА И ДИНАМИКА СМЫСЛОВОГО КОМПЛЕКСА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX ВВ.)

10.02.19 — Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант докт. филол. наук, проф. Ю. В. Казарин

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Поэтический текст как комплексная	
этико-эстетическая система	21
1.1. Определение поэтического текста	21
1.1.1. Исследование поэтического текста в узком смысле. Уровни и	
виды поэтических произведений	21
1.1.2. Исследование поэтического текста в широком смысле.	
Функциональные компоненты поэтических произведений	30
1.2. Генеральные, категориальные и дифференциальные признаки	
поэтического текста	40
Выводы	56
Глава 2. Интертекстуальность как уникальный генеральный	
и дифференциальный признак поэтического текста	60
2.1. Интертекстуальные основания исследования	60
2.2. Особенности и типологии интертекстуальных отношений в	
поэтическом тексте	66
2.2.1. Отношения автотекстуальных единиц	72
2.2.2. Отношения паратекстуальных единиц	80
2.2.3. Отношения интекстуальных единиц	85
2.2.4. Отношения архитекстуальных единиц	93
2.3. Феномен интерконтекстуальности. Функция смыслообразования	98
Выводы	106
Глава 3. Структура смыслового комплекса интертекстуальных единиц в	
поэтическом тексте: лингвосинергетический аспект	110
3.1. Лингвосинергетические признаки смыслового комплекса	
интертекстуальных единиц	110
3.1.1. Признак незамкнутости	116
3.1.2. Признак неустойчивости	124
3.1.3. Признак нелинейности	134
3.1.4. Признак иерархичности	141
3.1.5. Признак эмерджентности	148
3.2. Концепция гиперсферы. Теоретическая модель межтекстового	
взаимодействия	152
Reiroth	162

Глава 4. Модель анализа и синтеза контекстных значений интертекстуали	ьных
единиц в поэтическом тексте	166
4.1. Осмысление лингвистической природы интертекстуальной единиц	ы.
Особенности маркированных и немаркированных интертекстуальных	
единиц	166
4.2. Характеристика идентичных и подобных	
интертекстуальных единиц	172
4.3. Интертекстуальный потенциал единиц поэтического текста	182
4.4. Вербально невыраженная семантика единиц поэтического текста.	
Феномен имплицитного контекста	189
4.5. Критерии выделения интертекстуальных единиц из поэтического	
текста	198
4.6. Модель комплексного анализа интертекстуальных единиц в	
поэтическом тексте	213
Выводы	217
Глава 5. Апробация модели анализа и синтеза контекстных значений	
интертекстуальных единиц в поэтическом тексте	222
5.1. Комплексный анализ поэтического текста У. Блейка "The Lamb"	222
5.2. Комплексный анализ поэтического текста Э. Дикинсон "Parting"	260
5.3. Комплексный анализ поэтического текста Л. Коэна "Elegy"	296
Выводы	325
Заключение	330
Терминологический тезаурус	342
Библиография	345

ВВЕДЕНИЕ

Современная наука постоянно пытается осознать предмет поэзии, поэтического текста и поэтического творчества. В лингвистических по характеру стиховедческих исследованиях обсуждаются специфические особенности, порой — комплексные проблемы, возникающие на всех без исключения этапах анализа поэтических текстов. Исследователи отмечают определенные когнитивные трудности во время анализа стилистических фигур стихов, в ходе разбора их идейно-образного и функционального уровней, при определении входящих в поэтические тексты идеограмм и пр. Решение этих и многих других проблем приобретает особенную актуальность при переосмыслении образцов известной поэзии, а также исследовании новейших, малоизвестных/неизвестных или иностранных стихов. Таким образом, поэтический текст представляется многоаспектным системным языковедческим объектом, эффективное изучение которого требует полипарадигмального исследовательского подхода. В реферируемой диссертации поэтический текст рассматривается комплексно, в свете текстоведческой, интертекстуальной и лингвосинергетической научных парадигм.

1. Степень разработанности темы

Изучению поэзии и поэтического текста посвящены труды таких отечественных и зарубежных поэтов и филологов, как Е. Н. Азначеева, А. Белый, Е. Н. Винарская, В. В. Виноградов, М. Л. Гаспаров, В. М. Жирмунский, Ю. В. Казарин, И. И. Ковтунова, Ю. М. Лотман, О. Э. Мандельштам, Р. О. Якобсон, М. Янакиев, Б. И. Ярхо; Д. Алигьери, П. Верлен, Л. Р. Вог, Й. Грабак, Р. Б. Дюплесси, Ж. Женетт, М. Жирар, У. Б. Йейтс, Л. А. Киннахан, Дж. Марш, К. Нельсон, М. Нельсон, П. Николлс, Э. Освальд, Р. Д. Паркер, К. Б. Пастернак, Э. А. По, А. Рембо, Б. Унбегаун, З. Черный, Л. Шо, У. Эко, Э. Эпштейн и др. Исследователями приводятся и

обосновываются основные идейно-образные, лексико-стилистические и функциональные аргументы уникальности поэтического текста как этикоэстетической системы. Выделяется особый вид поэтической номинации (реноминация), который позволяет по-новому взглянуть на полиинтерпретативность стихотворных текстов.

Полиинтерпретативность и в целом комплексность поэтического текста приводит ученых к осознанию необходимости формализации его признаков, свойств. Результаты качеств И текстоцентрических исследований Н. С. Болотновой, М. М. Бахтина, Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперина, Е. Л. Гончаровой, С. Г. Ильенко, Ю. В. Казарина, М. Л. Гаспарова, Н. А. Кузьминой, М. Н. Кожиной, Ю. М. Лотмана, В. А. Лукина, В. А. Масловой, Т. В. Матвеевой, Ю. И. Минералова, А. И. Мороховского, Л. Н. Мурзина, Т. М. Николаеваой, А. И. Новикова, Е. В. Сидорова, Ю. А. Сорокина, Ю. С. Степанова, М. В. Тростникова, 3. Я. Тураевой, В. И. Тюпы, В. Е. Хализева, И. Я. Чернухиной и др. ученых свидетельствуют о том, что художественный, в частности, поэтический текст является структурированной системой кодов (лингвистических, социологических, культурологических пр.), находящихся процессе постоянного семиотического взаимодействия.

Такое понимание поэтического текста делает актуальным исследование его единиц с позиции теории интертекстуальности как неотъемлемого аспекта семиотического взаимодействия. Теория интертекстуальности разрабатывается и осмысляется в трудах И. В. Арнольд, Н. И. Бушмановой, Н. А. Кузьминой, Е. В. Михайловой, А. К. Жолковского, Н. С. Олизько, В. П. Руднева, И. П. Смирнова, П. Х. Тороп, Н. А. Фатеевой, М. Б. Ямпольского; Р. Барта, У. Бройха, В. У. Дресслера, Л. Дэлленбаха, Ж. Женетта, Л. Женни, Дж. Клейтона, Ю. Кристевой, Ф. Норман, Дж. Оддо, Ш. Перри, М. Пфистера, У. В. Халло, У. Хебеля и др. Указанные ученые детально и многоаспектно прорабатывают типологию интертекстуальных отношений, однако некоторые методологические проблемы остаются нерешенными (так, в языкознании отсутствуют критерии выделения немаркированных интертекстуальных единиц из анализируемого произведения).

В настоящем исследовании интертекстуальная природа поэтического текста и его элементов органично дополняется лингвосинергетическими Т. В. Андрусенко, системными аспектами, представленными в работах К. И. Белоусова, Н. А. Блазновой, Э. Т. Болдыревой, В. И. Аршинова, Н. В. Добрыниной, В. А. Дорофеевой, Н. В. Дрожащих, И. А. Герман, И. А. Евина, М. Н. Ельцовой, В. Г. Зинченко, Л. П. Киященко, Е. Н. Князевой, И. Ю. Моисеевой, А. Ю. Корбут, Е. А. Коржневой, Н. С. Олизько, Е. Л. Словиковой, Н. В. Солодянкиной, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкиной, Л. С. Пихтовниковой, В. А. Пищальниковой, Е. В. Пономаренко, И. Н. Пономаренко, В. В. Тарасенко и других ученых-лингвистов. Общими и наиболее лингвосинергетического ценными ДЛЯ подхода возможности применения признаков открытых и динамических систем к поэтическому тексту и его компонентам.

Синтез рассмотренных научных направлений открывает новые перспективы изучения семантики интертекстуальных единиц поэтического текста. Достижения отмеченных ученых помогают переосмыслить и модифицировать некоторые известные понятия и типологии, предложить новые для языкознания термины, а также разработать авторскую методику комплексного анализа семантической природы интертекстуальных единиц поэтического текста.

2. Актуальность исследования

Актуальность обусловлена тем, что в центр исследовательского внимания выносится проблема формализации процессов становления смысла поэтического текста, которые рассматриваются с комплексных позиций текстоведения, теории интертекстуальности и лингвосинергетики.

Диссертация является своевременным исследованием, синтезирующим накопленный опыт указанных научных парадигм. В ней переосмысливаются роль и виды межтекстовых отношений, выявляются критерии вычленения немаркированных интертекстуальных единиц из поэтического текста, намечаются новые исследовательские перспективы.

Актуальность работы обоснована четырьмя факторами:

- 1. Фактор поэтологический. Закладываются принципы системного описания англоязычных поэтических текстов, основанные на анализе семантики, сочетаемости, внутренней формы лексем, архитектоники и других параметров, которые позволяют говорить об устойчивых интертекстуальных связях внутри поэтических текстов. Интертекстуальность и интертекстуальные единицы рассматриваются полипарадигмально с учетом накопленного научного опыта отечественных и зарубежных исследований.
- 2. Фактор интертекстуальный. Интертекстуальность представляется комплексным динамическим процессом смыслопорождения и реноминации единиц поэтического текста. Акценты исследования, таким образом, смещаются от формально-прецедентных к контекстуально-семантическим аспектам межтекстовых отношений.
- 3. Фактор лингвосинергетический. На основе лингвосинергетической исследовательской базы осмысляется природа смыслового комплекса интертекстуальной единицы с позиций семантической самоорганизации. Исследуются системные признаки интертекстуальной единицы, иерархически выстроенные на основе совокупности ее контекстных значений, которые реализуются благодаря устойчивым межтекстовым отношениям поэтических текстов.
- 4. Фактор интегративный. Комбинируются методики структурносемантического подхода с функциональными методами, что дает возможность исследовать лингвистическую единицу в динамике и провести глобальный

систематизированный анализ прошлых и текущего состояний языка и поэтического текста.

3. Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования — выявление и характеристика особенностей природы и динамики смыслового комплекса единиц поэтического текста с позиций текстоведения, лингвосинергетики и теории интертекстуальности.

В соответствии с заявленной целью в диссертации поставлены следующие задачи:

- 1. Сформулировать актуальное для современного языкознания определение поэтического текста, основываясь на особенностях идейнообразного, лексико-стилистического и фонического уровней стихотворения, отличительных чертах функциональных компонентов поэтических произведений, а также их генеральных, категориальных и дифференциальных признаках.
- 2. Рассмотреть интертекстуальность как отдельный признак поэтического текста. Для этого определить понятие интертекстуальности в узком и широком смыслах, вычленить и описать типы интертекстуальных единиц и осмыслить их функции.
- 3. Основываясь на особенностях межтекстовых отношений поэтических произведений, ввести понятие смыслового комплекса интертекстуальной единицы. Описать природу смыслового комплекса с опорой на теоретические и методологические аспекты лингвосинергетической научной парадигмы.
- 4. Синтезировав результаты текстоведческого, интертекстуального и лингвосинергетического аспектов диссертации, построить теоретическую модель глобального интертекстуального взаимодействия поэтических текстов. На примере этой модели характеризовать динамику смыслового комплекса интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.

- 5. Описать методологию практического исследования, основывающегося на построенной теоретической модели. Для этого зафиксировать и рассмотреть закономерности, благодаря которым в поэтическом произведении реализуется феномен полиинтерпретативности. Предложить критерии выделения маркированных и немаркированных интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.
- 6. С учетом выявленных и осмысленных в ходе работы комплексов признаков разработать алгоритм построения практической модели комплексного анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц в поэтическом тексте, на примере функционирования которой удастся проследить особенности динамики смыслового комплекса исследуемых единиц.
 - 7. Апробировать предложенную авторскую модель.

4. Объект, предмет и материал исследования

Объектом исследования послужил поэтический текст как комплексная этико-эстетическая система, рассмотренная с позиций теории интертекстуальности и лингвосинергетической научной парадигмы.

Предметом диссертационного исследования являются маркированные и немаркированные интертекстуальные единицы.

Практический материал включил англоязычные поэтические тексты, созданные в период с XVIII по XX вв. Исследуемые авторы — наиболее известные и влиятельные поэты своего времени. Всего было рассмотрено 35 авторов — представителей английской, ирландской, канадской, австралийской и американской поэзии. Общее количество исследованных контекстов составило 1996.

5. Методология и методы исследования

На разных этапах научного исследования применялись следующие методы:

1) структурно-семиотический метод, который использовался для:

- описания системных особенностей поэтического текста;
- осмысления природы функционирования интертекстуальных связей в поэтических текстах;
- изучения признаков смыслового комплекса интертекстуальной единицы;
 - выявления свойств интертекстуальной единицы;
- разработки критериев вычленения интертекстуальных единиц в поэтическом тексте;
- 2) антрополингвистический метод, необходимый для описания архетипической природы поэтического текста и его единиц, а также для характеристики признаков, качеств и свойств поэтического текста;
- 3) лингвосинергетический метод, благодаря которому были описаны системные особенности смыслового комплекса интертекстуальных единиц, а также осмыслена природа межтекстовых отношений внутри поэтического текста с позиций семантической самоорганизации;
- 4) метод интертекстуального анализа, применявшийся для выявления и описания видов и типов интертекстуальных отношений;
- 5) компонентный анализ лексического значения интертекстуальных единиц;
- 6) идеографический анализ, помогающий исследовать автотекстуальные связи внутри поэтических текстов;
- 7) контекстологический анализ интертекстуальных единиц, находящихся в поэтических произведениях участниках межтекстового взаимодействия (данная методика анализа в большей степени направлена на изучение интекстуального типа межтекстовых отношений);
- 8) лингвокультурологический анализ, использовавшийся для осмысления архитекстуальных связей между единицами поэтического текста и культурными реалиями;

9) сравнительно-статистический анализ, применявшийся для оценки частоты встречаемости лексических единиц в анализируемых произведениях; использование данной методики анализа позволило подойти ближе к решению проблемы вычленения маркированных и немаркированных интертекстуальных единиц в поэтических текстах.

Комплексный анализ интертекстуальных единиц, представленный в диссертации, сопровождался функционально-текстовыми, поэтическими и литературоведческими комментариями.

В работе применялись общенаучные методы: описательный, индуктивный и дедуктивный.

6. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость

Научная новизна диссертационного исследования определяется его целями и задачами и заключается в следующем:

- 1) выявлен новый вид межтекстового взаимодействия, обозначенный термином интерконтекстуальность;
- 2) понятие смыслового комплекса текстовой единицы рассмотрено с позиций текстоведческого, интертекстуального и лингвосинергетического подходов;
- 3) процесс семантической самоорганизации интертекстуальных единиц в поэтическом тексте исследован в свете функциональной направленности парадигм межтекстовых отношений «читатель текст» и «текст читатель»;
- 4) предложена концепция текстовой гиперсферы как теоретической модели глобального межтекстового взаимодействия, помогающей осмыслить динамику смыслового комплекса единиц поэтического текста в интертекстуальном освещении;
- 5) выявлено, что имплицитный контекст обеспечивает реноминацию интертекстуальных единиц поэтического текста;
- 6) разработаны критерии выделения маркированных и немаркированных интертекстуальных единиц в поэтическом тексте:

узнаваемость, повторяемость, автографичность, аллографичность, энигматичность, отсутствие контекст-партнера, конъюнкция контекстных значений;

7) построена и апробирована авторская модель анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Данная модель позволила зафиксировать, формализовать и описать особенности динамики смыслового комплекса интертекстуальных единиц.

Теоретическая значимость диссертации заключается в комбинации полипарадигмальных исследовательских подходов, что позволяет выработать единую модель комплексного анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.

Теоретически значимым является и уточнение базовых терминов: поэтический текст, интертекстуальная единица, интертекстуальность, смысловой комплекс, имплицитный контекст, семантическая самоорганизация.

Поэтический текст исследован с опорой на его функциональные параметры (креативность – эстетичность – этичность – духовность), представленные в работах Ю. М. Лотмана, Р. О. Якобсона, Ю. В. Казарина, а также интертекстуальные и лингвосинергетические особенности. С этого ракурса поэтический текст определен как этико-эстетическая динамическая знаковая система, часто организованная по принципу стихотворения и открытая К интертекстуальному И интерконтекстуальному взаимодействия с адресными по отношению к ней произведениями. В содержательно-подтекстовый поэтическом тексте доминирует (ассоциативный, коннотативный) вид информации.

Интертекстуальность рассматривается как признак поэтического текста. В узком смысле интертекстуальность понимается вслед за И. П. Смирновым как способность единиц базового текста ссылаться на единицы адресных текстов, встречающихся в творчестве того же автора, в

смежном искусстве или предшествующей литературе. В этом случае интертекстуальность характеризована как дифференциальный признак поэтического текста. В широком смысле интертекстуальность определена полипарадигмально как глобальная интеграция поэтических текстов — единиц словесной традиции и культуры, и отнесена к признакам генеральным.

Интертекстуальная единица осмысляется на базе типологии интертекстуальных отношений Н. С. Олизько. Эта типология приводится в работе в модифицированном виде: *гипертекстуальность* заменяется на *автотекстуальность*. Интертекстуальная единица, таким образом, выражается аллюзией, цитацией, аллюзивным сюжетом или аллюзивным антропонимом.

Смысловой комплекс поэтического текста и смысловой комплекс его единиц структурно подобны. Смысловой комплекс определен нами с интертекстуальных позиций как совокупность контекстов и контекстных значений всех интертекстуальных единиц, участвующих в межтекстовом взаимодействии в рамках анализа одного доминант-кода, выраженного в поэтическом тексте интертекстуальной единицей.

Имплицитный контекст понимается в диссертации как контекст, в котором текстовая единица приобретает статус полиинтерпретативной. Имплицитный контекст в поэтическом тексте в совокупности с функциональной направленностью межтекстовых отношений актуализирует реноминацию авторских доминант-кодов.

Семантическая самоорганизация представляется в работе как один из аспектов динамики смыслового комплекса интертекстуальной единицы, выстроенный лингвосинергетических на отношениях признаков незамкнутости, нелинейности, неустойчивости, иерархичности И эмерджентности. Семантическая самоорганизация представляется

результатом межтекстовых отношений, выражающимся в формировании смыслового комплекса интертекстуальной единицы.

В научный обиход введены новые для языкознания термины: интерконтекстуальность, идентичная/подобная интертекстуальная единица, интертекстуальный потенциал, текстовая гиперсфера.

Интерконтекстуальность трактуется как вид межтекстового взаимодействия, выстроенный на обмене контекстными значениями между лексемами или группами лексем, которые входят в состав текстов — участников этого взаимодействия. Интерконтекстуальность выполняет функцию смыслообразования, направленную от текста к читателю. Интертекстуальность же направлена от читателя к тексту, поскольку выполняет метатекстовую функцию.

Идентичные интертекстуальные единицы понимаются как графически и фонетически тождественные лексемы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения.

Подобные интертекстуальные единицы — близкие по смыслу, но различные по фонетической и графической форме лексемы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения.

Интертекстуальный потенциал представляется совокупностью всех возможных межтекстовых связей между интертекстуальными единицами базового и адресных произведений. Понятие интертекстуального потенциала позволяет анализировать общеупотребительную лексику с позиций авторской эстетики, семантики авторских доминант-кодов, интертекстуальных отношений.

Текстовая гиперсфера является собранием всех существующих текстов; множеством, элементы которого, художественные, поэтические, научные и другие тексты, взаимосвязаны через идентичные или подобные интертекстуальные единицы.

Теоретическая значимость диссертации обоснована и тем, что представленное исследование углубляет текстоцентрические аспекты лингвосинергетики как науки о сложных, открытых, нелинейных и неустойчивых системах. Расширяются представления о поэтическом тексте как о комплексной динамической системе, вносится вклад в развитие общей теории текста. В диссертации разрабатывается терминологический и методологический аппарат описания динамики смыслового комплекса единиц поэтического текста с позиции теории интертекстуальности.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что отраженные в ней результаты могут быть использованы для исследования текстов зарубежных и отечественных поэтов, выявления авторских доминант-кодов, идиостилей писателей. Теоретические, методологические положения настоящего исследования, а также его практические результаты разработке лингвопоэтического возможно применить при И лингвосинергетического подходов к анализу текста, при составлении спецкурсов по общему языкознанию, теории и интерпретации текста, стилистике и лингвосинергетике.

Важным практическим результатом диссертации является построение и апробация авторской универсальной модели анализа интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Модель представляет методику комплексного — интертекстуального, лингвопоэтического, контекстологического, лингвокультурологического и лингвосинергетического — анализа интертекстуальных единиц.

- **7. Степень достоверности** результатов исследования подтверждается объемом материала англоязычные поэтические тексты XVIII–XX вв.
- В работе применена структурно-семиотическая, антрополингвистическая, лингвосинергетическая методология, а также методы интертекстуального, компонентного, идеографического,

контекстологического, лингвокультурологического и сравнительностатистического анализа.

Результаты комплексного анализа текстового материала вынесены в отдельную главу. В ней приведен анализ стихотворений "The Lamb" (Агнец) английского поэта У. Блейка, "Parting" (Разлука) американского поэта Э. Дикинсон и "Elegy" (Элегия) канадского поэта Л. Коэна. Анализ выстроен в пять этапов: фрагментация текста, вычленение интертекстуальных единиц, определение адресных текстов, анализ контекстных значений интертекстуальных единиц в базовом и адресных текстах, синтез полученных контекстных значений. Результаты представлены в восьми сводных таблицах.

Выводы диссертационной работы согласуются с содержанием исследования, использованы современные методы сбора и обработки информации.

8. Апробация результатов

Диссертация обсуждалась на кафедре фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Основные теоретические положения докладывались автором на 10 международных, всероссийских и региональных конференциях в Брянске, Екатеринбурге, Йошкар-Оле, Москве, Озерске, Пензе, Пятигорске, Улан-Удэ Челябинске.

По теме диссертации опубликовано 28 работ, в том числе монография и 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК. Четыре статьи опубликованы в журналах, включенных в базу данных Web of Science.

9. Структура диссертации

Структура работы соответствует поставленной цели и задачам исследования. Текст диссертации состоит из введения, пяти глав, заключения, терминологического тезауруса и библиографического списка. Диссертация содержит 16 таблиц и 5 рисунков.

В 1-й главе рассмотрены подходы к определению феномена поэтического текста в узком и широком смыслах. Выделены основные виды стихотворных текстов: регулярный, свободный, смешанный, поэтическая проза. В главе также приведена и подробно рассмотрена типология признаков поэтического текста, дополненная интертекстуальным признаком.

Во 2-й главе исследован феномен интертекстуальности. В узком смысле интертекстуальность отнесена к дифференциальным признакам поэтического текста, в широком — к генеральным. Введена основная терминология исследования интертекстуальности: базовый/адресный поэтический текст, прототекст и метатекст. Описаны синтагматические и парадигматические особенности интертекстуальности. К синтагматике интертекстуальных отношений отнесены автотекстуальные и паратекстуальные единицы поэтического текста, к парадигматике — интекстуальные и архитекстуальные. Введено и обосновано понятие интерконтекстуальности. Переосмыслено понятие смыслового комплекса интертекстуальной единицы поэтического текста.

В 3-й главе обсуждены особенности смыслового комплекса интертекстуальных единиц поэтическом тексте cпозиции лингвосинергетики. К признакам смыслового комплекса отнесены: нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, иерархичность И Разработана концепция эмерджентность. текстовой гиперсферы как теоретической модели глобального межтекстового взаимодействия.

4-я глава посвящена методологическому аспекту диссертационного Приведена характеристика исследования. маркированных немаркированных, а также идентичных и подобных интертекстуальных единиц. Предложена и описана концепция интертекстуального потенциала лексемы и/или группы лексем. Отдельное внимание уделено феномену определяющему фактору имплицитного контекста как текстов. Выявлены полиинтерпретативности поэтических критерии вычленения интертекстуальных единиц из поэтического текста. В финале главы приведена авторская модель комплексного анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц в поэтическом тексте, базирующаяся на теоретических и методологических результатах этой и предыдущих глав.

В 5-й главе представлен комплексный анализ трех стихотворений: "The Lamb" (Агнец) английского поэта У. Блейка, "Parting" (Разлука) американского поэта Э. Дикинсон, "Elegy" (Элегия) канадского поэта Л. Коэна. Авторы выбраны не случайно. Между ними не наблюдается сходства ни по времени, ни по стране, ни по эстетике. Работа с разноплановым практическим материалом подчеркнула универсальность разработанной авторской модели.

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования, делаются выводы об особенностях природы и динамики смыслового комплекса интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Дальнейшее изучение поэтического текста с позиции синтеза текстоведческого и лингвосинергетического подходов представляется перспективным направлением научной работы по теории языка.

Текст диссертации снабжен терминологическим тезаурусом.

10. Положения, выносимые на защиту:

- 1. Показано, что включенности интертекстуальных единиц в контексты поэтических произведений являются частными случаями авторской реноминации предметов стихосложения. Интертекстуальная единица, таким образом, стилистическое средство реноминации поэтической.
- 2. Выявлен интерконтекстуальный вид межтекстовых отношений, актуализирующийся при обмене контекстными значениями между лексемами или группами лексем, которые входят в состав текстов участников этих отношений. Проведен синтез метатекстовой функции интертекстуальных и смыслообразующей функции интерконтекстуальных отношений, на основе

которого установлены случаи формирования смысловых комплексов единиц поэтических текстов.

- 3. Представлена концепция текстовой гиперсферы собрания всех существующих текстов; множества, элементы которого (художественные, поэтические, научные и прочие тексты) связаны интертекстуально. Текстовая гиперсфера теоретическая модель межтекстового взаимодействия, выстроенная на основе интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений. На примере данной модели описана природа динамики смыслового комплекса интертекстуальной единицы в поэтическом тексте.
- 4. Определены следующие свойства интертекстуальной единицы: интертекстуальный потенциал, идентичность, подобие, имплицитность. На основе этих свойств представлены критерии выделения немаркированных интертекстуальных единиц из поэтического текста: узнаваемость, повторяемость, автографичность/аллографичность, отсутствие контекстпартнера, конъюнкция отличных контекстных значений, энигматичность.
- 5. Разработана модель комплексного анализа смыслового комплекса интертекстуальной единицы в поэтическом тексте. Модель включила пять этапов:
 - 1) фрагментация поэтического текста;
 - 2) выделение интертекстуальных единиц в базовом тексте;
 - 3) выделение интертекстуальных единиц в адресных текстах;
 - 4) анализ контекстных значений выделенных единиц;
 - 5) синтез выявленных контекстных значений.
- 6. Исследование интертекстуальных единиц В англоязычных поэтических текстах по разработанной модели привело к формализации поэтических образов В семантики авторских творчестве У. Блейка, Э. Дикинсон, Л. Коэна. Доказано, что интертекстуальные единицы и выявленные варианты их толкования являются примерами индивидуальнокоторые формируют смысловые авторских семантических парадигм,

комплексы анализируемых единиц в отдельно взятом контексте. Динамика смысловых комплексов обсуждаемых лексем показана на примере модификации их контекстных значений. Так, образ *God* в поэзии У. Блейка приобретает индивидуально-авторские смыслы *рационализм, иррационализм, поэзия, протест, революция*; образ *Immortality* в стихах Э. Дикинсон определяется такими контекстными значениями, как *общение посредством письма/чтения, память о человеке, поэзия*; образу *Ocean в* творчестве Л. Коэна свойственны значения *место перехода из жизни в вечность, образ перерождения, образ поэта*.

ГЛАВА 1.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Цель главы — определить поэтический текст в узком и широком смыслах, выделить и описать типы стихотворных текстов, классифицировать признаки, качества и свойства поэтических текстов.

1.1. Определение поэтического текста

Поэтический текст (далее — ПТ) является одним из самых ярких, малоизученных феноменов значимых, парадоксальных И языковой деятельности человека. Сегодня говорить об однозначном едином понимании ПТ не представляется возможным, поскольку вопрос его порождения и восприятия является субъективным и практически непрогнозируемым. Исходя из этого, при определении феномена ПТ мы отталкиваемся от объективных данных: внешней структуры (плана выражения — поэтической графики, звуковой гармонии, ритма, интонации, структурно-фонетической реализации и, наконец, типа ПТ) и выполняемых стихотворным текстом функций (креативной [Лотман, 1972], эстетической [Якобсон, 1975], этической и 2008]). B духовной [Казарин, рамках данного исследования разграничиваем понимание ПТ в узком и широком смыслах.

1.1.1. Исследование поэтического текста в узком смысле. Уровни и виды поэтических произведений

Рассматривая формальные текстовые особенности, мы имеем дело с пониманием ПТ в узком смысле (ПТ как лингвистическая категория). Главную роль здесь играют знаки поэтической графики. Е. Н. Азначеева предлагает эстетического характера, разделяя знаками считать ИХ ИХ на три графические функциональные группы: знаки, выражающие метасемиотическое содержание; знаки, участвующие В передаче

метазначений; самостоятельные эстетические знаки [Азначеева, 1994]. Поэтическая графика является знаковой системой, накапливающей и конденсирующей фонетические явления, формально выраженные в звуковой гармонии [Винарская, 1989], поэтическом ритме (акцентологический аспект, фонетическая скорость) [Казарин, 1999] и индивидуально-авторской интонации [Белый, 1994].

Звуковая гармония выражает фонологическую организацию всего ПТ или его части, делает его благозвучным и музыкальным. Мы ассоциируем звуковую гармонию со звуковой сочетаемостью, со звукописью (ономапоэтичностью речи, то есть свойством, по которому речь своей внешней звуковой стороной, сочетанием гласных и согласных характеризует предмет независимо от смысла, вложенного в содержание слова) и аллитерацией (повтором одинаковых звуков или сочетаний звуков на относительно близком расстоянии друг от друга [Гальперин, 1981]).

Once upon a midnight dreary, while I pondered weak and weary, Over many a quaint and curious volume of forgotten lore, While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping, As of some one gently rapping, rapping at my chamber door. 'Tis some visitor,' I muttered, 'tapping at my chamber door — Only this, and nothing more [Poe, Electronic resource].

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой, Над старинными томами я склонялся в полусне, Грезам странным отдавался, — вдруг неясный звук раздался, Будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне. «Это, верно, — прошептал я, — гость в полночной тишине, Гость стучится в дверь ко мне» [Бальмонт, Электронный ресурс].

В представленной строфе стихотворения Э. А. По "Raven" (Ворон) существительные *tapping* и *rapping* (*cuнонимы*, *означающие стук*) являются примерами звукоподражания — звуки [р] и [е], чередуясь, создают ощущение

негромкого стука, нагнетающего обстановку (всего в стихотворении лексема *rapping* встречается три раза, а *tapping* — шесть).

В третьей первой И строках встречается пример аллитерации — повторение звука [w] (once - while; weak - weary) и звука [n] (nodded - nearly - napping). Аллитерация в сочетании с ритмом, рифмой, ассонансами и метром используется автором для усиления восприятия читателем мрачного полусонного состояния рассказчика, создания атмосферы мистической повествования И выступает средством проспекции — формирования определенных ожиданий реципиента последующего текста.

Поэтический ритм строится на ударении, поэтическом метре/размере, рифме, строфе, интонации, мелодике/музыкальности ПТ. Ю. В. Казарин разделяет понятия поэтического и стихотворного ритма. По мнению ученого, поэтический ритм шире стихотворного, поскольку под поэтическим ритмом понимается текстовая категория, содержащая особенности единиц как текстового, так и дискурсного (типичного для языка/речи в целом) характера. Поэтический ритм посредством интонации и мелодики связывает формальную структуру текста со структурой смысловой, организующейся семантикой единиц ПТ [Казарин, 1999, с. 118].

В. М. Жирмунский пишет об индивидуализации ритмических моделей. Ученый раскрывает ритмическое определение стиха посредством акцентных отклонений — пропуска метрических ударений, замены ударного слога безударным или наоборот; относительной силой ударений в стихе; расположением словоразделов; ритмико-синтаксическими фигурами [Жирмунский, 1975, с. 143].

Нарушения метра также рассматриваются А. Белым в его графическом методе [Белый, 1994], который сводится к следующей последовательности действий: составить метрическую схему стихотворения, выделить отступления от канонического метра, объединить данные акцентных

отступлений в графические фигуры, определить «скорость» поэтического ритма, оценить поэтический ритм по шкале «богатый — бедный» (алгоритм систематизирован и сформулирован Ю. В. Казариным [Казарин, 1999, с. 120]).

Индивидуально-авторская интонация является категорией графического выражения, зависит от поэтического ритма и структурно-синтаксической ΠT . И. И. Ковтунова различает организации интонацию смысловую (вербально выражаемый смысл) и ритмическую (материальные знаки выражения: речевой субъект/речевой адресат) [Ковтунова, 1986, с. 12]. Ю. В. Казарин расширяет понятие ритмической интонации, выделяя следующие материальные знаки выражения: знаки препинания (тире, восклицательный многоточие, ударение, вопросительный знак, знак, нарушения (особенности поэтической слогораздел), дикции), ускорение/замедление ритма, наличие единиц сверхтекстового характера (эпиграфа, посвящения, цитаты, прямой речи, аллюзии и пр.), название текста, обращения [Казарин, 1999, с. 134–137].

```
I'm Nobody! Who are you?
Are you — Nobody — too?
Then there's a pair of us!
Don't tell! they'd advertise — you know!
```

How dreary — to be — Somebody!
How public — like a Frog —
To tell one's name — the livelong
June — To an admiring Bog!
[Dickenson, 1969, p. 288]

Я — Никто. А ты — ты кто? Может быть — тоже — Никто? Тогда нас двое. Молчок! Чего доброго — выдворят нас за порог.

Как уныло — быть кем-нибудь — И — весь июнь напролет — Лягушкой имя свое выкликать — К восторгу местных болот [Маркова, Электронный ресурс].

Стихотворение Э. Дикинсон "I'm Nobody" (Я — никто) содержит большое количество материальных знаков авторской интонации: два вопросительных и шесть восклицательных знаков, девять тире. Помимо выполнения грамматических функций, указанные знаки реализуют важные эмоционально-оценочные отношения. Например, в первом случае с помощью

тире выделяется местоимение *nobody* (никто) — автор акцентирует внимание на том, что людей, не принимающих правила общества, как минимум больше одного (самого автора). Выделение с помощью тире глагола to be (быть) в первой строке второй строфы выражает позицию героя: опасно быть кем-то в обществе — лучше не выходить во внешний мир и оставаться в своем Из предложений внутреннем мире. восьми шесть заканчиваются восклицательным знаком, что свидетельствует о высокой тревожной эмоциональности героя стихотворения. Анализ корпуса текстов Э. Дикинсон показывает, что высокая частотность материальных знаков (особенно — тире и восклицательного знака) в принципе свойственна ее поэзии, индивидуальноавторской интонации.

Рассмотренные общие особенности поэтической графики в той или иной степени свойственны всем типам ПТ. Типы ПТ мы разделяем на:

- регулярный;
- свободный;
- смешанный;
- поэтическая проза.

Типы ПТ представлены на основе трудов отечественных исследователей [Гаспаров, 1994; Казарин, 2008; Квятковский, 1963; Лотман, 1972; Орлицкий, 2009; Тынянов, 1924 и др.].

К регулярному типу ПТ относятся силлабо-тонические (имеющие рифму, соразмерность числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках; допускающие отступление от ритма), тонические (акцентные стихи, в которых в качестве ритма принимается количество ударений в строке, а количество безударных слогов между ударными не учитывается) и белые стихи (написанные с соблюдением ритма и метра, но не имеющие рифмы). Для иллюстрации регулярного ПТ рассмотрим первую строфу стихотворения Р. Киплинга "If" (Если), написанного пятистопным ямбом:

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too [Kipling, Electronic resource].

Владей собой среди толпы смятенной, Тебя клянущей за смятенье всех, Верь сам в себя, наперекор вселенной, И маловерным отпусти их грех [Лозинский, Электронный ресурс].

А. М. Зверев описывает композицию стихотворения "Іf" следующим образом: «<...> ритмическая четкость, доведенная до совершенства; ни одной неточной рифмы; до последней мелочи продуманный подбор односложных и двухсложных слов, с тем чтобы цезуры, обязательные почти в каждой строке, подчеркивали категоричность содержащихся в ней утверждений, а редкие пиррихии ("allowance", "unforgiving"), разбивая монотонность, выделили смысловые ударения» [Зверев, 1992, Электронный ресурс]. Таким образом, стихотворение "Іf" является ярким примером регулярного англоязычного ПТ.

К *свободному* (созданному на основе верлибра) ПТ относятся произведения, нарушающие принципы силлабо-тонического стихосложения. В качестве примера приведем отрывок стихотворения У. Уитмена "On the Beach at Night Alone..." (На берегу ночью один).

On the beach at night alone, As the old mother sways her to and fro, singing her husky song, As I watch the bright stars shining, I think a thought of the clef of the universes, and of the future <...> [Whitman, Electronic resource].

Ночью у моря один. Вода, словно старая мать, с сиплой песней баюкает землю, А я взираю на яркие звезды и думаю думу о тайном ключе всех вселенных и будущего <...> [Сергеев, Электронный ресурс].

В данном стихотворении прослеживается отказ от рифмы, ритмометрической композиции, изотонии/изосиллабизма (равенства строк по

числу ударений/слогов) и регулярной строфики (стихотворение состоит из двух строф: первая — четыре строки, вторая — шестнадцать).

Смешанный ПТ вбирает в себя особенности регулярного и свободного ПТ. Первые три строфы поэмы Дж. Моррисона "Celebration of the Lizard" (Празднование Ящера) служат этому наглядным примером:

Lions in the street and roaming Dogs in heat, rabid, foaming A beast caged in the heart of a city

The body of his mother Rotting in the summer ground. He fled the town.

He went down South And crossed the border Left the chaos and disorder Back there Over his shoulder [Morrison, Electronic resource]. Львы бродят по улицам Запарившиеся псы в бешенстве брызжут пеной В сердце города пленен зверь

Тело его матери Гниет в летней земле, А он — покинул город.

Он отправился на юг И пресек границу, Оставив там, Позади, Хаос и беспорядок [Быстрова, Электронный ресурс].

Из представленного отрывка видно, ЧТО автор чередует ударные/безударные слоги и практически не использует рифму. Первая и вторая строки первой строфы ритмически отличаются на один ударный слог и сочетаются друг с другом строгой рифмой roaming (блуждающий) – foaming (брызжущий пеной). При этом третья строка нарушает заданную прежде динамику и не рифмуется ни с одной другой строкой. Строки второй строфы аритмичны и имеют разное количество слогов, однако количество ударных слогов в первой и третьей строке совпадают. Во второй и третьей строках прослеживается ассонансная рифма ground (земля) – town (город). Первые три строки третьей строфы написаны каждая в своем ритме, что в совокупности со рифмой border (граница) – disorder (беспорядок) строгой создает динамический эффект развития действия. В трех представленных строфах поэмы "Celebration of the Lizard" встречаются элементы как регулярного

(ритм, как правило, свойственный отдельным строкам, и рифма), так и свободного ПТ (частые нарушения ритма, нерегулярная строфика и «случайная» ритмико-синтаксическая рифмовка).

Поэтическая проза выделяется нами в отдельный тип ПТ. Внешне представленная прозаическим текстом, поэтическая проза воспринимается читателем как цельный, эстетически напряженный, наполненный стилистическими фигурами и яркими образами ПТ. Рассмотрим произведение "Snow" (Снег) австралийского поэта К. Эзертон:

The snow turns our year into white noise. Like the echo chamber in your noise cancelling earphones, the bliss is whitewashed with flurries of snow. My body becomes powdered chalk; your touch is desiccated. On First Night, I watch the ice sculptures outside the Copley Plaza Hotel and wonder how many days they'll take to melt. When the temperature increases, they'll shrink into grotesque stumps and become puddles of dirty water. I try to remember your warm hands on my back, my spine liquefying under your palms, but the December chill numbs me through my blue coat and pink pom-pommed hat. As I lie down outside Trinity Church to make snow angels, I see ice crystals free-falling. My words become the fine rime on their backs [Atherton, Electronic resource].

Снег превращает наш год в белый шум. Подобно тому как работает эхо-камера в твоих наушниках с шумоподавлением, снегопад белит блаженство. Мое тело становится напудренным мелом; твое прикосновение высыхает. Первой Ночью я рассматриваю ледяные скульптуры около отеля Colpey Plaza. Мне интересно, через сколько дней они растают. Когда температура вырастет, они будут сжиматься до гротескных пней и станут лужами грязной воды. Я пытаюсь вспомнить твои теплые руки на моей спине, мой позвоночник растворяется под твоими ладонями, но декабрьский холод заставляет меня оцепенеть, пробирая через голубое пальто и розовую шапку с помпоном. Я около Церкви Святой Троицы, я хочу сделать снежных ангелов, я вижу ледяные кристаллы в свободном падении. Мои слова замерзают тонким инеем на их спинах¹.

Представленная поэтическая проза имеет высокую плотность стилистических фигур (общий объем текста — сто двадцать шесть слов,

-

¹ Здесь и далее при отсутствии специальных указаний русскоязычный текст поэтических произведений приводится в переводе автора исследования.

шестьдесят пять из которых входят в состав метафоры, олицетворения, являются яркими эпитетами и пр.). Разобьем их на следующие группы:

- 1) white noise (белый шум) термин радиофизики, ассоциируется учеными с шумом близкого водопада;
- 2) echo chamber (эхо-камера), noise cancelling earphones (наушники с шумоподавлением) реалии современной действительности. Эхо-камера понятие в теории СМИ; ситуация, в которой идеи, убеждения усиливаются или подкрепляется путем передачи сообщения или его повторением внутри закрытой социальной группы. Наушники с шумоподавлением тип радиоэлектронного аппарата;
- 3) bliss is whitewashed with flurries of snow (снегопад белит блаженство), the December chill numbs me (декабрьский холод заставляет меня оцепенеть), my words become the fine rime on their back (мои слова замерзают тонким инеем на их спинах), my body becomes powdered chalk (мое тело становится напудренным мелом), your touch is desiccated (твое прикосновение высыхает), my spine liquefying under your palms (моя спина растворяется под твоими ладонями), ice crystals free-falling (ледяные кристаллы в свободном падении) — примеры оригинальных авторских метафор и олицетворений, рисующих образы белизны, снега, зимы, неопределенности, поэзии и т. д. Ісе crystals free-falling является ретроспективной отсылкой к white noise — перед читателем возникают противоречивые образы скоротечности (свободное падение) и одновременной остановки (падение «замерзшей» воды) важного автора момента жизни. Данный образ подчеркивает ДЛЯ тему неопределенности, поднимаемую в рассматриваемом тексте.
- 4) First Night (Первая ночь) автотекстуальная отсылка автора к событьям личного характера, которые остаются для читателя имплицитными. Строится через отсутствие контекст-партнера словосочетания First Night (Ночь чего? Ночь перед чем? Ночь после чего? Почему Первая? Почему Первая Ночь написано с прописной буквы?).

К другим характеристикам поэтической прозы можно отнести затененность сюжетной линии — вместо нее наблюдается поток авторского сознания, генерирующий яркие поэтические образы, на основе семантики которых выстраивается логика повествования, имплицитно называется основная проблематика/тематика текста, формулируются переживания автора произведения.

Итак, мы рассмотрели особенности поэтической графики, в частности, — звуковую гармонию, поэтический ритм, авторскую интонацию; определили типы ПТ (стихи регулярный, свободный, смешанный; поэтическая проза) и прокомментировали их. На основе исследованного материала определим ПТ в узком смысле как ритмически организованную обычно рифмованную речь, характеризующуюся большим количеством стилистических фигур, выражающих авторскую эстетику.

1.1.2. Исследование поэтического текста в широком смысле. Функциональные компоненты поэтических произведений

ПТ — многоаспектный феномен, который затрагивает ментальные, психофизические, культурные и пр. области человеческой жизни. В некоторых случаях ПТ может выступать ответом на актуальные социальные вызовы, быть написанным на заказ (поздравление, реклама) или даже раскрывать исследователю устойчивость формально-смысловых индивидуально-авторских кодов.

Характеристика ПТ в широком смысле (как категории антрополингвистической) подразумевает рассмотрение стихотворного текста с позиции выполняемых им функций. Функциональность видится в трех аспектах: креативная/творческая функциональность, по Ю. М. Лотману, описанная в учебном пособии «Анализ поэтического текста» [Лотман, 1972]; эстетическая, по Р. О. Якобсону (представлена в статье «Лингвистика и

поэтика» [Якобсон, 1975]); этическая, по Ю. В. Казарину (разобрана в монографии «Мастерская текста. Книга о текстотворчестве» [Казарин, 2008]).

Креативная функция ПТ — это функция смыслообразования. Она обеспечивает передачу константной информации, порождение новых смыслов и конденсацию культурной памяти [Лотман, 1972]. Рассмотрим креативную функцию ПТ на примере стихотворения Р. Фроста "The Road not Taken" (Невыбранный путь).

Two roads diverged in a yellow wood, And sorry I could not travel both <...> [Frost, 1964, p. 131].

Две дороги пресеклись в желтом лесу, Я, к сожалению, не смогу пройти по обеим <...>.

В представленном поэтическом отрывке герой выбирает, по какой из двух дорог ему следовать дальше (константная информация). Дороги являются аллегорией (простого/тяжелого, жизненного ПУТИ навязанного/индивидуального и т. д.; пример порождения новых смыслов). стихотворение считать серьезным философским Данное онжом произведением, хотя изначально оно было задумано автором как ироническое (также пример порождения новых смыслов и конденсации культурной памяти).

Эстетическая функция направляет внимание реципиента на форму сообщения ПТ, использующуюся в нем рифму, «изящность» слова и др. [Якобсон, 1975].

Season of *mists* and *mellow* fruitfulness, *Close* bosom-friend of the maturing sun; Conspiring with *him how* to *load* and bless With fruit the vines that *round* the thatch-eves *run*; To bend with apples the *moss'd* cottage-trees, And fill all fruit with ripeness to the core; To swell the gourd, and plump the hazel shells With a sweet kernel; to set budding more,

And still more, later *flowers for* the bees, Until *they think* warm days will never cease, For summer has o'er-brimm'd their clammy cells.

Who hath not *seen thee oft* amid thy store? Sometimes whoever seeks abroad may find Thee sitting careless on a granary floor, Thy hair *soft*-lifted by the *winnowing wind*; Or on a *half-reap'd* furrow sound asleep, Drows'd with the fume of poppies, while thy hook Spares the next swath and all its twined flowers: And sometimes like a *gleaner* thou dost keep Steady thy laden head across a brook; Or by a cyder-press, with patient look, Thou watchest the last oozings hours by hours. Where are the *songs* of *spring*? Ay, Where are they? Think not of them, thou hast thy music too, — While barred clouds bloom the soft-dying day, And touch the stubble-plains with rosy hue; Then in a wailful choir the small gnats mourn Among the river *sallows*, borne aloft Or sinking as the *light* wind *lives* or dies; And full-grown *lambs loud* bleat from hilly bourn; Hedge-crickets sing; and now with treble soft The red-breast whistles from a garden-croft; And gathering *swallows* twitter in the skies [Keats, 2014, p. 318].

Пора плодоношенья и дождей! Ты вместе с солнцем огибаешь мызу, Советуясь, во сколько штук гроздей Одеть лозу, обвившую карнизы; Как яблоками отягченный ствол У входа к дому опереть на колья, И вспучить тыкву, и напыжить шейки Лесных орехов, и как можно доле Растить последние цветы для пчел, Чтоб думали, что час их не прошел И ломится в их клейкие ячейки. Кто не видал тебя в воротах риг? Забравшись на задворки экономии, На сквозняке, раскинув воротник, Ты, сидя, отдыхаешь на соломе; Или, лицом упавши наперед И бросив серп средь маков недожатых, На полосе храпишь, подобно жнице, Иль со снопом одоньев от богатых, Подняв охапку, переходишь брод; Или тисков подвертываешь гнет И смотришь, как из яблок сидр сочится. Где песни дней весенних, где они?

Не вспоминай, твои ничуть не хуже, Когда зарею облака в тени И пламенеет жнивий полукружье, Звеня, роятся мошки у прудов, Вытягиваясь в воздухе бессонном То веретенами, то вереницей; Как вдруг заблеют овцы по загонам; Засвиристит кузнечик; из садов Ударит крупной трелью реполов И ласточка с чириканьем промчится [Пастернак, Электронный ресурс].

Ода Джона Китса "Ode to Autumn" (Ода Осени) является ярким примером не только богатого содержания, но и богатой формы ПТ. В произведении используются только точные рифмы (за исключением неточной рифмы второй строфы — find/wind), что дополняет смысл и подчеркивает гармонию ПТ. Внутристрочные неточные рифмы и звуковые повторы (mellow/close/load и mists/mossed; oft/soft и seen/seeks/thee/half-reaped/gleaner; clouds/loud и sallows/swallows) усиливают общую для трех строф идею постоянства, продолжительности. В оде также представлены примеры аллитерации (из тридцати трех строк — в десяти): mists/mellow; him/how; round/run; fill/fruit; flowers/for; they/think; winnowing/wind; spares/swath; think/them; thou/thy; barred/bloom; light/lives; songs/spring; lamb/loud. Аллитерация вносит фонетическое разнообразие в произведение.

Ю. В. Казарин дополняет классификации Ю. М. Лотмана и Р. О. Якобсона этической функцией ПТ. Ученый также называет ее нравственной функцией, выражающей идеи антонимических пар: добро – зло, красивое – безобразное, истина – ложь и пр. В качестве примера рассмотрим стихотворение С. Крейна "Truth" (Истина):

"Truth," said a traveller,
"Is a rock, a mighty fortress;
Often have I been to it,
Even to its highest tower,
From whence the world looks black." <...>

<...> And I believed the second traveller; For truth_was to me A breath, a wind, A shadow, a phantom, And never had I touched The hem of its garment [Crane, Electronic resource]. «Истина, — сказал путник, — Скала, великая крепость; Я часто бывал в ней, Даже на самой высокой башне. Оттуда мир кажется черным» <...>

<...> И я поверил второму путнику, Поскольку ucmuna для меня была

Дыханием, призраком, И я никогда не дотрагивался До подола ее платья.

образ truth (истина), чтобы использует номинировать антонимическую пару ложь – истина. В первом случае истина ассоциируется с четкими формами скалы, крепости (тюрьмы?) и одновременно — с образом недостижимой башни: even to the highest tower (даже на самой высокой башне). Путник побывал на башне, но увидел лишь мрак: from whence the world looks black (оттуда мир кажется черным). Такое противоречивое утверждение заставляет задуматься о правдивости слов путника. В результате образ truth семантически сменяется образом untruth (ложь). Второй путник говорит, что истина для него недостижима: never had I touched the hem of its garment (я никогда не дотрагивался до подола ее платья). Герой рассматриваемого ПТ верит именно второму путнику, поэтому образ *truth* ассоциируется читателем с истиной. Фрагменты представленного ПТ "Truth" отношение С. Крейна к философской проблеме истины, раскрывают нравственные качества поэта, отделяют правду от неправды в авторском представлении. Так реализуется этическая функция ПТ.

Понимание ПТ в широком смысле также подразумевает исследование стихотворного текста с позиций текстового мышления. Ю. В. Казарин, отталкиваясь от трехаспектного понимания языка (язык – речь – текст), выделяет языковое, речевое и текстовое мышление [Казарин, 1999, с. 11]. Под

языковым мышлением ученый вслед за Ю. Н. Карауловым понимает образное моделирование обобщенной бытийной ситуации — «промежуточный язык мысли» [Караулов, 1985, с. 184–187]: например, «в доме нет еды». На стадии номинации включается поливариантное речевое мышление, обусловленное антропологическими, социальными и др. особенностями субъекта. Речевое мышление выражается в конкретном варианте обобщенной бытовой ситуации: «сходи в магазин», «купи еду». Текстовое мышление подобно речевому отражает общую ситуацию, при этом бытийная ситуация сменяется культурной: «мы есть то, что мы едим».

Текстовое мышление, в отличие от обобщенного языкового и спонтанного речевого мышления, имеет контролируемый характер. В этом смысле оно близко художественному, а, следовательно, — поэтическому мышлению. В. В. Виноградов характеризует поэтическое мышление/поэтическую речь как средство художественного мышления [Виноградов, 1963, с. 130]. Средством, процессом и результатом поэтического мышления является ПТ.

Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия и А. А. Уфимцева основной функцией языкового мышления считают номинацию. В рамках настоящей работы нас интересует не столько характер номинации, сколько ее природа «называния». Ю. В. Казарин считает, что применительно к ПТ уместно говорить даже не о бытийной/бытовой номинации, а об образной «поэтической реноминации» [Казарин, 1999, с. 12]. Ученый утверждает, что поэт не называет существующие реалии, а переназывает их, облачает их в символы посредством индивидуально-авторских кодов. Таким образом, главной особенностью ПТ становится не информативность, а экспрессивность. Основным реноминантом при этом выступает целый текст.

What can I read her What can I read her on a Sunday Morning

What can I do that will somehow reach her on a Sunday Morning

I'll read her the news of *The Indian Wars*

Full of criss-cavalry, blood & gore

Stories to tame & charm & more
On a Sunday Morning
[Morrsion, 2013, p. 128]

Что мне прочесть ей Что мне прочесть ей воскресным утром

Что мне сделать, чтобы достучаться до нее воскресным утром

Я прочту ей новости с фронта *Индейских войн*,

Полных кавалерийской резни и запекшейся крови;

Истории, чтобы укротить, очаровать и даже больше воскресным утром [Быстрова, 2013, с. 129]

В представленном ПТ американского поэта Дж. Моррисона "Miami: Sunday Morning" (Майами: воскресное утро) лирический герой старается заинтриговать женщину. Глагол to reach her (достучаться до нее) наполняется новой семантикой посредством вербальной номинации, связывающей отношения героев стихотворения с экспрессивными образами войны — страсти: the Indian Wars (индейские войны), blood & gore (кровь и резня) — stories to tame & charm & more (истории, чтобы укротить, очаровать и даже больше).

ПТ может быть описан как явление эстетического [Бахтин, 1979], культурного [Мурзин, 1994], лингвистического, антрополингвистического и духовного характера [Казарин, 1999]. Лингвистическая категория выступает в роли самого узкого из возможных пониманий ПТ, духовная — наиболее широкое понимание.

ПТ как лингвистическая категория имеет планы выражения и содержания, которые определяются единицами языковой знаковой системы.

ПТ выступает разновидностью художественного текста, обусловленного поэтической графикой и стилистикой (звуковой гармонией, поэтическим ритмом, индивидуально-авторской интонацией, поэтической лексикой, синтаксисом).

При анализе ПТ как явления антрополингвистического следует учитывать признак герметичности (индивидуально-авторскую художественную картину мира, формально-смысловые авторские коды и пр.).

Эстетичность ПТ обусловлена тем, что каждый отдельно создаваемый ПТ «ограничен» этико-эстетическими рамками метода, школы, направления. Отсюда можно сделать вывод, что ПТ является частью эстетики словесного творчества. С точки зрения культуры, ПТ мыслится шире — его знаковая система сравнивается со знаковыми системами и знаковостью культуры в целом. Конкретный ПТ рассматривается с учетом других существующих в семиосфере текстов.

Завершает начатую нами цепочку характеристик ПТ в широком смысле признак духовности, трактующийся вслед за Ю. В. Казариным «способность к номинации невыразимого, неизъяснимого» [Казарин, 1999, с. 67]. Духовность — результат лингвистической, культурной и эстетической цельности/гармонии ПТ (обусловливается в том числе профессиональноособенностей и читательской компетенцией видения нюансов ΠT). Понимание ПТ с позиций духовности есть широкое понимание ПТ. Рассмотрим стихотворение "To... Music, when soft voices die" (К... Музыка, когда стихают мягкие голоса) английского поэта П. Б. Шелли с позиций гармонии, красоты и переживаний, которые вызывает данное произведение. К. Д. Бальмонт охарактеризовал этот ПТ следующим образом: «Это стихотворение <...> принадлежит к нежнейшим образцам лирики Шелли, сотканной из лучей и ароматных лепестков» [Бальмонт, 1903, с. 179].

Music, when soft voices die, Vibrates in the memory — Odours, when sweet violets sicken, Live within the sense they quicken.

Rose leaves, when the rose is dead,
Are heaped for the belovèd's bed;
And so thy thoughts, when thou art gone,
Love itself shall slumber on [Shelley, Electronic resource].

Музыка умирающих мягких голосов Вибрирует в памяти — Аромат увядающих сладких фиалок Живет в чувствах, которые он ускоряет.

Лепестки роз, после того как роза умерла, Складывают на постель любимого; И как твои мысли о том, что жизнь прошла, Уснет и любовь.

Духовному признаку ПТ соответствует совокупность трех уровней стихотворного текста: идейно-образный, стилистический и фонический (классификация уровней дана по Б. И. Ярхо (цит. по: [Гаспаров, 2018, с. 372]). Фонетическая ПТ стилистическая красота приведенного П. Б. Шелли — аксиоматична. Краткость стиха повышает его эстетическую напряженность, скорость и глубину воздействия на читателя. Перемена рифмы — первая строфа: третья строка рифмуется с четвертой sicken – quicken (увядать – ускорять); вторая строфа: первая строка рифмуется со второй dead - bed (мертвый – кровать), третья — с четвертой: gone - on (ушел – на). Множественные аллитерации (высокая частотность повторения и чередования звуков [s], $[\theta]$, [w], [b], [d]) создают эффект шепота. На стилистическом уровне рассматриваемого ПТ "To... Music, when soft voices die" обнаруживаются следующие поэтические тропы, представленные метафорами voices die (голоса умирают), music vibrates (музыка вибрирует), odours live (аромат живет), violets quicken the sense (фиалки ускоряют чувство / усиливают восприятие),

love shall slumber (любовь уснет). Идейно-образный уровень произведения актуализирует основную мысль-послание, выраженную в строках music vibrates in the memory (музыка вибрирует в памяти) и rose leaves are heaped for the belovèd's bed (лепестки роз складывают на постель возлюбленного), art gone (жизнь прошла). П. Б. Шелли говорит о простом и одновременно невероятно сложном, непостижимом предмете: память о любимом умершем человеке живет в сердцах его близких.

Совокупность трех уровней ПТ синтезируют духовные текстовые качества, которые воспринимаются читателем через личностные переживания, актуализацию его жизненного опыта, восхищение/страх перед вечными темами человеческого бытия, которые можно выразить в парадигме жизнь – смерть – любовь. В центре исследования текста с позиции духовности стоит субъективная чувственность, способность читателя уловить красоту ПТ, которая воодушевляет, дарит радость. Поэзия является результатом культурной, эстетической и смысловой конденсации поэтической картины автора, воздействующей на читателя непредсказуемо. мира номинирует невыразимое посредством совокупности цельнооформленности, полиинтерпретативности, герметичности и др. признаков ПТ: никто не обладает знанием о том, что происходит «после смерти»; невозможно исчерпывающе выразить любовь; понять, что такое Бог и т. д. В этом смысле поэзия является субъективным авторским взглядом на вещи непознаваемые.

Таким образом, ПТ в широком смысле представляется результатом (выраженным, как правило, в стихотворной форме) языковой деятельности человека, задачей которой является передача преимущественно этико-эстетической, духовной информации.

Рассмотрев феномен ПТ, его формы и виды в узком и широком понимании, а также сравнив различные точки зрения и подходы к решению данного вопроса, мы переходим к формальному описанию ПТ посредством выделения и определения его признаков, качеств и свойств.

1.2. Генеральные, категориальные и дифференциальные признаки поэтического текста

Сегодня изучение природы ПТ трудно представить без осмысления исследователского опыта, накопленного зарубежными и отечественными лингвистами. Отметим актуальные на сегодняшний день труды зарубежных ученых: исследования Л. Р. Вог, в которых ученый рассматривает природу и свойства ПТ; научные тексты Р. Б. Дюплесси, посвященные изучению культурологических аспектов поэзии; работы М. Жирар по современной женской поэзии; труды Л. А. Киннахан по экспериментальной поэзии; исследования американской современной поэзии Дж. Марша; а также работы К. Нельсон, М. Нельсон, П. Николлса, Р. Д. Паркера, Л. Шо, Э. Эпштейна и мн. др.

Значительный вклад в разработку проблемы признаков и свойств текста, в частности ПТ, внесли отечественные ученые: Л. Г. Бабенко, М. М. Бахтин, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, Е. А. Гончарова, С. Г. Ильенко, Ю. В. Казарин, М. Н. Кожина, Т. В. Матвеева, А. И. Мороховский, А. И. Новиков, Ю. А. Сорокин, Е. В. Сидоров, З. Я. Тураева, И. Я. Чернухина и др.

В начале 1980-х гг. И. Р. Гальперин выделил основные содержательные и формально-структурные признаки текста, а именно — информативность, членимость, когезия (логическая взаимосвязанность фрагментов текста), континуум (последовательность фактов и событий, происходящих во времени пространстве), автосемантия отрезков текста (их относительная (отнесенность самостоятельность), ретроспекция К предшествующей содержательно-фактуальной информации), проспекция (отнесенность к содержательно-фактуальной информации), последующей модальность (отношение автора текста к тому или иному объекту), интеграция и

завершенность (полное осмысление содержательно-концептуальной информации реципиентом) [Гальперин, 1981].

А. И. Новиков рассматривает текст не только как результат языковой деятельности, но и как постоянно изменяющуюся систему в процессе ее порождения и восприятия. К текстовым признакам ученый относит развернутость, последовательность, связность, законченность, глубинную перспективу (переход от внешней формы текста, совокупности языковых средств, включая их содержательную сторону, реализующую замысел автора, к внутренней, то есть к тому, что понимается, — к содержанию), статику и динамику текста [Новиков, 1983].

В конце 1980-х гг. И. Я. Чернухина предлагает другой подход к описанию признаков текста. Она вычленяет так называемые универсальные смыслы текста, то есть абстрагированные фрагменты текстового содержания, которые относятся к содержанию всех художественных текстов. К ним исследователь относит время, пространство, героя и событие [Чернухина, 1987].

В 1990-е гг., а также в начале XXI в. появляются новые текстоведческие исследования, которые дополняют предложенные ранее признаки текста. Так, Т. В. Матвеева выделяет тематическую определенность, тональность (субъективная модальность, текстовая экспрессивность), оценочность, темпоральность (текстовое время), локальность (текстовое пространство; темпоральность в совокупности с локальностью образуют хронотоп) [Матвеева, 1990].

Довольно развернутый перечень признаков текста дает А. И. Горшков, а именно: выраженность, ограниченность, связность, цельность, упорядоченность, структурность [Горшков, 1996].

В учебниках русского языка А. И. Власенкова и Л. М. Рыбченковой отмечаются такие признаки текста, как цельность, членимость, тематическое и композиционное единство, наличие грамматической связи между частями,

идея, смысловая завершенность, связность, относительная законченность [Власенков, 1998; Рыбченкова, 2000].

А. Ф. Папина выделяет в качестве глобальных признаков текста участников коммуникативного акта, события, процессы, факты, время (реальное/ирреальное), пространство и место объектов, аксиологические и логические оценки [Папина, 2002].

Н. С. Болотнова предлагает широкую систематизацию признаков текста. Ученый относит К НИМ коммуникативность, концептуальность, прагматичность, информативность, структурность, диалогичность, регулятивность, смысловую завершенность, модальность, эмотивность, проспективность И ретроспективность. Также она отмечает, основополагающими текстовыми признаками являются цельность и связность [Болотнова, 2009].

Л. Г. Бабенко И Ю. В. Казарин учебном пособии В своем «Лингвистический анализ художественного текста» выделяют следующие текстовые признаки: целостность (обусловлена концептуальностью (обеспечивается информативностью, текстового замысла), связность хронотопичностью), завершенность, абсолютная интегративностью И антропоцентричность (понимается по Е. А. Гончаровой: автор — создатель художественного произведения; действующие лица; читатель — «сотворец» Гончарова, 1983]), художественного произведения» социологичность, развернутость и последовательность, статичность и динамичность (вслед за А. И. Новиковым текст рассматривается в процессе написания и осмысления [Новиков, 1983]), напряженность, эстетичность и образность. Особое ученые уделяют интерпретируемости текста — признаку, в внимание соответствии с которым реципиент понимает творческий замысел автора, опираясь на свою социально-культурную компетенцию [Бабенко, 2005].

Отдельного внимания заслуживает типология текстовых признаков, разработанная учеными Уральской семантической школы под руководством

Л. Г. Бабенко. Так, Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин делят текстовые признаки на категориальные и дифференциальные. Категориальные признаки для всех текстов одинаковы — к ним относят цельность, связность и завершенность. В зависимости от типа текстотворчества выделяется различная языковая, прагматическая и культурологическая природа текста, от которой зависят его дифференциальные признаки. Рассматривая признаки, свойства и функции ПТ, необходимо отметить их интегративность. Термин понимается по Н. С. Болотновой: «ориентация всех элементов текстовой структуры на синтез — на воплощение содержательного плана текста, организованного авторской интенцией, его конкретными целями и мотивами» [Болотнова, 2009, с. 143].

Ю. В. Казарин в монографии «Мастерская текста» предлагает систематизацию текстовых признаков, основанную на их конститутивности. Ученый делит все известные признаки на генеральные (встречаются во всех текстах), категориальные (не во всех), дифференциальные (в некоторых) и дополнительные [Казарин, 2008].

По мнению Ю. В. Казарина, важнейшими генеральными признаками текста являются системность, структурность и функциональность. Ученый системность является совокупностью считает, что структурности и функциональности. Структурность текста обусловлена структурностью коммуникативной деятельности. Она многогранна, поскольку в тексте присутствуют семантическая и грамматическая структуры, а также структуры стилистических приемов композиции, логическая структура. И Функциональность креативная/творческая видится В трех аспектах: функциональность, эстетическая и этическая (см. п. 1.1.2).

К прочим генеральным признакам текста Ю. В. Казарин относит самоорганизованность (саморезультативность и самопорождаемость), вербальность (результат текстотворчества), кодифицированность (текст как система культурологических, графических, звуковых, грамматических,

стилистических, дискурсных и языковых кодов), интерпретативность (также полиинтерпретативность), антропологичность, модальность (отношение к предмету, коннотативность в широком смысле), энергетичность (текстовая способность накапливать, сохранять и выделять языковую, культурную, психологическую, социальную энергию), культурологичность (текст — единица культуры), духовность (текст вымещает в себя и выражает мысль и переживание).

Важнейшими категориальными признаками выступают цельность, связность и завершенность. Цельность (целостность) обусловлена концептуальностью текстового смысла, который формируется в сознании читателя, а также сюжетом, фабулой, композицией, то есть формальными текстовыми структурами.

I wander'd lonely as a *cloud*That floats on high o'er *vales and hills*,
When all at once I saw a *crowd*,
A host of golden *daffodils*,
Beside the *lake*, beneath *the trees*Fluttering and dancing in *the breeze*[Wordsworth, Electronic resource].

Среди долин, холмов зеленых Блуждал я облаком седым, Вдруг очутился перед рощей, Среди нарциссов золотых. Они над озером склонено, Внимали ветру упоенно [Полянски, Электронный ресурс].

Отрывок (первая строфа) стихотворения У. Вордсворта "The Daffodils" (Нарциссы) являет собой тематическое, концептуальное и модальное единство, выраженное в регулярной повторяемости ключевых слов и их К ключевым синонимизации. словам данного ПТ онжом существительные cloud (облако), vales (долины), hills (холмы), crowd (роща), daffodils (нарциссы), lake (озеро), trees (деревья), breeze (ветерок), каждое из которых является репрезентантом пейзажной лирики. Тематическая близость указанных существительных реализуется на основании импликации, основанной ситуативных на связях — наличие одних ситуативно

изображаемых предметов предполагает наличие других связанных с ними предметов: crowd - trees - daffodils, lake - breeze - cloud - hills - vales.

Под связностью текста понимается развернутость, последовательность, а также отношения сочетаемости культурологических, графических, звуковых, грамматических, языковых, композиционных и пр. единиц.

I have eaten the plums that were in the icebox

and which
you were probably
saving
for breakfast

Forgive me they were delicious so sweet and so cold

[Williams, Electronic resource].

Я съел сливы

которые были в холодильнике

и которые ты должно быть оставила на завтрак

Прости меня он были очень вкусные сладкие и холодные.

В стихотворении У. К. Уильямса "This is just to say" (Просто сказать это) находим пример связности ПТ, представленной через контекстную ретроспекцию, которую можно выразить в предложении *the plums which you were saving / they were delicious (сливы, которые ты оставила / они были очень вкусные)*. Указательное местоимение *which* во второй строфе и местоимение *they* отсылают читателя к существительному *plums* из первой строфы.

Завершенность (неаддитивность) — финальность компонентов плана содержания и выражения текста. Признак неаддитивности можно проиллюстрировать стихотворением с открытой концовкой (риторическим вопросом), по В. А. Лукину, — художественным текстом с открытой структурой [Лукин, 1999]. Рассмотрим фрагмент из ПТ У. Уитмана "Miracles" (Чудеса):

<...> To me the sea is a continual miracle,
The fishes that swim — the rocks — the motion of the
Waves — the ships with men in them,
What stranger miracles are there? [Whitman, Electronic resource].

<...> Для меня море — продолжающееся чудо, Плавающая рыба — скалы — движение Волн, в которых видно овец и людей. Какие есть более великие чудеса?

Открытая концовка представленного поэтического фрагмента обостряет переживания, ассоциации, усиливает морские образы sea (море) — miracle (чудо), waves (волны) — ships (овцы) поэта до предела. Автор заканчивает стихотворение риторическим вопросом как обращением к вечности, как бы говоря, что море — это высшее чудо, которое он способен воспринять. С другой стороны, каждый читатель волен ответить на этот вопрос по-своему, субъективно интерпретируя образ чуда в своем сознании.

К прочим категориальным признакам относятся следующие: М. М. Бахтину, Л. Г. Бабенко диалогичность напряженность ПО ПО (коннотативность, фабульность, композиционность), стилистичность (соответствие вербального выражения текста денотативному пространству мира, адекватность функции и содержания).

Описывая дифференциальные признаки текста, отметим, что они свойственны в основном художественным текстам, в особенности ПТ. В рассматриваются данном разделе исследования не приведенные информации (содержательно-фактуальная, И. Р. Гальпериным ТИПЫ содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая) [Гальперин, 1981]. Вместо них обсуждаются специфические, не так широко исследованные информации. Ю. В. Казарин ТИПЫ относит К ним информацию культурологического и текстологического характера (история, время, география), этико-эстетическую информацию (сценарий текста,

направление), антропологическую информацию (языковые особенности автора), дискурсную информацию (способы вербализации мысли, образа).

К дифференциальным признакам ПТ относится экспериментальность — разнообразные кодовые новации в тексте. Рассмотрим экспериментальное стихотворение Р. Армантрут "Advent" (Приход):

In front of the craft shop, a small nativity, mother, baby, sheep made of white and blue balloons.

*
Sky
God
girl.

Pick out the one that doesn't belong.

*

Some thing

close to nothing

flat

from which, fatherless,

everything has come

[Armanto, Electronic resource].

Напротив мастерской небольшое рождество —

мать, дитя, овца из белых и голубых воздушных шаров.

*

Небо

Бог Девочка. Выбери лишнего.

*

Что-то

близкое к ничто,

плоское, из чего без отца

появилось все.

Р. Армантрут графически делит данное стихотворение на строфы, одновременно отказываясь от них: поэт формально включает строфы в стихотворение, чтобы продуктивно упорядочить небольшие группы фраз/слов по смыслу, облегчить их восприятие и организовать ПТ фонетически (также необходимо отметить высокую частотность аллитераций: повторение звуков [s], [z], [ʃ], [k], [f], [g], [m]). К этим группам относятся следующие ряды существительных: образы рождения/прихода Христа mother – baby – sheep (мать – дитя – овца), авторское переложение евангелического сюжета Sky –

 $God - girl \ (Hebo - For - девочка)$ и имплицитный, вербально не выраженный ряд $Girl - fatherless \ (девочка - без отца)$. Экспериментальная поэзия является поэзией ассоциативной, спонтанной, импровизированной, непредсказуемой, ориентированной не на аспект понимания, а на чувственное восприятие ΠT .

Другим дифференциальным признаком ПТ является эвристичность — содержание в тексте сверхактуальных глубинных смыслов или приемов. Основными средствами выражения признака эвристичности служат открытие, оригинальность, реноминация. Следует отметить, что реноминация в данном случае рассматривается в креативном аспекте по Ю. М. Лотману как функция смыслообразования и конденсации культурной памяти. В представленном ниже фрагменте стихотворения С. Плат "Mad girl's love song" (Песнь о любви безумной девочки) встречаем пример реноминации: автор выражает сильные вызванные любовью чувства оригинально, не напрямую, прибегая к описательным средствам, не связанным с любовью, но обретающим новый, уникальный смысл в контексте произведения и его интерпретации:

I shut my eyes and all the world drops dead;

I lift my lids and all is born again.

(I think I made you up inside my head.) <...> [Plath, Electronic resource].

Я закрываю глаза, и весь мир гибнет;

Я поднимаю веки, и все рождается снова.

(Я думаю, что придумала тебя в своей голове) <...>.

К реноминации относятся первые две строки представленного текстового фрагмента *I shut my eyes and all the world drops dead; I lift my lids and all is born again (Я закрываю глаза, и весь мир гибнет; я поднимаю веки и все рождается снова.)*. С. Плат, прибегая к метафорам, выражающим образы *темнота — смерть* и *свет — жизнь*, реноминирует образ *любовь*. Чувство, стоящее за этим образом, настолько сильное, что С. Плат не может поверить в

его существование, ставя происходящее под сомнение строкой *I think I made* you up inside my head (Я думаю, что придумала тебя в своей голове).

Еще один дифференциальный признак ПТ — энигматичность (смысловая «затененность» текста, то есть реноминация непознаваемого, неизъяснимого, невыразимого). В качестве примера обратимся к стихотворению Н. Ш. Най "How do I know when the poem is finished?" (Как мне понять, когда стихотворение закончено).

When you quietly close the door to a room the room is not finished.

It is resting. Temporarily. Glad to be without you for a while.

Now it has time to gather its balls of gray dust, to pitch them from corner to corner.

Now *it seeps back into itself,* unruffled and proud.
Outlines grow firmer.

When you return, you might move the stack of books, freshen the water for the roses.

I think you could keep doing this forever. But the blue chair looks best with the red pillow. So you might as well

leave it that way [Nye, Electronic resource].

Когда ты тихо закрываешь дверь в комнату комната не закончена.

Она отдыхает. Временно. Она рада немного побыть без тебя.

Теперь у нее достаточно времени собирать клубы серой пыли и катать их из угла в угол.

Теперь она погружается в себя спокойная и грациозная. Становится видно ее границы.

Когда ты вернешься, ты переставишь стопку книг, поставишь розы в свежую воду.

Я думаю ты можешь заниматься этим вечно. Но к голубому стулу больше подходит красная подушка. Поэтому ты также можешь

оставить все как есть.

В данном ПТ, строящемся на сочетании фигур олицетворения: It is resting (Она отдыхает), Glad to be without you for a while (рада немного побыть без тебя), it has time to gather its balls of gray dust (у нее достаточно времени собирать клубы серой пыли) и it seeps back into itself (она погружается в себя), — описывается комната, ее уборка, перепланировка. Учитывая название ПТ, делаем вывод, что уборка комнаты сравнивается с процессом написания И бесконечного улучшения/переписывания стихотворения (в широком смысле комната=стихотворение): I think you could keep doing this forever (Я думаю ты можешь заниматься этим вечно). Процесс механической доработки противопоставляется чувству гармонии, видению красоты, которая является критерием завершенности: But the blue chair looks best with the red pillow (Но к голубому стулу больше подходит красная подушка). Признак энигматичности реализуется в данном ПТ посредством смысловой и тематической широты произведения: комната – стихотворение – бытие. Н. Ш. Най выражает универсальные понятия гармонии, идеала, которые могут быть отнесены к любой сфере человеческого бытия. Таким образом, мы имеем дело с вербально невыраженным смысловым комплексом ΠT , результате который формируется В восприятия произведения реципиентом. В данном случае уместно говорить о многосмысленности текста по И. Р. Гальперину: подтекстовая информация не равна художественным способности выражения И возникает благодаря средствам слов, словосочетаний, предложений (текстовых единиц) текста иметь скрытый смысл [Гальперин, 1981].

Следующим дифференциальным признаком ПТ является комплетивность — языковое обогащение, порождение традиций, форм культуры и пр. В качестве примера приведем американские поэтические течения XX в.: объективисты (1930-е гг.; представители — К. Ракоши, Л. Зукофски, Ч. Резникофф, Д. Оппен, Б. Бантинг, У. К. Уильямс), поэты Блэк Маунтин (1950-е гг.; представители — Р. Данкен, Э. Дорн, П. Блэкбёрн, X. Марли, Д. Уильямс, Р. Крили, Ч. Олсон), поэты-битники (1950-е гг.; представители — А. Гинзберг, У. С. Берроуз, Д.-Л. Керуак, Л. Карр, X. Ханкк, Г. Корсо, М. Макклур) и др.

Особенностью языковых принципов объективистов было «эксплуатирование обычных слов». Л. Зукофски писал: "<...> a case can be made for the poet giving some of his life to the use of the words the and a: both of which are weighted with as much epos and historical destiny as one man can perhaps resolve. Those who do not believe this are too sure that the little words mean nothing among so many other words <...>" [Zukofsky, 1981, p. 10] (В данном случае речь идет о поэте, который посвятил часть своей жизни использованию слов *the* и а. Оба эти слова пропитаны историзмом и эпосом настолько сильно, насколько отдельно взятый человек может почувствовать. Те, кто в это не верят, убеждены, что маленькие слова теряют смысл среди всех остальных слов).

Представленное ниже стихотворение Ч. Резникоффа "A girder" (Брус) состоит из двух строк и выражает основную идею объективистов на примере

бруса, лежащего в мусоре. Данный ПТ, по мысли Ч. Резникоффа, олицетворяет стихи/поэзию, прибывающую в *the rubbish (мусоре)* — неподдельности, искренности [Clover, Electronic resource].

Among the heaps of brick and plaster lies a girder, still itself among the rubbish [Reznikoff, Electronic resource].

Среди кирпичных куч и штукатурки Лежит брусок посреди свалки.

Позднее, в 1976 г., к этому стихотворению обратился другой объективист Л. Зукофски, изменив последнее слово, выраженное существительным *rubbish*, на существительное *rubble* (*щебенка*): "a girder, still itself among the rubble" [Oppen, 2006, p. 2].

Основная идея языковой формы стихов поэтов Блэк Маунтин была сформулирована Ч. Олсоном в эссе "Projective Verse" (Проективные стихи) (1950). Поэт высказывает необходимость отказа от так называемых закрытых традиционных поэтических форм в пользу открытых. Рассмотрим отрывок стихотворения Ч. Олсона "Maximus, to himself" (Максимус сам себе):

I have had to learn the simplest things last. Which made for difficulties. Even at sea I was slow, to get the hand out, or to cross a wet deck. The sea was not, finally, my trade. But even my trade, at it, I stood estranged from that which was most familiar. Was delayed, and not content with the man's argument that such postponement is now the nature of obedience, that we are all late in a slow time, that we grow up many And the *single* is not easily known < ... > [Olson (a), Electronic resource].

Мне все-таки пришлось научиться простейшим вещам, которые предназначены для трудностей. Даже в море я медленно становился непокорным, пересекал влажную палубу. Море оказалось не моим ремеслом. Но даже в моем ремесле я был чужд всего наиболее знакомого. Я отстал и не довольствовался человеческим тезисом о том, что такое отставание стало природой покорности, что мы все опаздываем в медленном времени, что мы вырастаем все, а кого-то одного трудно узнать <...>.

Данный ПТ, по мысли поэтов Блэк Маунтин, является открытым стихотворным текстом, строки которого приближены к импровизированному повествованию, разговорной речи. Автор напрямую выражает то, что хочет сказать: the simplest things which made for difficulties (простейшим вещам, которые предназначены для трудностей). Структура ПТ основана на принципе "one perception immediately and directly (leading) to a further perception" [Olson (b), Electronic resource] (восприятие одного немедленно и напрямую приводит к восприятию другого). Данная мысль реализуется в рассматриваемом ПТ посредством следующего цикличного образного ряда simplest things – difficulties – sea – trade – estrange – postponement – obedience – being late – single is not known (простейшие вещи – трудности – море – ремесло – отстраненный – отставание – покорность – опаздывать – одного не просто узнать). Основываясь на представленном образном ряде, мы можем проследить постоянную смену предметов повествования при сохранении общей тематики: покорность — общая, свобода — личная.

На поэзию битников сильно повлияли английский романтизм (Г. Корсо, А. Гинзберг, М. Макклур — поклонники творчества П. Б. Шелли),

американский трансцендентализм (Р. У. Эмерсон, Г. Мелвилл, У. Уитман и др.) и французский сюрреализм (А. Антонен, А. Бретон, Г. Аполлинер и др.). Характерные черты и приемы бит-поэзии — размытость образов, поток сознания, свободный стих. В качестве примера рассмотрим стихотворение М. Макклура "Сатео One" (Эпизодическая роль один):

WE HAVE GONE GONE. GONE in the hole where soul swells into nothing

leaving solid space where *profiles*of gods and fairies

are carved and finely polished

by the clanking of trucks,

thunder-shaking

waves, and the taste of mangos

[McClure, Electronic resource].

МЫ УШЛИ УШЛИ. УШЛИ в червоточину где

душа

становится

ничем

оставляя тело

в котором вырезаны

профили богов

и фей и

в конечном счете

полированы

лязганьем грузовиков,

волнами

громовой тряски и вкусом манго.

В представленном стихотворении частично отсутствуют знаки препинания, ритм, рифма и прочие признаки регулярного стиха. Произведение наполнено имплицитными ассоциативными образами soul swells into nothing (душа становится ничем), profiles of gods and fairies (профили богов и фей), the taste of mangos (вкус манго) и в целом является одной непрерывной ассоциацией, направленной на воспроизведение у читателя осознания состояния автора в момент написания стихотворения. В данном случае смысл ПТ отходит на второй план, остаются только передаваемые автором чувства и эмоции, возникающие через средства выражения стихотворного текста.

Рассматривая признак комплетивности, нельзя обойти стороной и репродуктивную функцию ПТ (в узком смысле — предыдущий текст

способствует созданию последующего; в широком — подражательство, учеба, тренинг, текстовая редупликация автора). Репродуктивность ПТ может быть показана на примере стихов авторов, принадлежащих к одной школе (например, поэты Блэк Маунтин), поскольку их произведения объединены общими идейными принципами и в какой-то степени подражают друг другу как по форме, так и по содержанию (см. примеры выше). Возвращаясь к рассмотренным выше стихам, отметим, что тексты объективистов объединены строгим выбором тематической лексики, а произведения битников сюрреалистичны и ассоциативны и т. д.

К дифференциальным признакам ПТ относится герметичность — содержание в тексте индивидуальных авторских кодов. Одним из ярчайших примеров герметичности ПТ являются творения английского романтика У. Блейка. Произведения поэта наполнены, порою — переполнены индивидуально-авторскими кодами. Так, лексема worm (червь) встречается 87 раз в книге "William Blake. The Complete Poems" (Уильям Блейк. Полное собрание поэтических сочинений) [Blake, 2004]. В зависимости от произведения и контекста употребления индивидуально-авторский код worm определяется следующими значениями:

- низший аспект божественной природы в поэме "The Book of Thel" (Книга Тель) [Ibid, p. 83];
- образ доктрины всеспасения в книге "Proverbs of Hell" (Притчи ада) [Ibid, p. 183];
- образ любви в поэме "Visions of the Daughters of Albion" (Видения дщерей Альбиона) [Ibid, p. 202];
 - символ смертности в поэме "Europe" (Европа) [Ibid, p. 234];
- образ жизненного цикла / образ низшей формы жизненного цикла (червь змей дракон младенец) в поэме "Vala, or The Four Zoas" (Вала, или Четыре Зоа) [Ibid, р. 305, 318];
 - символ всемогущества Бога в поэме "Milton" (Мильтон) [Ibid, p. 551];

- символ Запада в поэме "Jerusalem" (Иерусалим) [Ibid, p. 846];
- символ сексуальной энергии в стихотворении "For the Sexes: The Gates of Paradise" (Полам: врата рая) [Ibid, p. 862].

Среди прочих дифференциальных признаков выделяется графичность (прямой признак всех печатных и виртуальных текстов, потенциальный признак синкретических текстов), а также образность и связанная с ней хронотопичность (связь пространственно-временных характеристик — указание в ПТ конкретного временного периода, существующего или вымышленного города, места или, напротив, описание абстрактного пространства типа нигде/везде).

В рамках данного научного исследования мы принимаем за основу классификацию, разработанную Уральской семантической школой. Дополним ее признаком интертекстуальности, подробному описанию которого посвящена 2-я глава настоящей диссертационной работы.

Выводы

В главе представлено исследование поэтического текста в узком и широком смыслах. Μы, основываясь Е. Н. Азначеевой, на трудах М. Л. Гаспарова, В. М. Жирмунского, Ю. В. Казарина, И. И. Ковтуновой и др., определяем ΠT В узком смысле лингвистическую как категорию, рассмотренную с позиций идейно-образного, лексико-стилистического и фонического уровней стихотворного произведения. В этом случае ПТ — это ритмически организованная обычно рифмованная речь, характеризующаяся большим количеством стилистических фигур, выражающих авторскую эстетику.

ПТ в широком смысле — категория антрополингвистическая, изученная с точек зрения креативной (по Ю. М. Лотману), эстетической (по Р. О. Якобсону) и этической (по Ю. В. Казарину) функций поэтических произведений. Основываясь на трудах указанных ученых, а также на

результатах практического анализа мы определяем ПТ в широком смысле как результат (выраженный, как правило, в стихотворной форме) языковой деятельности человека, задачей которой является передача преимущественно этико-эстетической, духовной информации.

Вслед за М. Л. Гаспаровым, Ю. В. Казариным, А. П. Квятковским, Ю. М. Лотманом, Ю. Б. Орлицким, Ю. Н. Тыняновым и др. рассмотрены четыре типа поэтических текстов: регулярный, свободный, смешанный, поэтическая проза.

К регулярному типу ПТ отнесены силлабо-тонические (имеющие рифму, соразмерность числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках; допускающие отступление от ритма), тонические (акцентные стихи, в которых в качестве ритма принимается количество ударений в строке, а количество безударных слогов между ударными не учитывается) и белые стихи (написанные с соблюдением ритма и метра, но не имеющие рифмы).

К свободному (созданному на основе верлибра) ПТ относятся произведения, нарушающие принципы силлабо-тонического стихосложения.

В смешанном ПТ сочетаются особенности регулярного и свободного типов.

Поэтическая проза — эстетически напряженный, наполненный стилистическими фигурами и яркими образами ПТ. Поэтическую прозу можно характеризовать затененностью сюжетной линии — вместо нее наблюдается поток авторского сознания, генерирующий яркие поэтические образы, на основе семантики которых выстраивается логика повествования, имплицитно называется основная проблематика/тематика текста, формулируются переживания автора произведения.

Классифицированы и обсуждены основные признаки, качества и свойства поэтического текста, к которым относятся генеральные (системность, структурность, функциональность, вербальность,

кодифицированность, интерпретативность, антропологичность, модальность, энергетичность, культурологичность, духовность), категориальные (цельность, связность, неаддитивность, коннотативность, фабульность, дифференциальные стилистичность) композиционность, И (экспериментальность, эвристичность, энигматичность, комплетивность, графичность, образность, хронотопичность) герметичность, признаки. Представленная типология базируется на исследованиях ученых Уральской (руководитель — проф. Л. Г. Бабенко). семантической школы Данная типология дополняется интертекстуальностью (выделенной Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным в свойство, но не в признак художественного и поэтического текстов), являющейся одновременно генеральным и дифференциальным признаком поэтического текста.

В дальнейших разделах диссертации мы будем неоднократно обращаться к рассмотренной типологии Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина. Особое значение для осмысления природы и динамики смыслового комплекса единиц поэтического текста, а также для разработки авторской комплексной модели исследования сыграли результаты представленного выше анализа англоязычных поэтических текстов.

Так, комплекс признаков интерпретативности (полиинтерпретативности), коннотативности, образности и энигматичности позволяет говорить о свойстве имплицитности единиц поэтического текста, которое под влиянием функционально ориентированных интертекстуальных отношений преобразуется в авторскую реноминацию исследуемых лексем или групп лексем. Это наблюдение вносит весомый вклад в осмысление свойств интертекстуальных единиц ПТ, что упрощает решение методологической проблемы описания критериев, использующихся для вычленения этих единиц.

Важным для дальнейшего анализа ПТ и проработки особенностей природы и динамики смыслового комплекса текстовых единиц представляются комплексы следующих генеральных, категориальных и

дифференциальных признаков: антропологичность, модальность, энергетичность, культурологичность, духовность, связность, неаддитивность, стилистичность, а также хронотопичность. Эти комплексы используются для поиска и выявления произведений — участников интертекстуальных отношений в ходе анализа поэтических текстов, а также для установления закономерностей повторяемости авторских доминант-кодов в рамках текстового корпуса отдельного поэта.

Совокупность указанных признаков позволяет обратить внимание на динамические свойства смыслового комплекса единиц ПТ, позволяющие говорить о следующем:

- отнесенности исследуемых единиц и всего ПТ в целом к предшествующим текстам или культурологическим реалиям;
- осмыслении природы межтекстового взаимодействия, например, по критерию традиции или поэтического направления;
- учете пространственно-временных особенностей создания произведений участников межтекстового взаимодействия;
- интегративности признаков ПТ и влиянии интегративности на семантику рассматриваемых произведений;
- актуальности разработки методики анализа глубинных смыслов ПТ и его единиц.

ГЛАВА 2.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Цель главы — рассмотреть интертекстуальность как признак В поэтического текста. главе обсуждаются подходы исследования интертекстуальности, предлагается авторское определение данного понятия в широком и узком смыслах. Рассматриваются типы интертекстуальных единиц. Кроме того, описывается интерконтекстуальный тип межтекстовых отношений, выполняющий функцию смыслообразования. Осмысляется специфика интертекстуальных связей в поэтическом тексте.

2.1. Интертекстуальные основания исследования

Теория интертекстуальности (далее — ИТ) является детально проработанной лингвистической концепцией, основой исследования текстовых отношений, собственно текста, а также процессов, формирующих семантический комплекс словотворчества в любом его проявлении.

ИТ рассматривается неотрывно от культурологических особенностей текста и общества. В современной популярной культуре существует схожее с ИТ явление — известный феномен «пасхального яйца» (от англ. Easter egg; виртуальное пасхальное яйцо, «пасхалка», смысл которой заключен в отсылке к Easter egg hunt (Отыщи пасхальное яйцо) — детской забаве, традиционной для англо-американской культуры). Авторство первого «пасхального яйца» приписывается У. Робинетту, создателю видеоигры "Adventure" (1979). Первые лингвистические научные работы по теории ИТ появились на 12 лет раньше, чем «пасхальное яйцо» — в 1967 г. Феномен «пасхального яйца» является упрощенным примером интертекстуальных отношений (далее ИТ, например, ИТ отношения), который, однако, успешно отражает их суть: заложенная создателем загадка художественного произведения, как правило,

не вписывающаяся в его общую концепцию и зачастую являющаяся внешней ссылкой. С этой точки зрения единицы ИТ — это своего рода «пасхальные яйца», имеющие многоаспектную текстовую природу, формирующие глобальную референциальную сеть отношений феноменов культуры: продуктов словотворчества — художественных, поэтических, научных и других текстов, кинематографии, театра, интернет-культуры и пр.

Первая и наиболее общая характеристика ИТ была предложена Ю. Кристевой в 1967 г.: способность любого текста вступать в диалог с другими текстами [Кристева, 2004]. Данное широкое определение послужило почвой для дальнейших лингвистических исследований и вариантов определения описываемого феномена.

Р.-А. де Богранд и В. У. Дресслер в работе «Введение в лингвистику текста» (1981) трактуют ИТ как взаимозависимость порождения или рецепции данного текста и знания участника коммуникации других текстов [Beaugrande, Electronic resource].

Ж. Женетт, У. Бройх, М. Пфистер в западной лингвистической традиции и А. К. Жолковский, М. Б. Ямпольский, В. П. Руднев — в отечественной определяют данный феномен как соприсутствие в одном тексте одного или более текстов [Жолковский, 1994; Ямпольский, 1993; Руднев, 1996; Женетт, 1998].

И. П. Смирнов считает, что ИТ является «текстовой способностью формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты, которые встречаются в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 11].

По мнению И. В. Арнольд, под ИТ следует понимать «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде маркированных и немаркированных, преобразованных и неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд, 1999, с. 346].

В работах Е. В. Михайловой представлено следующее определение ИТ: «многомерная связь отдельного текста с другими текстами по линиям содержания, жанрово-стилистическим особенностям, структуре, формально знаковому выражению» [Михайлова, 1999, с. 6].

Н. А. Фатеева считает, что ИТ следует рассматривать с двух позиций: автора и читателя. С позиции автора это способ генерирования собственного «я» через сложную систему отношений, оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов. С позиции читателя ИТ понимается как установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста посредством установления многомерных связей с другими текстами [Фатеева, 2000, с. 16–20].

Ю. М. Лотман понимает под ИТ онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного), определяющее его «вписанность» в процесс литературной эволюции. Ученый пишет, что художественное произведение становится текстом в том случае, если происходит актуализация его интертекстуальности [Лотман, 1996].

Н. А. Кузьмина, рассматривая феномен ИТ с позиций теории референции, определяет ИТ как двойную референтную отнесенность текста (полиреферентность) к действительности или другому тексту. В свете теории информации ученый понимает под ИТ способность текста накапливать информацию опосредованно, извлекая ее из других текстов. В рамках семиотики ИТ соответствует деривационным отношениям, то есть отношениям между исходным и производным знаками. Следовательно, ИТ может быть определена как деривационная история текста. С точки зрения культурологии, Н. А. Кузьмина, основываясь на трудах Ю. М. Лотмана, соотносит ИТ с понятием культурной традиции — семиотической памяти культуры [Кузьмина, 1999, с. 25–26].

На основе представленных трактовок можно сделать вывод, что понятию ИТ соответствуют инвариантные признаки, выраженные

маркированными/немаркированными языковыми сигналами, посредством которых происходит текстовый диалог.

Рассматривая различные подходы к описанию и определению феномена ИТ, обратим внимание на еще два понятия: метатекст и прототекст. И метатекст, и прототекст являются функциональной разновидностью текста. Другими словами, это и есть те тексты, между которыми происходит диалог. Определим представленные понятия И. П. Смирновым: вслед за метатекст — текст о тексте, то есть текст, который выполняет не только референтную функцию, но и функцию интерпретации или экспликации референтного смысла прототекста [Смирнов, 1985, с. 9]. Прототекст, в свою очередь, определяется по Н. А. Кузьминой — это базовый текст, с опорой на который создается метатекст [Кузьмина, 1999, с. 26]. Н. А. Кузьмина вводит понятие t_0 — момент, в который происходит анализ отдельного текста. Этот текст принимается за метатекст. Все произведения, созданные до t₀, считаются потенциальными прототекстами; произведения, созданные до t_0 и упомянутые в анализируемом тексте, — реальными прототекстами [Там же, с. 27]. Таким образом, прототекст — это начальный, оригинальный текст, на который метатекст ссылается через ИТ реминисценции (цитации, аллюзии и пр.). Прототекст — текст-донор. Метатекст — текст-акцептор.

В рамках настоящего исследования будет использоваться следующая терминология:

- 1) базовый текст анализируемый текст;
- 2) *адресный текст/тексты* произведение/произведения, вступающие в ИТ отношения с анализируемым текстом;
- 3) *протомекст* текст-донор, который стоит за адресными текстами, например, Библия, тексты мифов etc.
 - 4) метатекст любой текст, созданный на основе текста-донора.

Вернемся к определению понятия ИТ, которое можно трактовать в поразному. Выделяя ИТ в отдельный признак именно текста поэтического, ограничимся широким и узким пониманием данного феномена.

В широком смысле ИТ представляется глобальной интеграцией поэтических текстов как единиц словесной традиции и культуры. Такая интеграция прослеживается на каждом из уровней ПТ. На идейно-образном уровне ПТ как произведения, принадлежащего определенному времени, школе, традиции, наблюдаются заимствование/повторение поэтических образов, тематик, мотивов других стихотворных текстов того же временного отрезка, а также заимствование/неприязнь устойчивых, общеизвестных образов и мотивов поэтов предшествующих поколений. Так, знаменитые *Lake* Poets (поэты Озерной школы), в число которых входили У. Вордсворт, С. Т. Кольридж, Р. Саути, в 1798 г. выпустили поэтический сборник "Lyrical" Ballads" (Лирические Баллады) [Lyrical ballads, with a few other poems, Electronic resource], в котором авторы вслед за немецкими романтиками противопоставили рациональным идеям классицизма веру в иррациональное, традиционные христианские ценности и идеализированное средневековое прошлое. Трактуя ИТ в широком смысле, мы относим ее к генеральным признакам ПТ.

Трактуя ИТ в узком смысле, мы опираемся на дефиницию, предложенную И. П. Смирновым, и определяем ИТ как способность единиц базового текста ссылаться на единицы адресных текстов, встречающиеся в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе. ИТ в узком смысле обнаруживается далеко не во всех стихотворных текстах, а только в поэтических произведениях, содержащих цитаты, аллюзии, парафразы и прочие виды реминисценций к адресным текстам, а в конечном счете — к прототексту.

<...> Sylvan historian, who canst thus express A flowery tale more sweetly than our rhyme: What leaf-fringed legend haunts about thy shape Of deities or mortals, or of both, In *Tempe* or the dales of *Arcady*? [Keats, 2014, p. 312].

Историк *Сильван* поет Песнь цветов слаще, чем звучат наши стихи: Что за легенда в бахроме листвы не дает покоя Богам или смертным, или тем и другим В *Темпа* или долинах *Аркадии*?

Выделенные лексемы фрагмента из ПТ "Ode to a Grecian Urn" (Ода греческой урне) Дж. Китса являются ИТ отсылками. Учитывая название стихотворения и его тематику (античная мифология, античное искусство), не трудно сопоставить антропоним *Sylvan (Сильван)* с образом древнеримского божества — духа лесных деревьев и плантаций, покровителя полей и виноградников.

Семантика топонима *Тетре (Темпа)* связана с образом Сильвана. По мнению А. В. Покидова, исследователя творчества Дж. Китса, Темпа — «долина в Фессалии, упоминающаяся у многих античных поэтов, выступала олицетворением природной красоты» [Покидов, 2014, с. 384]. Х. Чизем отмечал, что Темпейскую долину часто посещал Аполлон, древнегреческий бог поэзии, музыки и искусства в целом [Chisholm, Electronic resource].

Долины Аркадии окружены горами, поэтому в древней Греции долгое время считались малоизвестным мистическим местом. Согласно древнегреческой мифологии, долины Аркадии считаются местом рождения бога Зевса (верховного божества греческого пантеона, покровителя неба, грома и молний) [Павсаний, Электронный ресурс] и/или бога Пана (покровителя пастухов и скотоводов) [Мифы народов мира, 2001, с. 15].

Из представленного материала видно, что ИТ отсылки обогащают семантику рассматриваемого произведения. Образы Сильвана, Темпийской и

Аркадийской долин объединены интертекстуально и семантически: их смыслы дополнятся образами природной красоты, божественной красоты, гармонии, искусства etc.

ИТ, понимаемая в узком смысле, относится нами к дифференциальным признакам поэтического текста, поскольку далеко не во всех стихах присутствуют ИТ ссылки на адресные (по отношению к этим текстам) произведения.

Определим основные направления межтекстового взаимодействия, а также сформулируем и рассмотрим типы ИТ единиц, которые в практической части исследования выступят в роли единиц анализа.

2.2. Особенности и типологии интертекстуальных отношений в поэтическом тексте

Необходимым для решения поставленных в диссертации задач является освещение интертекстуальной функциональности. На сегодняшний день лингвисты выделяют следующие функции ИТ: коммуникативную, познавательную, регулятивную, эмоционально-экспрессивную, фатическую, метатекстовую, поэтическую и смыслопорождающую [Якобсон, 1987; Фатеева, 1997; Фатеева, 2000; Олизько, 2009]. Важнейшими функциями ИТ отношений для настоящего исследования являются метатекстовая (функция отнесенности исследуемной ИТ единицы к единицам адресных по отношению к ней произведений) и смыслопорождающая (функция обогащения семантики рассматриваемого текста под влиянием связей с адресным текстом) функции, поскольку именно они являются фундаментом межтекстовых отношений и их видов (см. п. 2.3). Более того, упомянутые функции позволяют осмыслить исследовательский опыт изучения свойств ИТ единицы, а также уточнить некоторые методологические аспекты ее описания.

В современном языкознании наблюдается три подхода к понимаю ИТ единицы: ИТ единица как стилистическая фигура, ИТ единица как элемент метакоммуникации, ИТ единица как часть функциональной дифференциации.

Приравнивание ИТ единиц к стилистическим фигурам — подход распространенный И обоснованный. Так, 3. Бен-Порат пишет ИТ стилистической природе единиц на примере литературной метафорической и метонимической аллюзии как приема для одновременной активации двух и более текстов. Эта активация обеспечивает формирование ИТ шаблонов, в рамках которых читатель устанавливает межтекстовые связи между адресным и базовым текстами [Ben-Porat, 1976]. Г. Б. Конт видит в ИТ единице ироническую реминисценцию, парафраз, усиливающий выразительную способность базового текста. По мнению ученого, ИТ единица обеспечивает метафорическую реактивацию знака [Conte, 1986]. Л. Женни понимает под ИТ единицами реминисценции, представленные парономазией, эллипсисом (усеченным воспроизведением адресного текста), амплификацией (дальнейшим выводом из виртуально присутствующих в адресном тексте значений), гиперболой, а также изменением порядка ИТ единиц адресного текста и перенесением их семантики в новый контекст [Jenny, 1976]. 3. Г. Минц отмечает метонимичность ИТ единиц. ИТ единица, таким образом, — поэтический символ, «знак заместитель целостных ситуаций и сюжетов» [Минц, 1999, с. 75]. В ходе обсуждения поэзии русского символизма 3. Г. Минц отмечает, что ИТ единица конденсирует память о прошлом и будущем состоянии образов, вводимых в символистский текст [Там же]. Таким образом, опираясь на подход к пониманию ИТ единицы как стилистической фигуры, мы имеем дело с некоторым тропом, который, являясь при этом реминисценцией, реактуализирует семантику фрагмента адресного текста в базовом.

С позиций метакоммуникации ИТ единицу рассматривает П. X. Тороп. Ученый считает метакоммуникацией факт соотнесения реминисцентных текстовых элементов. В результате этой коммуникации на основе прототекста создается метатекст, то есть на основе адресного текста создается текст базовый. Анализ реминисцентных элементов базового текста, которые определяются ученым как *интексты*, то есть вербальные включения из вне, таким образом, строится на распознавании и интерпретации этих элементов или «функций» в адресном тексте. При этом ученый не приводит критерии выделения единиц анализа (см. п. 4.5) [Тороп, 1981].

Другой подход к пониманию ИТ единиц предлагает отталкиваться непосредственно от типологии, выстроенной с позиций функциональной интертекстуальности. Так, И. П. Смирнов дифференциации реконструктивный и конструктивный типы ИТ отношений. Реконструктивные ИТ отношения подразумевают смысловую связность двух или более адресных текстов, формирующуюся на основе общности плана их выражения. Конструктивная ИТ предполагает наличие в составе анализируемого произведения реминисценций, которые связывают внешне отличающиеся друг от друга адресные тексты [Смирнов, 1995]. В результате ИТ единица представляется некоторой лексемой или группой лексем, графическое выражение которых в адресном и базовом текстах (само)подобно или идентично. Более того, такая «графическая» реминисценция связывает эти тексты семантически (см. п. 4.2).

Отметим, что на сегодняшний день отсутствуют четкие критерии выделения ИТ единиц из текста художественного, в частности, поэтического. Известные классификации наслаиваются на «данность» того, что реципиент фактически знает, какая перед ним реминисценция и где она расположена в произведении. В результате возникает методологическая проблема планирования анализа текста, в особенности — ПТ, в котором заложены немаркирванные (графически не выделенные автором) и/или неизвестные исследователям реминисценции.

В настоящей работе, осмысляя природу интертекстуальной единицы, мы объединяем три упомянутых выше подхода. В результате ИТ единица имеет или может иметь следующие свойства: стилистичность (ИТ единица как метонимия, метафора, эллипсис и пр.), коммуникативность (ИТ единица как связующий элемент двух или более текстов), функциональность (ИТ единица самоподобный более текстов). При как элемент двух И ЭТОМ коммуникативность и функциональность ИТ единицы являются постоянными свойствами, то есть присущими каждой ИТ единице, в то время как стилистичность — свойство факультативное.

Сами ИТ единицы определяются же нами исходя ИЗ типа классификация интертекстуальных отношений, которых основана на типологии Ж. Женетта и производных от нее типологиях.

Ж. Женетт предлагает различать:

- 1) интертекстуальность как наличие в одном тексте двух или более текстов, которое устанавливается через цитату, аллюзию, плагиат и т. д.;
- 2) паратекстуальность как семиотическую связь текста и его заглавия, эпиграфа, предисловия, послесловия и т. д.;
- 3) метатекстуальность как комментарий, критическую статью, ссылку на предшествующие тексты;
 - 4) гипертекстуальность как межтекстовое пародирование;
 - 5) архитекстуальность как связь текстов по жанру [Женетт, 1998].

Данная типология для теории ИТ считается классической. В разное время разные ученые осмысляли природу ИТ отношений, привнося свои уточнения.

Так, И. П. Смирнов рассмотренные описывает выше ТИПЫ реконструктивной И конструктивной интертекстуальности, также диахронические И синхронические ИТ типы. Диахронический ТИП парадигматический (текст подразделяется на как результат непоследовательных связей адресных источников) и синтагматический (последовательный переход от источника к источнику). ИТ синхроническая — тип межтекстовых отношений, выстроенный на особенностях культурного времени и установках определенной эпохи [Смирнов, 1995].

- Н. И. Бушманова выделяет словесно-речевой, семиотический и социокультурный типы ИТ. Словесно-речевой тип ассоциируется ученым с авторской модальностью, реализующейся средствами различных реминисценций [Бушманова, 1996]. Семиотический тип трактуется по У. Эко (с учетом текстовой традиции и его понятия «интертекстуальной рамки») [Эко, 2005]. Социокультурный тип ИТ разработан с опорой на идею «ключевых слов» К. Бэлси (текст есть результат литературного, языкового, исторического и пр. состояний эпохи создания произведения) [Belsey, 1994].
- Н. А. Фатеева выстраивает свою типологию ИТ отношений на основе наработок И. П. Смирнова, П. Х. Торопа и Ж. Женетта. Исследователь представляет типы ИТ вместе с единицами ее реализации:
- 1) интертекстуальность (цитаты с атрибуцией / без атрибуции, аллюзии с атрибуцией / без атрибуции, комплексы аллюзий и цитат);
 - 2) паратекстуальность (цитаты-заглавия, эпиграфы);
- 3) метатекстуальность (пересказ, дописывание, вариации на тему прототекста);
 - 4) гипертекстуальность (межтекстовое осмеяние, пародирование);
 - 5) архитекстуальность (жанровая связь текстов) [Фатеева, 2000].
- Н. Пьеге-Гро разделяет ИТ отношения на связи, основанные на соприсутствии двух и более текстов (различные лексические реминисценции), и связи, основанные на производности (жанровые реминисценции) [Пьеге-Гро, 2008].
- В. П. Москвин рассуждает о структурных типах межтекстовых отношений. Ученый относит к ним парциальный тип интертекстуальности (донор реципиент), возникающий в результате лексической реминисценции,

и миметический (производящий текст – производный текст), возникающий в результате реминисценции жанровой [Москвин, 2013].

- А. В. Кремнева, опираясь на классификацию Ж. Женетта, разрабатывает следующую типологию ИТ отношений:
- 1) гипертекстуальность как форма организации текстового материала в интернет-пространстве;
- 2) транстекстуальность как пространственно-временная непрерывность литературного процесса;
- 3) автотекстуальность как непрерывность смыслового пространства отдельного автора;
- 4) интертекстуальность как наличие в тексте эксплицитных и имплицитных следов других текстов;
- 5) метатекстуальность как отношения между текстом, комментарием к нему, критическими статьями о тексте и пр.;
- 6) паратекстуальность как дополняющие текст элементы: титульный лист, предисловие, послесловие, иллюстрации и пр., выводящие текст в пространство интермедиальности [Кремнева, 2019].

Наиболее лаконичной И отвечающей полно задачам нашего исследования видится типология, предложенная Н. С. Олизько. Ученый основывает ИТ отношения на синтагматичности и парадигматичности текстовых единиц. В рамках этой типологии различаются метонимические и (синтагматические) индексальные отношения между частями рассматриваемого произведения, а также метафорические и иконические (парадигматические) отношения между базовым и адресными текстами. Синтагматические парадигматические И межтекстовые отношения внутренними (эндотекстуальными) дополняются И внешними (экзотекстуальными) ИТ связями [Олизько, 2009].

Типология интертекстуальных отношений по Н. С. Олизько

	Способ связи	
Уровень анализа	Экзотекстуальность	Эндотекстуальность
Синтагматические отношения	Гипертекстуальность	Паратекстуальность
Парадигматические отношения	Архитекстуальность	Интекстуальность

Примем за основу типологию Н. С. Олизько в модифицированном виде. Гипертекстуальный тип отношений (как отсылка автора к собственным текстам) переименуем в автотекстуальный. Эта замена обусловлена терминологическими особенностями: приставка авто- точнее выражает суть термина, чем приставка гипер-. Таким образом, преобразованная типология будет иметь вид:

 Таблица 2

 Типология интертекстуальных отношений, использующаяся в работе

	Способ связи	
Уровень анализа	Экзотекстуальность	Эндотекстуальность
Синтагматические отношения	Автотекстуальность	Паратекстуальность
Парадигматические отношения	Архитекстуальность	Интекстуальность

Детально опишем каждый из указанных типов инертекстуальности и особенности его единиц.

2.2.1. Отношения автотекстуальных единиц

Под автотекстуальностью понимаются межтекстовые связи произведения отдельного автора cтекстами ЭТОГО же автора. Автотекстуальность обеспечивает разноуровневое нелинейное прочтение произведения, которое может помочь реципиенту проникнуть глубже в авторский замысел и разгадать часть уникальной картины мира автора.

К автотекстуальным единицам отнесем:

- маркированную самоаллюзию (нетрансформированное воспроизведение графически выделенной автором единицы прототекста в метатексте);
- немаркированную самоаллюзию (нетрансформированное воспроизведение графически невыделенной автором единицы прототекста в метатексте).

Использование самоаллюзии как автотекстуальной единицы в ПТ — случай распространенный. Анализ автотекстуального способа связи элементов произведения позволяет исследователю соединить в общую парадигму графически выделенные образы, которые, как показывают результаты практического исследования, в то же время являются ключевыми образами антрополингвистической картины мира поэта. Так, поэтическое наследие У. Блейка включает такие автотекстуальные единицы, как Lamb (Агнец), Tyger (Тигр), Child (Дитя), Eternal Man (Вечный человек), Eternity (Вечность), Zoa (Зоа), Emanation (Эманация), Giant (Гигант), Heaven (Рай), Hell (Ад) еtc. (см. исследование ПТ "The Lamb" У. Блейка, приведенное в 4 главе).

Особенно ярко и наглядно немаркированная автотекстуальная единица представлена в поэзии символистов, модернистов, постмодернистов, а также в новейшей поэзии. Так, один из выдающихся поэтов ХХ в. У. Б. Йейтс в своем творчестве нередко обращался к образу башни (поэт купил в 1917 г. усадьбу с заброшенной сторожевой башней). У. Б. Йейтс назвал свой предпоследний сборник стихов "The Tower" (Башня) и сделал его центральный образ символом традиционных ценностей и духовного развития человека. В одноименном стихотворении встречаем строки:

Now shall I make my soul, Compelling it to study In a learned school Till the wreck of body, Slow decay of blood, Testy delirium Or dull decrepitude,
Or what worse evil come —
The death of friends, or death
Of every brilliant eye <...>
[Yeats, 2008, p. 169].

Теперь я заставлю Свою душу учиться. Пока не умерло тело, Кровь не охладела, Пока мной не овладел Горячечный бред Или бессмысленная немощь,

Или, что хуже — Пока не умерли друзья Или смерть не забрала жаждущих знаний <....>

Метафоры the wreck of body (крушение тела), decay of blood (разложение крови), dull decrepitude (бессмысленная немощь), death of every brilliant eye (смерть каждого блестящего глаза) противопоставляют образы упадка, разложения и смерти образам познания, обучения, внутреннего роста: now shall I make my soul, compelling it to study (Теперь я заставлю свою душу учиться).

В стихотворении "Meditations In Time Of Civil War" (Размышления во время Гражданской войны) образ башни символизирует место нового начала:

My House
An ancient bridge, and a more *ancient tower*,
A farmhouse that is sheltered by its wall,
An acre of stony ground,
Where the symbolic rose can break in flower <...> [Yeats, 2008, p. 170].

Мой дом — Старинный мост, и еще более *древняя башня*, Укрывшийся за ее стенами крестьянский дом, Кусок каменистой земли; Где символическая роза может стать цветком <...> [Ривкин, Электронный ресурс].

Рассмотренные ПТ связаны автотекстуальными единицами (самоаллюзиями), выраженными существительным tower из заглавия базового ПТ и связкой прилагательного + существительного ancient tower (древняя башня) из фрагмента приведенного выше стихотворения. Резонно возникает вопрос: всегда ли повторяющиеся лексемы в разных произведениях одного поэта являются авторскими кодами/образами, следовательно,

автотекстуальными единицами? Да, всегда, если контексты употребления рассматриваемых лексем варьируются от произведения к произведению (а также случаи их использования далеки от словарных дефиниций), в результате чего семантика анализируемого образа расширяется. Так, в ПТ "The Tower" речь идет не просто о башне как строении, но символе духовного/внутреннего развития человека. В ПТ "Meditations In Time Of Civil War" наблюдается другой смысл того же образа. Словосочетание ancient tower символизирует жизнь / место зарождения жизни: tower, where the symbolic rose can break in flower (башня, где символическая роза станет цветком). Таким образом, мы имеем дело уже не со значением или смыслом образа tower, формирующимся в отдельно взятом ПТ, а со смысловым комплексом, складывающимся из совокупности рассмотренных стихотворных текстов. Семантика лексемы tower включает образы смерти, упадка, духовного разложения, знание, науку, познание, чудо, жизнь etc.

Автотекстуальные единицы обращают внимание исследователя на важность восприятия и анализа единиц ПТ в рамках творческого наследия отдельного поэта и шире — всего культурного человеческого наследия. Смысловое обогащение единиц ПТ через автотекстуальные единицы свойственно поэзии в целом.

В качестве примера рассмотрим поэтические творения У. Блейка. В них присутствует большое количество авторских кодов, один из которых выражен существительным serpent (змей) и синонимичными ему лексемами reptile (рептилия), snake (змея). В привычном понимании serpent — змей-искуситель, убедивший Еву вкусить плод с дерева познания добра и зла. У. Блейк наделяет образ serpent множеством переплетающихся авторских значений, некоторые из которых мы рассмотрим в рамках настоящего автотекстуального анализа.

Так, У. Блейк употребляет лексему *serpent* в поэме "Tiriel" (Тириэль):

<...> Such
[is] was Tiriel
[Hypocrisy the idiots wisdom & the wise mans folly]
Compelld to pray repugnant & to humble the immortal spirit
Till I am subtil as a serpent in a paradise
Consuming all both flowers & fruits insects & warbling birds
And now my paradise is fallen <...> [Blake, 2004, p. 103].

<...> Так

Тириэль

[Лицемерие, мудрость глупцов и безумие мудрецов]

Был вынужден молиться отвратительному и посрамить бессмертный лух.

Пока не стал хитрым как змей в раю,

Поедающий цветы, фрукты, насекомых и поющих

птиц.

Теперь я потерял свой рай <...>

По сюжету произведения старый, слепой тиран Тириэль перед смертью проклинает своего отца Хара, чья «мудрость» заставила Тириэля презреть бессмертие духа ради «самости» (по У. Блейку, жизни ради себя): Compelld to pray repugnant & to humble the immortal spirit (Был вынужден молиться отвратительному и посрамить бессмертный дух). Поэт сравнивает состояние самости с библейским змеем-искусителем и определяет это состояние лексемой Hypocrisy (Ханжество). Таким образом, в рамках обсуждаемого ПТ "Tiriel" образы serpent и hypocrisy — тождественны.

Похожий образ встречается в фрагменте из эпической поэмы У. Блейка "The Song of Los" (Песнь Лоса), отписывающем превращение Хары и Хевы в рептилий:

Since that dread day when Har and Heva fled. Because their brethren & sisters liv'd in War & Lust; And as they fled they shrunk Into two narrow doleful forms: *Creeping in reptile flesh* upon The bosom of the ground <...> [Blake, 2004, p. 238]

В тот ужасный день Хар и Хева бежали,

Потому что их братья и сестры жили Войной и Желанием; Но пока они бежали, они стали Двумя маленькими жалкими существами, Ползающими в змеиной плоти По лону земли <...>.

У. Блейк вновь обращается к образу духовного падения человека (согласно мифологии поэта, Хар и Хева / Гар и Гева — прародители человечества; фонетическая и лексикографическая связь имен Хевы и библейской Евы — очевидна), произошедшего в результате War & Lust (Войны и Желания). В обсуждаемом отрывке автор переводит образ змея из метафизического состояния в физическое, помещая беглецов Хара и Хеву в reptile flesh (змеиную плоть) — символ потери человечности, воображения, духа, бессмертия.

В фрагменте из пророческой книги У. Блейка "Europe" (Европа) ИТ единица *serpent* наделяется новой семантикой:

Then was *the serpent temple* form'd, image of infinite Shut up in finite revolutions, and man became an Angel; Heaven a mighty circle turning; God a tyrant crown'd [Blake, 2004, p. 230].

Затем был воздвигнут *храм змеи*, образ бесконечной Тишины конечных революций, и человек стал Ангелом; Небеса — могущественным вращающимся кругом; Бог — коронованным тираном.

Образ the serpent temple (храм змеи) символизирует место, где люди поклоняются природе. По мнению А. Отсрайкер, через этот образ У. Блейк описывает культы друидов, возникшие после великого потопа и прославляющие «материализм» [Blake, 2004, р. 910]. Образы великого потопа и материализма также определяются с индивидуально-авторских позиций. Исследователь творчества У. Блейка В. В. Сердечная пишет «<...> для Блейка Ной — человек воображения, переживший потоп Времени и Пространства путем построения ковчега любви для себя и своей семьи. Этот потоп был страшнейшим несчастьем всех времен: с тех пор, по Блейку, установились

четыре времени года, люди перестали быть гигантами, их жизнь сократилась. Нашествие воды было приливом Материи, отделившей человека от Вечности» [Сердечная, 2017, с. 36]. Таким образом, the serpent temple — храм материального вещества как оппозиции духа и воображения. В таком же смысле ИТ единицы serpent / the serpent temple употребляются и в других творениях У. Блейка, например, в пророческих книгах "Аmerica" (Америка) и "Воок of Urizen" (Книга Уризена), а также в поэме "Jerusalem" (Иерусалим) [Вlake, 2004].

В пророческой книге "Vala, or The Four Zoas" (Вала, или Четыре Зоа) У. Блейк расширяет семантику ИТ единицы *serpent* до образа Природы:

- <...> the vast form of Nature like a Serpent <...> [Blake, 2004, p. 326].
- <...> безбрежная форма Природы похожа на Змея <...>.

По мнению, С. Фостера Деймона, составителя словаря "A Blake Dictionary. The ideas and symbols of William Blake" (Словарь Блейка. Идеи и символы Уильяма Блейка), Природа, по У. Блейку, — сложнейший, многоуровневый образ, включающий в себя следующие смысловые аспекты: до грехопадения человек был един с Природой, после падения Природа отделилась от человека и стала проекцией его внутреннего мира, воображения; Природа — физическая форма человека, материализация его чувств, визуализация его эмоций; Природа — образ материальных соблазнов: сладострастия, богатства, власти и пр.; Природа — материальная сторона так двойного называемого восприятия мира, выраженного оппозицией воображение – материализм и пр. [A Blake Dictionary, 2013, p. 295–296, 366]. Змей, таким образом, представляется образом чувственных, эмоциональных и материальных слабостей и соблазнов. В поэме "Visions of the Daughters of Albion" (Видения дщерей Альбиона) встречаем следующие строки:

And the wild snake, the pestilence to adorn him with gem & gold [Blake, 2004, p. 206]. И дикая змея — зло, украшающее его драгоценными камнями и золотом.

В представленном текстовом фрагменте змея украшает бога-тирана Уризена, в мифологии У. Блейка являющегося богом-разумом, богом-нелюбовью, создателем людей, символом материализма, врагом человеческого воображения, свободы и духа. Отождествление образа змея с символами человеческой духовной дегенерации (в данном случае с золотом, рубинами, драгоценностями) встречается также в фрагментах из пророческой книги "Vala, or The Four Zoas", поэмах "Milton" (Мильтон) и "Jerusalem" [Ibid.].

Отметим, что автотекстуальные связи и реализующееся благодаря ним расширение смысла ИТ единицы serpent/reptile/snake не ограничиваются результатами представленного анализа. Однако, освященных примеров автотекстуальных отношений достаточно, чтобы проследить индивидуально-авторское преобразование образа змея от библейской эстетики до комплексной семантической парадигмы У. Блейка: змей – змей-искуситель – ханжество – культ природы – Природа как символ материализма – Природа как оппозиция духовности – Природа как цикличность – человеческие соблазны – драгоценные камни и т. д.

ИТ отношения, рассмотренные на примере автотекстуальных единиц, синтезируют контекстные значения авторского образа, встречающегося в произведениях отдельного поэта, формируя тем самым смысловой комплекс этого образа. К автотекстуальному типу ИТ относится контекстно-смысловая взаимосвязь лексических единиц в рамках корпуса текстов отдельного автора. К автотекстуальным единицам относятся самоцитация и самоаллюзия.

2.2.2. Отношения паратекстуальных единиц

Паратекстуальность трактуется по Ж. Женетту как семантическая связь текста со своим заглавием, подзаголовком, эпиграфом и примечаниями [Genette, 1997, р. 1]. Сюда же можно отнести и имя автора. По мнению Л. Г. Викуловой и Н. С. Олизько, знакомство с произведением и его анализ начинается именно с имени автора. На формально-содержательном уровне имя автора идентифицирует принадлежность произведения к определенному литературному направлению [Викулова, 2001, с. 150; Олизько, 2009, с. 139].

К паратекстуальным единицами относятся те элементы произведения, которые лежат на пороге интерпретации текста (термин Ж. Женетта) и призваны направить восприятие реципиента в определенном направлении. Ж. Женетт отмечает, что «паратекст не столько барьер или закрытая граница, сколько порог — или то слово, которое использовал Борхес по поводу предисловия — "вестибюль", который предлагает миру в целом возможность либо войти внутрь, либо развернуться и выйти прочь» (цит. по: [Колотов, 2011, с. 13]).

Мы, вслед за Ж. Женеттом [Genette, 1997, р. 1–2], подразделяем паратекстуальные единицы на *автографические* и *аллографические* элементы произведения. К автографическим паратекстуальным единицам относятся:

- имя автора;
- название произведения;
- подзаголовок произведения;
- оглавление;
- авторское предисловие;
- авторские примечания и комментарии;
- тексты авторской переписки;

— другие информационные источники, созданные автором произведения и имеющие прямое отношение к этому произведению (например, интервью с автором etc.).

К аллографическим паратекстуальным единицам относятся «неавторские» тексты, тесно переплетенные с исследуемым произведением:

- критическая статья;
- издательская аннотация;
- рекламные объявления;
- etc.

Автографические паратекстуальные единицы представляют собой парадигму, элементы которой находятся в непрерывной связи семантического характера. Так, имя автора влечет за собой факты биографии этого автора, сведения о хронотопических и культурологических особенностях его текстов, позволяет выявить произведения, влияющие на становление его как автора/поэта, а также спектр его интересов этико-эстетической, политической, мировоззренческой и прочих направленностей.

Заголовок текста формирует ожидания реципиента от произведения. Заголовок обобщает и в какой-то мере раскрывает содержание текста. Так, заглавие поэмы A. Гинзберга "The Howl" (Вопль) воздействует на восприятие читателя неоднозначно, формирует ожидания ужаса, протеста, защитной реакции. После публикации в 1956 г. поэма сразу же стала сверхпопулярной и одновременно прослыла скандальной. Заголовок отражает пронзительное, свободное условностей И литературных шаблонов содержание Публикация ПОЭМЫ считается рождения произведения. днем американской поэзии — поэзии со свободной экспрессией и сексуальным либерализмом.

Другой единицей автографической паратекстуальности выступает оглавление, которое резюмирует содержательно-фактуальную сторону произведения, выстраивая последовательность глав, параграфов, стихов и

прочих разделов произведения. По мнению И. Р. Гальперина, оглавление настраивает читателя на то, какая информация и в какой последовательности ожидает его в процессе чтения [Гальперин, 1981, с. 120].

Еще одой единицей автографической паратекстуальности служит предисловие, то есть дополнительный текст пояснительного критического характера, предваряющий основной текст. Задача предисловия состоит в выражении форм автоинтерпретации текста и подготовке языковых условий для «правильного» прочтения произведения. Н. С. Олизько отмечает, что, с лингвистической точки зрения, предисловие характеризуется непосредственной и постоянной апелляцией автора к адресату, авторской интенциональностью, аргументативным характером развертывания текста, объективно-субъективным способом самоорганизации информации [Олизько, 2009, с. 148].

В качестве примера приведем начальный фрагмент предисловия американского поэта Д. У. Джонсона к сборнику стихов "The Book of American Negro Poetry" (Книга американской черной поэзии) (1922), выпущенного с целью популяризации афроамериканского творчества.

There is, perhaps, a better excuse for giving an Anthology of American Negro Poetry to the public than can be offered for many of the anthologies that have recently been issued. The public, generally speaking, does not know that there are American Negro poets — to supply this lack of information is, alone, a work worthy of somebody's effort.

Moreover, the matter of Negro poets and the production of literature by the colored people in this country involves more than supplying information that is lacking. It is a matter which has a direct bearing on the most vital of American problems [Johnson, Electronic resource].

В последнее время люди читают большое количество антологий, поэтому настал, пожалуй, наиболее удачный момент познакомить их с Антологией американской черной поэзии. Строго говоря, люди не знают о том, что в Америке есть черные поэты. Данная работа достойна внимания уже потому, что восполняет этот пробел.

Более того, суть Черной поэзии и создание такой литературы в этой стране намного глубже, чем просто воспроизведение недостающей информации. Ее суть напрямую отражает наиболее важные проблемы американского общества.

Авторский комментарий, то есть толкование автором своего текста или фрагментов, являющийся неотъемлемой частью основного текста, автографическая рассматривается как паратекстуальная единица. Исследование авторского комментария раскрывает особенности построения и анализируемого текста. Ярким примером становления авторского комментария служит эссе Э. А. По "The Philosophy of composition" (Философия творчества). В нем автор делится с читателем поэтическим принципом, руководствуясь которым он создал ПТ "The Raven" (Ворон). Приведем несколько текстовых выдержек из эссе:

<...> Having made up my mind to a refrain, the division of the poem into stanzas was, of course, a corollary, the refrain forming the close of each stanza. That such a close, to have force, must be sonorous and susceptible of protracted emphasis, admitted no doubt; and these considerations inevitably led me to the long "o" as the most sonorous vowel, in connection with "r" as the most producible consonant.

The sound of the refrain being thus determined, it became necessary to select a word embodying this sound, and at the same time in the fullest possible keeping with that melancholy which I had predetermined as the tone of the poem. In such a search it would have been absolutely impossible to overlook the word "Nevermore." In fact, it was the very first which presented itself.

- <...> I had now gone so far as the conception of a Raven the bird of ill omen monotonously repeating the one word, "Nevermore," at the conclusion of each stanza, in a poem of melancholy tone, and in length about one hundred lines. <...>
- <...> Here, then, the poem may be said to have its beginning at the end, where all works of art should begin for it was here, at this point of my pre-considerations, that I first put pen to paper <...> [Poe, Electronic resource].
- <...> Решение применить рефрен имело своим следствием разбивку стихотворения на строфы, каждая из которых оканчивалась бы рефреном. То, что подобное окончание для силы воздействия должно быть звучным и способным к подчеркиванию и растягиванию, не подлежало сомнению; все эти соображения неизбежно привели меня к долгому «о» как к наиболее звучной гласной в комбинации с «р» как с наиболее сочетаемой согласной.

Когда звучание рефрена было подобным образом определено, стало необходимым выбрать слово, заключающее эти звуки, и в то же время как можно более полно соответствующее печали, выбранной мною в качестве определяющей интонации стихотворения. В подобных поисках было бы абсолютно невозможно пропустить слово

"nevermore" [больше никогда (англ.)]. Да это и было первое слово, которое пришло в голову. <...>

- <...> К тому времени я пришел к представлению о вороне, птице, предвещающей зло, монотонно повторяющей единственное слово "nevermore" в конце каждой строфы стихотворения, написанного в печальной интонации, объемом приблизительно в сто строк. <...>
- <...> И можно сказать, что тут началось стихотворение с конца, где и должны начинаться все произведения искусства; ибо именно на этом этапе моих предварительных размышлений я впервые коснулся пером бумаги <...> [Рогов, Электронный ресурс].

Тексты авторской переписки рассматриваются как автографические паратекстуальные единицы. Так, переписка американского поэта Э. Дикинсон насчитывает около 1500 писем [Dickinson, 2011], в которых поэт дает ключи к авторскому пониманию некоторых из своих образов (см. исследование семантики лексемы *Immortality (Бессмертие)*, приведенное в ходе анализа поэзии Э. Дикинсон в 5 главе).

Среди аллографических паратекстуальных единиц выделим издательскую аннотацию. От авторского комментария издательская аннотация отличается имперсональным характером и направленностью на широкого читателя. Основная функция издательской аннотации — рекламная. Она нацелена на привлечение внимания читателя, подкрепление его интереса к автору и произведению.

Издательская аннотация к сборнику стихов У. Б. Йейтса "The Collected Poems of W. В. Yeats" (Избранные стихи У. Б. Йейтса) (2008) дает краткую информацию об особенностях творчества поэта, акцентирует внимание на актуальности его произведений, повествует о вкладе в мировую литературу и историю. В аннотации присутствует обращение рекламного характера к широкой читательской аудитории:

<...> For anyone interested in the literature of the late 19th century and the 20th century, Yeat's work is essential <...> [Yeats, 2008].

<...> Творчество Йейтса обязательно к ознакомлению для тех, кто интересуется литературой XX века и конца XIX века <...>

Исследование и анализ паратекстуальных единиц позволяют выявить произведения, которые влияли на автора, а также помогают определить эксплицитные и имплицитные оценочные средства, расширяющие восприятие текста читателем и раскрывающие аспекты содержания исследуемого произведения в «правильном» — авторском ключе.

2.2.3. Отношения интекстуальных единиц

Интекстуальность представляет собой случаи использования автором в своем произведении «чужих» текстовых включений. Выявление таких включений или реминисценций позволяет исследователю проникнуть глубже в семантику изучаемого ПТ посредством установления семиотических связей между этим произведением (метатекстом) и прототекстом (фрагменты которого были включены в метатекст). Другими словами, интекстуальность — это межтекстовые связи произведения одного автора с произведениями других авторов.

К одной из единиц интекстуальности относится цитата — отрывок одного текста, воспроизводимый дословно в другом. В рамках настоящего исследования выделяются:

- графически маркированные цитаты (кавычками, курсивом, прямым указанием автора);
- графически немаркированные (узнаваемые, иногда помещенные в другой контекст);
- квазицитаты (или парафразы, то есть цитаты с намеренно измененным контекстным значением посредством сокращения/усечения цитат или их видоизменения).

Пример маркированной цитаты встречается в ПТ О. Уилфреда "Dulce et Decorum Est" (Сладка и прекрасна за родину смерть):

<...> My friend, you would not tell with such high zest To children ardent for some desperate glory,

The old Lie: Dulce et decorum est

Pro patria mori [Wilfred, Electronic resource].

<...> Мой друг, тебя бы не прельстила честь

Учить детей в воинственном задоре

лжи старой: «Dulce et decorum est

Pro patria mori» [Зенкевич, Электронный ресурс].

Выделенные строки ПТ встречаются в так называемых «римских одах» Горация (3, 29) и переводятся как «сладко и прекрасно за родину умереть» или «красна и сладка смерть за отечество» [Морева-Вулих, Электронный ресурс]. О. Уилфред оспаривает выделенный фразеологизм и придает ему противоположенный смысл: *The old Lie: Dulce et decorum est Pro patria mori* (старая ложь: сладко и прекрасно за родину умереть).

Немаркированная цитация является наиболее распространенным видом цитации. Она, находясь в метатексте, как правило, схожа с фрагментами прототекста по форме (за счет чего остается узнаваема и сохраняет его смысл), но не воспроизводит его дословно. В "Footnote to Howl" (Примечания к Воплю) А. Гинзберга встречается пример немаркированной цитаты:

Everything is holy! everybody's holy! everywhere is holy! everyday is in eternity! Everyman's an angel! [Ginzberg, Electronic resource].

Все свято! все святы! святость повсюду вокруг нас! *каждый день бессмертен в вечности!* Каждый человек ангел! [Храмцев, Электронный ресурс].

В книге "Howl: Original Draft Facsimile, Transcript and Variant Versions" (Вопль: факсимиле оригинального черновика, расшифровка и варианты версий) [Ginsberg, 2006] находим прямое авторское указание на то, что выделенный фрагмент everyday is in eternity (каждый день бессмертен в вечности) является отсылкой (согласно нашей классификации — немаркированной цитатой) к стихотворению У. Блейка "Auguries of Innocence" (Предсказания невинности):

To see a World in a Grain of Sand And a Heaven in a Wild Flower Hold Infinity in the palm of your hand And Eternity in an hour [Blake, 2004, p. 506].

Видеть мир в песчинке, И небо в полевом цветке, Сжать бесконечность в ладони, *А вечность* — в часе.

А. Гинзберг меняет хронотопические качества единиц блейковского прототекста: оставляя смысловое ядро выделенной строки, которое выражено существительным *Eternity (Вечность)*, поэт увеличивает временную протяженность существительного *hour (час)* до *day (день)*. При этом оригинальный смысл выделенной фразы из ПТ "Auguries of Innocence" (который можно представить парадигмой: вечность – мгновение – минута – час – день – неделя – жизнь – бесконечность – вечность), сохраняется в рассматриваемом произведении А. Гинзберга.

Квазицитата может быть рассмотрена на примере ПТ Дж. Р. Р. Толкина "All That is Gold Does Not Glitter" (Все, что золото — не блестит) из его знаменитого романа-эпопеи "The Lord of the Rings" (Властелин Колец):

All that is gold does not glitter,

Not all those who wander are lost;

The old that is strong does not wither,

Deep roots are not reached by the frost <...> [Tolkien, Electronic resource].

Древнее золото редко блестит,

Древний клинок — ярый.

Выйдет на битву король-следопыт:

Зрелый — не значит старый. <...> [Кистяковский, Электронный ресурс].

Выделенная строка является измененной английской пословицей *all that glitters is not gold (не все то золото, что блестит)* — в представленном ПТ отрицается глагол *glitter (блестеть)*, а не существительное *gold (золото)*.

Дж. Р. Р. Толкин придал фразеологизму другой смысл: all that is gold does not glitter (все, что золото, не блестит). Таким образом, учитывая намеренное изменение автором первичного значения пословицы, выделенную строку можно считать квазицитатой.

Следующей интекстуальной единицей выступает аллюзия — упоминание названий ИЛИ указание эпизодов, имен, исторического, мифологического, литературного и пр. характера. Аллюзия (нетрансформированного реализуется посредством упоминания воспроизведения текстовой единицы прототекста в метатексте), которое может быть выражено

- аллюзивными именами мифологических героев, литературных персонажей, актеров, музыкантов, политиков, ученых, писателей etc.;
- аллюзивными реалиями (случаями упоминания элементов или событий в метатексте, ассоциирующихся с этими же элементами или событиями прототекста);
- аллюзивными сюжетами (мифологическими, историческими, литературными и другими сюжетами, вводимыми в новый контекст).

Рассмотрим аллюзивные имена на примере ПТ Т. С. Элиота "The Love Song of J. Alfred Prufrock" (Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока):

<...> To say: "I am Lazarus, come from the dead, Come back to tell you all, I shall tell you all" — If one, settling a pillow by her head, Should say: "That is not what I meant at all; That is not it, at all." <...> [Eliot, Electronic resource].

<...> Сказать — «Я Лазарь, я пришел из мертвых. Вернулся, что б сказать тебе, поведать все тебе»? Если она, убрав подушку, скажет: «Ведь я совсем не так хотела, совсем не так» <...> [Самарин, Электронный ресурс].

Выделенный фрагмент ПТ содержит антропоним *Lazarus* (*Лазарь*), что, без сомнения, является аллюзией к Евангелию от Иоанна [от Иоанна 11:17—12:6]. Т. С. Элиот меняет смысл прототекста, в результате чего наблюдается двойная семантическая перемена. Во-первых, поэт придерживается своего варианта толкования евангелической истории про воскрешение Лазаря (из приведенного ПТ видно, что Лазарь воскрес, чтобы открыть людям тайну; в прототексте Иисус просит Лазаря не рассказывать никому о случившемся чуде); во-вторых, финал строфы показывает, что рассказчик вовсе не воскресший Лазарь (антропоним Лазарь используется Т. С. Элиотом в качестве поэтического образа с целью сравнения лирического героя и библейского Лазаря, а не с целью их отождествления): *that is not what I meant at all (это совсем не то, что я имел в виду)*.

Другой фрагмент того же ПТ содержит аллюзивное имя известного литературного персонажа У. Шекспира:

<...> No! I am not Prince Hamlet, nor was meant to be;
Am an attendant lord, one that will do
To swell a progress, start a scene or two,
Advise the prince; no doubt, an easy tool,
Deferential, glad to be of use,
Politic, cautious, and meticulous;
Full of high sentence, but a bit obtuse;
At times, indeed, almost ridiculous —
Almost, at times, the Fool. <...> [Eliot, Electronic resource].

<...> Нет! Я не принц Гамлет, и не хотел им быть.
Я просто персонаж, для действия полезный;
для сцены, может быть, для двух.
Могу подать совет, не сомневайтесь;
я довольно прост, почтителен,
всегда готов к услуге. Вежлив,
осторожен, щепетилен. Фразер, хотя немного туп.
А временами, в общем-то, смешон.
А временами, в общем-то, Дурак. <...> [Самарин, Электронный ресурс].

Сравнение рассказчика с принцем Гамлетом и их противопоставление отражает противопоставление мятежного духа и человеческой услужливости. Лирический герой не хочет разыгрывать трагедию, он рад служить: deferential, glad to be of use, politic, cautious, and meticulous (довольно прост, почтителен, всегда готов к услуге. Вежлив), может быть полезен власти, обществу и прогрессу. В широком смысле данное сравнение показывает конфликт внутреннего мира человека — его внутренний диалог с разрушительным для личности влиянием внешнего современного мира.

Аллюзивные реалии как интекстуальные единицы широко представлены в поэме "Paradise Lost" (Потерянный рай) Дж. Мильтона.

<...> All night the dread less Angel unpursued
Through Heaven's wide Champaign held his way; till Morn,
Waked by the circling Hours, with rosy hand
Unbarred the gates of Light. There is a cave
Within the Mount of God, fast by his Throne <...> [Milton, Electronic resource].

<...> Всю ночь отважный Ангел был в пути И, непреследуемый, пересек Равнину беспредельную Небес, Пока Заре, вращеньем часовым Разбуженной, не довелось открыть Ворота света розовой рукой. <...> [Штейнберг, Электронный ресурс].

В указанном отрывке ПТ выделены сразу два фрагмента — две аллюзивные реалии. *The circling Hours (вращающиеся Часы)* отсылает к богиням времен года греческой мифологии Орам, Горам или Хорам [Гесиод, 2001] (в английском языке присутствуют три варианта названия богинь времен года: Horae ['hɔːriː], Horai ['hɔːraɪ] или Hours ['auəz]). Согласно легенде, Оры, дочери Зевса и Фемиды, отворяли и запирали врата Олимпа; у Дж. Мильтона — *the gates of Light (врата Света)*.

Словосочетание *with rosy hand (розовой рукой)* является примером аллюзивной реалии, отсылающей к Одиссее Гомера:

<...> As soon as rosy-fingered_Dawn appeared,

Odysseus' steadfast son rose from his bed and dressed <...> [Butler, Electronic resource].

<...> Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;

Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев <...> [Жуковский, Электронный ресурс].

В представленном фрагменте Дж. Мильтон описывает зарю (в греческой мифологии Эос — богиня зари) как *Morn with rosy hand (Утро с розовой рукой)*, что перекликается с описанием зари Гомера: rosy-fingered Dawn (Рассвет с розовыми пальцами). Контексты прототекста и метатекста практически идентичны: в прототексте заря встает из мрака, в метатексте — открывает врата света.

Другими интекстуальными единицами выступают аллюзивные сюжеты.

<...> So Eden sank to grief,

So dawn goes down to day.

Nothing gold can stay [Frost, Electronic resource].

<...> Как райскими цветами,

Природа тешит нас;

Но тешит только час.

Ведь, как зари улыбка,

Все золотое зыбко [Кружков, Электронный ресурс].

В приведенном ПТ Р. Фроста "Nothing Gold Can Stay" (Ничто не может остаться золотым) аллюзивный сюжет представлен строкой *So Eden sank to grief (Эдем утонул в печали)*. В библейском прототексте Бог изгнал Адама и Еву из рая / райского сада Эдема, поскольку они ослушались Его, — тем самым обрек их на страдания и смерть. В метатексте Р. Фроста смерть — естественная часть природы. Строка *So Eden sank to grief* служит напоминанием скоротечности времени, молодости, жизни.

К единицам интекстуальности также относится
 продолжение — творческая вариация на тему прототекста, его дописывание

или языковая игра с ним. В качестве примера приведем ПТ Д. Мюррей "We Old Dudes" (Мы старые хлыщи) (2006), пародирующий ПТ (стилистический и фонический аспекты) Г. Брукс "We Real Cool" (Мы очень крутые) (1963). В пародии, в отличие от оригинала, действующие лица — пожилые люди: we old dudes (мы старые хлыщи); we soak teeth (мы вставляем зубы).

ПТ Л. Мюррей (метатекст):

We old dudes. We White shoes. We

Golf ball. We Eat mall. *We*

Soak teeth. We Palm Beach; We

Vote red. We Soon dead.

[Murrey, Electronic resource].

Мы старые хлыщи. Мы Белые шузы. Мы

Днем играем в гольф. Мы Всю съедаем соль. Мы

Зубы вставляем. Мы в Палм-Бич гуляем. На

Выборы идем. И Скоро мы умрем.

ПТ Г. Брукс (прототекст):

We real cool. WeМы очень крутые. МыLeft school. WeЖдем выпускные. Мы

Lurk late. WeПоздно гуляем. МыStrike straight. WeБьем — не прощаем. Мы

Sing sin. WeЛюбим плохое. МыThin gin. WeВечно в запое. Мы

Jazz June. Weджаз выбираем. ИDie soon [Brooks, Electronic resource]смерть обожаем.

Способность находить и расшифровывать интекстуальные связи определяется в том числе фоновыми знаниями и компетенциями реципиента. Определение таких связей позволяет не только наблюдать расширение семантического комплекса анализируемого произведения, но и устанавливать круг литературных, культурологических, исторических, политических и других интересов автора; определять, какие внешние источники информации влияли на его творчество.

2.2.4. Отношения архитекстуальных единиц

Архитекстуальность является наиболее широким видом отношений в рассматриваемой классификации. Общепринятая трактовка архитекстуальности сводится к следующим определениям: «соотношение текста со своим архитекстом» [Женетт, 1998, с. 470], «жанровая связь текстов» [Фатеева, 2007, с. 121], «отношение, которое данный отдельный текст поддерживает с родовой категорией, к которой он принадлежит» [Пьеге-Гро, 2008, с. 54], «установление в отдельном тексте множества характеристик, отражающих парадигматические отношения текста или его частей с тем или иным прецедентным жанром» [Олизько, 2009, с. 23]. Таким образом, понятие архитекстуальности сводится к смешению жанров.

Мы же рассмотрим архитекстуальность в ракурсе лингвокультурологическом. Обратимся к понятию архитектоники

культурного пространства. Данный термин трактуется по В. П. Большакову: «поле (по аналогии с физическими полями), порождаемое взаимодействиями и воздействиями ценностей культуры и их систем» [Большаков, Электронный ресурс]. Архитектонику (сочетание и сочетаемость культурных единиц) культурного пространства В. П. Большаков объясняет на примере концепции «дом», задача которой сводится к описанию специфики жизни в том или ином культурном пространстве. В ходе культурологического эксперимента ученый оперирует десятью различными типами модели «дом» по отношению к России, а именно: дом-очаг, дом-крепость, дом-тюрьма, дом-кладбище, домвокзал, сумасшедший дом, дом-келья, дом-чаша, дом-любовь, дом-культура. На примере страны культура мыслится как дробное множество — регионы, области, города, люди, объединяющееся в цельную систему под влиянием культурных событий. В данном случае культура выполняет две функции: притяжение (сплочение) и отдаление (разрознение). Проводя параллели с теорией ИТ, можно сказать, что культурное пространство способствует близости или, напротив, диалогической отдаленности, невозможности сочетания тех или иных текстов по пространственному, временному и культурному признаку.

Ю. В. Казарин в учебном пособии «Антрополингвистические основы литературной деятельности» (2016) рассматривает архетипическую природу текста, а также архетипическую типологию текста в аспекте его замысла, создания и восприятия. В рамках данной типологии ученый выделяет архетекст — «глобальный, фундаментальный по отношению ко всем текстам "главный" текст, существующий В сознании текстотворца Архетекст — это совокупность моделей всех возможных текстов; это системно-структурный, семиотический функциональный И ориентир — образец для любого сочинителя, автора etc.» [Казарин, 2016, с. 29]. Таким образом, всякий текст как продукт словотворчества априори 1.4), в особенности, интертекстуален (см. П. если данный текст рассматривается с лингвокультурологических позиций. Отталкиваясь от классического понимания архитекстуальности как жанрового подражания (посредством авто-, пара-, интекстуальных единиц), архитектоники культурного пространства и, наконец, феномена архетекста, выделим в отношениях случаи реминисценций архитекстуальных только конкретным текстам или текстовым жанрам, а к собственно феноменам культуры: традициям, верованиям, народному творчеству, культурным и историческим событиям, изобразительному искусству, музыке, театру, кинематографу, интернет-культуре и другим культурным реалиям, напрямую несвязанным с анализом поэтического текста, по той или иной причине не имеющим автора или прототекста. Единицами архитекстуальности в этом случае по-прежнему будут служить рассмотренные выше универсальные единицы авто-, пара-, интекстуальности.

Рассмотрим ПТ Э. Паунда "Notes for Canto CXX" (Примечания к Песне сто двадцатой) (1956):

I have tried to write Paradise

Я попытался написать Рай

Do not move Let the wind speak that is paradise. Не двигайся Пусть ветер говорит это — рай.

Let the Gods forgive what I have made
Let those I love try to forgive what I have made
[Pound, Electronic resource].

Пусть боги простят то, что я совершил Пусть те, кого я люблю, попытаются простить то, что я совершил.

Заглавие ПТ "Notes for Canto CXX" является архитекстуальной аллюзией к «Божественной комедии» Д. Алигьери. Э. Паунд «комментирует» сто двадцатую песнь, однако общее число песен «Божественной комедии» — сто. В представленном ПТ встречаем существительное paradise

(рай), которое формально единицей является интекстуальности — аллюзивной реалией (упоминанием элементов или событий в метатексте, ассоциирующихся с этими же элементами или прототекста). В данном случае образ paradise является событиями культурологической реалией, архитекстуальной реминисценцией к множеству мифологических, религиозных и философских источников. Анализируя данную текстовую единицу в контексте рассматриваемого произведения, затруднительно определить, рай какой именно культурной традиции имеется в виду. Э. Паунд не дает отсылок к какому-либо прототексту (завуалированная архитекстуальная связь анализируемого ПТ с «Божественной комедией» актуализирует только один из возможных вариантов концепции рая — рай Данте). Поэт пишет о рае онтологически. Понятие рай встречается в античной (элизиум), славянской (ирий, вырий), армянской (драхт), скандинавской (вальхалла), египетской (иару) и других мифологиях; в религиозной традиции: иудаизм (эдем), христианство (царствие небесное), ислам (джаннат), буддизм (сукхавати) и пр. [Купер, 1995].

Другим примером архитекстуальных отношений служит ПТ Дж. Моррисона "Horse Lattitude" (Лошадиные широты):

When the still sea conspires an armor
And her sullen and aborted
Currents breed tiny monsters
True sailing is dead!
Awkward instant
And the first animal is jettisoned <...> [Morrison, 2013, p. 402].

Когда спокойное море в глубинах вынашивает планы войны, А морские мрачные и бесполезные Течения выкармливают маленьких чудовищ, С настоящим плаванием покончено. Неловкость чувствуется всего лишь какое-то мгновение, И вот первое животное брошено за борт <...> [Быстрова, 2013, с. 403].

В представленном ПТ описываются Horse Latitudes (лошадиные *широты)* — области океана, расположенные между 30 и 35 градусами в северном и южном полушариях. Район получил свое название в XVIII в., когда испанские галеоны попадали в продолжительный штиль по пути в Новый свет. В такой ситуации команда была вынуждена выбрасывать за борт лишний груз, чтобы облегчить задачу гребцов. Как правило, в качестве «балласта» выступали лошади. По другой версии, от лошадей избавлялись в целях экономии провизии [Морской словарь, 1941; Морской энциклопедический словарь, 1987; Англо-русский словарь морских идиом и жаргона, 2013]. В рассматриваемом ПТ Дж. Моррисон описал момент, когда ржущие лошади падают в океан, плывут за кораблем, а затем тонут от бессилья: the first animal is jettisoned (первое животное брошено за борт). В данном случае установить какой-либо прототекст не представляется возможным, т. к. понятие Horse Latitudes существует в общем суперглобальном прототексте — общих знаниях одной культуры. Таким образом, мы имеем дело с архитекстуальной реминисценцией к историческому, культурологическому, географическому феномену, формально выраженной аллюзивными реалиями И паратекстуальной связью обсуждаемого ПТ со своим заглавием.

Таким образом, архитекстуальные отношения рассматриваются в широком лингвокультурологическом смысле как культурные, исторические, социальные, искусствоведческие, религиозные и другие связи метатекста с прототекстом, шире — элементом/элементами общего пространства культуры и, наконец, — архетектсотм (в данном случае мы имеем дело с пересечением интертекстуальности и интермедиальности). Архитекстуальными единицами являются универсальные единицы авто-, пара-, интекстуальных отношений, рассмотренные в предыдущих разделах исследования.

2.3. Феномен интерконтекстуальности. Функция смыслообразования

Специфика теории ИТ применительно к объекту настоящей работы — поэтическому тексту, носит семантический характер. ИТ единицы, находящиеся в рассматриваемом тексте, отсылают исследователя к другим текстам, в результате чего происходит межтекстовое взаимодействие. На этом строится теория ИТ, которая проработана более чем детально. Однако сформулировать и выдвинуть теоретические и методологические основания процесса межтекстового взаимодействия на сегодняшний день в полной мере не удается.

Проведенное исследование стихотворных текстов показывает, что ИТ ограничена исполняемой ей метатекстовой функцией, по Р. О. Якобсону (то есть функцией отнесенности исследуемной ИТ единицы к единицам адресных по отношению к ней произведений), которая направлена от читателя к тексту. Обнаружив адресные тексты, на которые указывают авто-, пара-, ин- и архитекстуальные единицы, исследователь сможет определить культурологические особенности рассматриваемого текста, установить, какие источники информации влияли на автора этого текста, глубже вникнуть в художественные/поэтические образы произведения etc.

Классификация функций ИТ детально проработана в работах Ж. Женетта, Дж. Клейтона, А. В. Кремневой, Ю. Кристевой, Дж. Оддо, Н. С. Олизько, Дж. Портера, Н. А. Фатеевой, У. Хебеля, Р. О. Якобсона и др. Мы намеренно ограничиваемся метатекстуальной функцией как основной и важнейшей функцией ИТ, отвечающей за ретроспективные межтекстовые связи, определяющиеся по наличию общих ИТ единиц.

Стихотворному тексту помимо рассмотренных выше признаков, качеств и свойств (см. п. 1.3) присущ малый объем (относительно прочих типов текста). Так, самое короткое рассмотренное нами стихотворение состоит из 4 строк (например, ПТ "I would distil a cup" [Я бы выпила чашку] Э. Дикинсон),

максимальное из 213 страниц (ПТ "Jerusalem" [Иерусалим] У. Блейка). Помимо малого объема, ПТ свойственна смысловая энигматичность, которая в совокупности с интертекстуальной природой стиха существенно повышает полиинтерпретативность произведения. Таким образом, ПТ представляется набором ключевых авторских образов, находящихся в малом текстовом объеме, от интерпретации которых зависит семантика всего произведения.

Исследование ПТ требует структурированного подхода к интерпретации ИТ единиц, встречающихся в стихах, а также к описанию того, как меняется семантика этих единиц при межтекстовом взаимодействии с адресными произведениями. Исходя из этого, работа со стихотворными текстами требует нового, функционально обратного подхода исследования, который поможет рассмотреть семиотические процессы, происходящие после того, как ИТ единица выполняет метатекстовую функцию; процессы, направленные от текста к читателю, процессы смыслообразования.

Интерконтекстуальный (далее — ИК) тип связи противоположен интертекстуальному, однако оба они имеют общие функциональные единицы (см. п. 1.5). Термин *интерконтекстуальность* предполагает, что ИК связывает контекстные значения текстовых единиц, сопоставляет их и выполняет функцию смыслообразования.

Идея функционирования ИК вида межтекстовых отношений основывается на наслоении контекстных значений одной единицы анализа на Предположим, другую. ЧТО перед нами два стихотворных объединенных одной аллюзией. Мы определяем контекстное значение этой аллюзии в каждом из двух имеющихся текстов и накладываем их на контекст базовой аллюзии. Парадоксально, но каждое из найденных таким образом значений не будет нарушать связность произведения — напротив, его семантика ощутимо расширится.

Таким образом, ИК связывает текстовые единицы, основываясь на их контекстных значениях, и выполняет функцию смыслообразования. ИТ же

связывает текстовые единицы по схожести их формы и выполняет метатекстовую функцию. ИК зависит от ИТ и не может актуализироваться самостоятельно.

Рассмотрим ИК вид межтекстовых отношений на примере ПТ "I died for beauty" (Я умер за красоту) (1861) Э. Дикинсон.

I died for beauty, but was scarce Adjusted in the tomb, When one who died for truth was lain In an adjoining room.

He questioned softly why I *failed?* "For beauty," I replied. "And I for truth — the two are one; We brethren are," he said.

And so, as *kinsmen*, met a night, We talked between the rooms, *Until the moss had reached our lips, And covered up our names* [Dickinson, 1955, p. 216].

Я умер за красоту, но сразу же Оказался в могиле, Когда тот, кто умер за правду лежал В соседней комнате.

Он тихо спросил, из-за чего я здесь?
«Из-за красоты», ответил я.
«А я из-за правды. Они (правда и красота) — едины;
Мы — братья», он сказал.

И мы встретили ночь как *родственники*, Мы говорили через стену, Пока мох не достиг наших губ И не покрыл наши имена.

переводов Из литературных девяти вариантов русскоязычных представленного ΠT , выполненных М. Бортковской, А. Василой, Д. Даниловой, А. Величанским, А. Гавриловым, М. Зенкевичем, Г. Кружковым, В. Марковой и В. Тэ, только в переводах Д. Даниловой и В. Марковой лирический герой стихотворения и его «сосед» — однополые:

Я отдал Жизнь за Красоту И тотчас Меня погребли — Со мною рядом тот лежал Кто истине служил.

Шепнул он мне — «За что погиб?» — «За царство Красоты». «Я воевал за Истину —

За то же, что и ты» <...> [Данилова, Электронный ресурс].

Я принял смерть — чтоб жила Красота — Но едва я был погребен — Как в соседнем покое лег Воин другой — Во имя Истины умер он <...>
[Маркова, Электронный ресурс].

Из приведенных текстов видно, что переводчики сводят заданные Э. Дикинсон темы beauty (красоты) и truth (правды, истины) к войне, сражению и гибели за идеалы. Выбор переводческой стратегии обоснован многозначностью глагола to fail $(mepnemb \ hey day)$ и использования Э. Дикинсон существительного brethren (братья). Однако оригинальный текст стихотворения "I died for Beauty" не обнаруживает других намеков на тему войны. У остальных семи переводчиков (М. Бортковской, А. Василой, А. Величанского, А. Гаврилова, М. Зенкевича, Г. Кружкова, лирический герой и его «сосед» разных полов, поэтому они вовсе не прибегают к теме военного братства, а пишут о беседе брата и сестры: брат и сестра похожи как правда и красота. Их вариант интерпретации и, следовательно, перевода обосновывается использованием Э. Дикинсон существительного kinsmen (родственники). Этот вариант кажется наиболее способствует одна деталь оригинального текста логичным, однако расширению семантики произведения. Лирический герой, погибший за красоту, adjusted in the tomb (оказался в могиле) находится в соседней комнате с тем, кто погиб за правду: one who died for truth was lain in an adjoining room (тот, кто умер за правду, лежал в соседней комнате). Таким образом, они являются соседями в прямом смысле этого слова, то есть находятся в одном «доме». Данное наблюдение будет использовано на последующих этапах анализа.

Рассматривая ПТ "I died for Beauty" с позиций теории ИТ, представляется возможным определить двойную интекстуальную аллюзию: отождествление образов *beauty* и *truth* отсылает к ПТ Дж. Китса "Ode to a Grecian Urn" (Ода греческой вазе); связь образов *beauty* и *truth* с темой смерти является отсылкой к ПТ У. Шекспира "The Phoenix and the Turtle" (Феникс и голубка).

В ПТ Дж. Китса "Ode to a Grecian Urn" встречаем строки, выражающие его знаменитый тезис о том, что красота — это правда, а правда — красота:

<...> Beauty is truth, truth beauty, — that is all Ye know on earth, and all ye need to know [Keats, Electronic resource].

<...> Краса есть правда, правда — красота, Земным одно лишь это надо знать [Комаровский, Электронный ресурс].

Дж. Китс использовал образ античного искусства в качестве символа универсальной гармонизации мира, которую выразил бинарным художественным образом beauty — truth. Учитывая то, что ПТ "Ode to a Grecian Urn" был создан в 1819 г., а ПТ "I died for Beauty" в 1861 г., делаем вывод, что Э. Дикинсон заимствовала идею «красота = правда» у Дж. Китса. Более того, Э. Дикинсон олицетворяет тезис английского поэта в двух лирических героях (beauty — I; truth — he) рассматриваемого ПТ, которые в итоге сливаются: the moss had reached our lips, and covered up our names (мох достиг наших губ и покрыл наши имена).

Образ слияния красоты и правды через смерть является интекстуальной аллюзией к ПТ У. Шекспира "The Phoenix and the Turtle":

<...> Truth may seem, but cannot be: Beauty brag, but 'tis not she; Truth and beauty buried be.

To this urn let those repair

That are either true or fair; For these dead birds sigh a prayer [Shakespeare, Electronic resource].

<...>Правда может казаться, но не может существовать. Красота может хвалиться, но это не она.

Правда и красота погребены.

Пусть к этой погребальной урне обращаются те, Кто честен и справедлив.

Пусть они помолятся этим мертвым птицам.

В представленном ПТ У. Шекспир пишет об истинной любви между фениксом и голубкой, олицетворяя в них красоту и правду соответственно. Образы *phoenix* (феникс) и turtle (голубка) являются символами новой жизни (феникс в мифологической традиции, голубь — в христианской) и, подобно христианской Троице, соединяются У. Шекспиром в одно существо, которое погибает, чтобы воскреснуть.

Похожий сюжет встречается в рассматриваемом ПТ Э. Дикинсон: I/Beauty после смерти постепенно сливается с he/Truth. Таким образом, основываясь на ИТ отношениях, которые выполняют метатекстовую функцию, реципиент определяет адресные тексты (единицы beauty и truth выступают в роли немаркированных интекстуальных аллюзий к идентичным по форме текстовым единицам beauty и truth ПТ Дж. Китса и У. Шекспира), контексты которых отличаются от контекста базового ПТ. Так, тема любви, которая является основой ПТ У. Шекспира "The Phoenix and the Turtle" на первый взгляд отсутствует в анализируемом ПТ Э. Дикинсон "I died for Beauty". В результате актуализируется функция смыслообразования: происходит наслоение контекстов адресных текстов на контекст базового текста, что приводит к возникновению новых, неизвестных до анализа комплекса рассматриваемых образов. Функцию аспектов смыслового смыслообразования выполняет ИК вид межтекстовых отношений.

Вернемся к анализу ПТ "I died for Beauty". Благодаря ИТ и ИК отношениям текстовых единиц beauty и truth возникает новый аспект анализируемого ΠT : семантики между лирическими героями, олицетворяющими красоту и правду, «возникает» любовь (подобно любви между фениксом и голубкой из ПТ У. Шекспира). На первых этапах анализа была выражена идея того, что лирические герои ПТ являются соседями: опе who died for truth was lain in an adjoining room (тот, кто умер за правду, лежал в соседней комнате). Употребление автором существительного brethren (братья) в контексте the two are one; we brethren are (Они, правда и красота, — едины; мы — братья) свидетельствует о том, что действующие лица одного пола. Учитывая то, что Э. Дикинсон использует личное местоимение I (я) для обозначения первого героя стихотворения и местоимение he (он) — для обозначения второго, логично предположить, что ПТ "I died for Beauty" имеет автобиографичный характер. Таким образом, речь идет об Э. Дикинсон и ее соседке (второй герой ПТ того же пола, что и первый, то есть женского), в которую она была влюблена. К. Г. Вольф, Д. Фус, А. Хэбеггер, Р. Б. Сиолом, У. Мартин, Л. Коски и другие исследователи творчества и биографии поэта отмечают сложный характер отношений между Э. Дикинсон и ее невесткой С. Гилберт. По мнению У. Мартина, Э. Дикинсон написала ей свыше трехсот писем [Martin, 2002, р. 53]. Л. Коски в статье "Sexual Metaphors in Emily Dickinson's Letters to Susan Gilbert" (Метафоры сексуального содержания в письмах Э. Дикинсон, адресованных С. Гилберт) прямо заявляет о том, что "Dickinson's letters to Gilbert express strong homoerotic feelings" (письма Дикинсон, адресованные Гилберт, выражают сильные гомосексуальные чувства) [Koski, 1996, р. 22]. Таким образом, диалог двух лирических героев ПТ представляется метафорой переписки Э. Дикинсон и С. Гилберт. Интересно отметить, что С. Гилберт сама была писателем, а также играла важную роль читателя и критика творений Э. Дикинсон. Литературные предпочтения С. Гилберт сильно повлияли на взгляды Э. Дикинсон.

ИТ ИК отношений виды межтекстовых являются разнонаправленными. ИТ отношения направлены от читателя к тексту. Они выступают инструментом ретроспекции. Основываясь на ИТ виде связи, соотносит текстовые единицы базового стихотворения и реципиент идентичные по форме единицы адресных текстов. Рассмотренные образы beauty/truth ПТ "I died for Beauty" Э. Дикинсон ассоциируются с образами beauty/truth ПТ "Ode to a Grecian Urn" Дж. Китса и ПТ "The Phoenix and the Turtle" У. Шекспира. ИК отношения направлены от текста к читателю. Они открывают реципиенту новые контекстные значения рассматриваемых единиц. Функция ИК отношений — смыслообразование. Лексемы beauty и truth ПТ "The Phoenix and the Turtle" У. Шекспира сообщают базовым лексемам новое, невыраженное в ПТ "I died for Beauty" контекстное значение: 'любовь между красотой и правдой'.

Деление межтекстовых отношений на вила (собственно лва интертекстуальный и интерконтекстуальный) позволяет по-новому подойти к интерпретации ИТ единиц в поэтическом тексте. Представленный синтез связей свидетельствует o нелинейном межтекстовых комплексном расширении смысла рассматриваемых поэтических образов. Более того, наблюдается не просто семантическое обогащение, а формирование цельного смыслового комплекса ИТ единиц. Этот комплекс строится на основе всех контекстных значений, «пришедших» в базовый текстовый фрагмент по ИК виду межтекстового взаимодействия. Именно смысловому комплексу ИТ единиц и подходам к его описанию будет посвящена следующая глава диссертации.

Выводы

В главе представлена характеристика интертекстуальности в узком и широком смыслах. ИТ в узком смысле понимается вслед за И. П. Смирновым как способность единиц базового текста ссылаться на единицы адресных текстов, встречающиеся в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе. ИТ в узком смысле обнаруживается далеко не во всех стихотворных текстах, а только в поэтических произведениях, содержащих цитаты, аллюзии, парафразы и прочие виды реминисценций к адресным текстам. В данном случае ИТ относится к дифференциальным признакам поэтического текста, поскольку далеко не во всех стихах присутствуют ИТ ссылки на адресные (по отношению к этим текстам) произведения.

ИТ в широком смысле — глобальная интеграция поэтических текстов как единиц словесной традиции и культуры. Такая интеграция прослеживается на каждом из уровней ПТ. На идейно-образном уровне ПТ как произведения, принадлежащего определенному времени, школе, традиции, наблюдаются заимствование или повторение поэтических образов, тематик, мотивов других стихотворных текстов того же временного отрезка, а также заимствование/неприязнь устойчивых, общеизвестных образов и мотивов поэтов предшествующих поколений. ИТ в широком смысле относится к генеральным признакам ПТ.

Введена следующая терминология интертекстуального исследования:

- 1) базовый текст анализируемый текст;
- 2) адресный текст/тексты произведение/произведения, вступающие в ИТ отношения с анализируемым текстом;
- 3) прототекст² текст-донор, который стоит за адресными текстами, например, Библия, тексты мифов etc.

 $^{^2}$ Термин П. Х. Торопа.

4) метатекст³ — любой текст, созданный на основе текста-донора.

Представлена типология отношений интертекстуальных единиц, базирующаяся на классификации, предложенной Н. С. Олизько. Типология выстроена по синтагматическим и парадигматическим особенностям интертекстуальности.

К синтагматике интертекстуальных отношений отнесены автотекстуальные и паратекстуальные единицы. Автотекстуальность — межтекстовые связи произведения отдельного автора с текстами этого же автора. Автотекстуальные единицы — маркированные и немаркированные самоцитаты и самоаллюзии.

Ж. Женеттом Паратекстуальность понимается вслед за как семантическая связь исследуемого текста со своим заглавием, подзаголовком, эпиграфом и примечаниями. Паратекстуальные единицы — автографические (название произведения, подзаголовок произведения, оглавление, авторское предисловие, авторские примечания и комментарии, тексты авторской другие информационные источники, созданные переписки, автором произведения и имеющие прямое отношение к этому произведению) и аллографические (критическая статья, издательская аннотация, рекламные объявления и т. д.) элементы поэтического текста.

Парадигматика интертекстуальных отношений представлена единицами интекстуальности и архитекстуальности. К интекстуальности отнесены случаи использования автором «чужих» текстовых включений. Единицы интекстуальности — маркированные и немаркированные цитаты, квазицитаты, аллюзивные имена, аллюзивные сюжеты, аллюзивные реалии.

-

³ Термин П. Х. Торопа.

⁴ Типология Н. С. Олизько приводится в модифицированном виде. Термин *гипертекстуальность* заменяется *автотекстуальностью* по причине того, что, с нашей точки зрения, термин *автотекстуальность* точнее раскрывает суть данного типа межтекстовых отношений, а именно — случаев апелляции автора к собственным произведениям.

Архитекстуальность исследована с лингвокультурологических позиций (а именно — в свете концепции архитектоники культурного пространства, по В. П. Большакову, и идеи архетекста, по Ю. В. Казарину) как культурные, исторические, социальные, искусствоведческие, религиоведческие и другие связи метатекста с прототекстом, шире — с элементом или элементами общего пространства культуры и, наконец, с архетекстом. Архитекстуальные единицы — универсальные единицы авто-, пара-, интекстуальных отношений.

Введено авторское понятие интерконтекстуальности. Интерконтекстуальность — вид межтекстового взаимодействия, выстроенный на обмене контекстными значениями между лексемами или группами лексем, которые входят в состав текстов — участников этого взаимодействия.

Единицы интертекстуальности и интерконтекстуальности — общие. Интертекстуальность и интерконтекстуальность отличаются функциональной направленностью: первая выполняет метатекстовую функцию, направлена от читателя к тексту; вторая выполняет функцию смыслообразования, направлена от текста к читателю.

Представленные в главе результаты теоретических изысканий, а также анализа англоязычных стихов позволяют говорить о интертекстуальности как динамическом состоянии текстов поэтических. Это состояние рассматривается в свете внутритекстовой и метатекстовой семантической отнесенности ИТ единиц, а не только с формальных позиций теории прецедентных текстов. Данное замечание является принципиальным для дальнейшего исследования смыслового комплекса ИТ единиц.

Понимание сути процесса межтекстовых отношений, которая сводится к разделению направленности метатекстовой и смыслообразующей функций при интерпретации ПТ, помогает анализировать его глубинный смысловой уровень.

Исследование указанных особенностей межтекстовых отношений приближает нас к важным аспектам разрабатываемой модели анализа, а именно — формализации смыслового комплекса ИТ единицы, а также определению критериев выделения этой единицы из ПТ.

В результате намечается исследовательская концепция формального межтекстового взаимодействия. Суть этой концепции состоит в том, что ИТ единица базового произведения не просто отсылает реципиента к адресным произведениям, а отсылает его к другим ИТ единицам, содержащимся в этих произведениях. Более того, эти ИТ единицы практически тождественны. Другими словами, ИТ единица базового ПТ отсылает к себе самой (здесь необходимо обратиться к свойствам идентичности и подобия, подробно рассмотренным в главе 4), содержащейся в адресном или адресных ПТ. Совокупность контекстных значений ИТ единицы, которые отличаются друг от друга, поскольку формируются в разных адресных текстах, составляет ее смысловой комплекс.

ГЛАВА 3.

СТРУКТУРА СМЫСЛОВОГО КОМПЛЕКСА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель главы — исследовать смысловой комплекс интертекстуальных единиц на материале поэтических текстов. В главе выделяются и характеризуются основные признаки смыслового комплекса с позиций лингвосинергетики: незамкнутость, нелинейность, неустойчивость, иерархичность и эмерджентность. На основе синтеза текстоведческого и лингвосинергетического подходов разрабатывается концепция текстовой гиперсферы как модели интертекстуального и интерконтекстуального взаимодействия поэтических текстов.

3.1. Лингвосинергетические признаки смыслового комплекса интертекстуальных единиц

современном языкознании наблюдается несколько В основных лингвосинергетических объектов исследования: речь (В. Вилдген, Р. Келер, Г. Альтман и др.), дискурс (В. И. Аршинов, В. Н. Базылев, Е. В. Пономаренко, Я. И. Свирский, и др.) и текст (К. И. Белоусов, И. А. Герман, Л. В. Кушнина, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина, И. Ю. Моисеева, Н. А. Кузьмина, И. Н. Пономаренко и др.). Текст как лингвосинергетический объект представляется самоорганизующейся системой, тесно взаимосвязанной с внешней средой. Такой ракурс исследования органично вписывается в изучение ПТ с обозначенных нами позиций интертекстуальности, поскольку разработанная и разрабатываемая лингвосинергетическая методология позволяет всерьез обсуждать особенности природы смыслового комплекса ИТ единиц, соотнося их с лингвосинергетическими качествами текста.

Отметим несколько ключевых для лингвосинергетики исследований и имен.

- Н. Л. Мышкина пишет об открытости текста как саморазвивающейся и самоорганизующейся системы. Открытость или динамическая системность/асистемность качество, порождающее «самодвижущиеся» процессы, приводящие к текстовой смыслогенерации [Мышкина, 1998].
- Г. Г. Москальчук, В. А. Пищальникова, И. А. Герман представляют структуру текста неравновесно-устойчивым состоянием системы. При этом текст выступает результатом синергетического процесса, зафиксированного структурой этого текста [Герман, 2000].
- И. Н. Пономаренко исследует симметрию художественного текста, которая, по мнению ученого, обусловлена инвариантным повторением ключевых слов, понятий, индивидуально-авторских образов и пр. Повторяемость ключевых слов позволяет говорить о симметрии подобия элементов художественного текста, которая сравнивается И. Н. Пономаренко с так называемым фрактальными параметрами текста [Пономаренко, 2005].
- И. Ю. Моисеева изучает механизмы текстообразования в процессуально-динамическом аспекте и разрабатывает синергетическую модель текстообразования. На примере созданной модели ученый исследует семиотические процессы становления текста как системы, а также выявляет зависимость деривационной способности структур от их текстовой позиции [Моисеева, 2007].
- Н. С. Олизько, основываясь на семиотико-синергетическом подходе к интерпретации текста и художественного дискурса, разрабатывает типологию ИТ отношений, которая принимается за один из основополагающих методологических компонентов настоящего исследования. Указанная типология является попыткой функциональной дифференциации ИТ отношений [Олизько, 2009].

Т. В. Андрусенко в центр исследовательского интереса помещает физические и семантические текстовые особенности. Ученый исследует физические параметры текстового пространства, характеризует гармонический/семантический центр текста и описывает текстовую дискретность [Андрусенко, 2010].

К. И. Белоусов концентрируется на онтологических качествах текста. К ним ученый относит пространственно-временную протяженность, полионтологичность, функциональность и целостность [Белоусов, 2013].

Этим и другим лингвосинергетическим изысканиям свойственен исследовательский ракурс, при котором обсуждаются динамические и статические характеристики текстовых единиц. Параметры текстовых единиц разнообразны: открытость, симметричность/асимметричность, (само)подобие, самопорождаемость, смыслогенерация и т. д.

Рассмотренного материала достаточно, чтобы счесть лингвосинергетику полинаправленной научной парадигмой. Исходя из этого некоторые понятия, использующиеся при обсуждении объекта и предмета нашей диссертации, требуют дополнительного осмысления и уточнения.

C лингвосинергетики, ПТ представляет собой точки зрения многоаспектную семантически-нелинейную знаковую систему. Смысловой комплекс единицы поэтического текста, в рамках нашего исследования — ИТ единицы, представляется совокупностью ее контекстных значений, которые были заимствованы у ИТ единиц адресных поэтических текстов. Смысловому комплексу свойственна динамика, приводящая самоорганизации. К Основанием этому служит ИТ природа текста, языка, культуры, а также феномен информационного взрыва [Лемм, 2018] — постоянного увеличения объема информации, а значит, и количества разнонаправленных текстов. Чем больше существует текстов, тем теснее они связаны между собой, четче ИТ связи между ними. Таким образом, смысловой комплекс ИТ единицы представляется пространством семиотическим ДЛЯ ee неоткрытых,

неопределенных, неисследованных, но реально существующих контекстных значений. Лингвосинергетический подход исследования позволяет выявить и характеризовать качества смыслового комплекса, отвечающие за его связи с внешней средой — адресными текстами. Фундаментом таких связей служат ИТ и ИК виды межтекстового взаимодействия.

лингвосинергетического подхода исследования смыслового комплекса ИТ единиц сводится к определению и анализу наиболее важного для данной научной парадигмы свойства — свойства самоорганизации. Самоорганизующаяся способная обрести система — это «система, временную, пространственную функциональную ИЛИ структуру специфического воздействия извне» [Хакен, 1991, с. 28]. Самоорганизация как свойство смыслового комплекса ИТ единиц строится на совокупности базовых и дополнительных системных признаков. Кратко приведем некоторые подходы к выделению и описанию данных признаков.

По мнению Г. Хакена, синергетический метод исследования можно описать следующими постулатами:

- 1. Системы состоят из нескольких одинаковых, разнородных и взаимодействующих между собой частей.
 - 2. Системы являются нелинейными.
- 3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об открытых системах, далеких от теплового равновесия.
 - 4. Системы подвержены внутренним и внешним колебаниям.
 - 5. Системы могут стать нестабильными.
 - 6. В системах происходят качественные изменения.
 - 7. В системах обнаруживаются эмерджентные качества.
- 8. Возникают пространственные, временные, пространственновременные или функциональные структуры.
 - 9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими.

10. Во многих случаях возможна математизация [Хакен, Электронный ресурс].

В. Г. Буданов называет следующие принципы синергетики: гомеостатичность (поддержание некоторых параметров системы в определенных границах), вертикальная иерархичность, горизонтальная или динамическая иерархичность, нелинейность (по В. Г. Буданову, нарушение принципа суперпозиции: целое не есть сумма его частей и пр.), неустойчивость (подверженность флуктуациям), открытость, незамкнутость или открытость, наблюдаемость [Буданов, 2006].

Н. С. Олизько относит к системным текстовым признакам нелинейность, неустойчивость, открытость, подчиненность, нелокальность [Олизько, 2009].

Основываясь представленных классификациях, на a также классификациях работах Т. В. Андрусенко, В. И. Аршинова, И К. И. Белоусова, Н. А. Блазновой, Э. Т. Болдыревой, И. А. Герман, Н. В. Добрыниной, В. А. Дорофеевой, Н. В. Дрожащих, И. А. Евина, В. Г. Зинченко, М. Н. Ельцовой, Л. П. Киященко, Е. Н. Князевой, Е. Л. Словиковой, А. Ю. Корбут, Е. А. Коржневой, И. Ю. Моисеевой, Н. В. Солодянкиной, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкиной, Л. С. Пихтовниковой, В. А. Пищальниковой, Е. В. Пономаренко, И. Н. Пономаренко, В. В. Тарасенко и других ученых, выделим основные лингвосинергетические признаки смыслового комплекса ИТ единиц.

ПТ как лингвосинергетическая система содержит элементы семантической затененности, размытости, полиинтерпретативности. Эти элементы могут быть представлены по-разному: фоносемантическими, лексическими, грамматическими и в том числе интертекстуальными доминантами, уже — единицами. Цель ИТ единицы сводится к ее смысловому развертыванию, передаче не только конкретного сообщения — отсылки к адресному тексту, но и вербально невыраженной информации, возникающей

благодаря актуализации межтекстовых связей. Процесс смыслового развертывания является процессом становления смыслового комплекса ИТ единицы.

Базовые признаки смыслового комплекса основываются на совокупности интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений единиц поэтического текста и разделяются нами на:

- 1. Незамкнутость. Смысловой комплекс ИТ единицы шире, чем контекстная семантика выражающей ее лексемы или группы лексем, поскольку он строится на совокупности контекстных семантик всех ИТ единиц, объединенных межтекстовой связью.
- 2. Неустойчивость. Качество смыслового комплекса ИТ единицы, обеспечивающее ее полиинтерпретативность.
- 3. Нелинейность. Непоследовательное развертывание плана содержания ИТ единицы, невозможность прогнозирования логики ее межтекстовых связей, а также количества адресных текстов, к которым может отсылать эта ИТ единица.
- 4. Иерархичность. Смысловой комплекс ИТ единицы подчинен трем иерархическим уровням: микроуровень (контекстное значение ИТ единицы в базовом поэтическом тексте), макроуровень (контекстное значение или значения ИТ единицы в адресных произведениях) и мегауровень (совокупность всех известных контекстных значений ИТ единицы).
- 5. Эмерджентность. Признак смыслового комплекса ИТ единицы, обеспечивающий его динамику через актуализацию межтекстовых отношений.

Детально рассмотрим каждый из выделенных лингвосинергетических признаков.

3.1.1. Признак незамкнутости

Признак незамкнутости обеспечивает взаимодействие текстовой системы с внешним миром. Благодаря данному признаку смысловой комплекс ИТ единицы способен расширяться, становиться сложнее и многообразнее в семантическом плане. При интертекстуальном и интерконтекстуальном взаимодействии единиц базового и адресных ПТ наблюдается динамика смыслового комплекса этих единиц, которая выражается в обогащении их смысловых комплексов новыми контекстными значениями, несвойственными каждой из них в отдельности.

Рассмотрим признак незамкнутости на примере фрагмента из ПТ "Pursuit" (Преследование) американского поэта С. Плат:

There is *a panther* stalks me down:
One day I'll have my death of him;
His greed has set the woods aflame,
He prowls more lordly than the sun.
Most soft, most suavely glides that step,
Advancing always at my back;
From gaunt hemlock, rooks croak havoc:

The hunt is on, and sprung the trap <...> [Path, Electronic resource].

Ко мне крадется леопард.
Однажды я умру из-за него.
Его жадность воспламеняет леса.
Солнце не такое гордое, как он.
Очень мягкий и учтивый скользит его шаг,
Постоянно оказываясь за моей спиной.
На длинной тсуге грачи кричат опустошенно:
Охота началась, и ловушка захлопнулась.

В рассматриваемом ПТ автор говорит о желании, с одной стороны, как о предмете поклонения, выражая его в поэтическом образе panther (леопард), с другой стороны — как о скрытой фантазии appalled by secret want (в ужасе от тайного желания). Лексема panther ассоциируется с активным

действующим лицом произведения, которое неумолимо преследует лирического героя: *The hunt is on, and sprung the trap (охота началась, ловушка захлопнулась)*. В своих дневниках С. Плат сравнивает образ *panther* с образом *tyger (тигр)* ПТ У. Блейка "The Tyger" (Тигр):

Tyger, tyger, burning bright In the forests of the night, What immortal hand or eye Could frame thy fearful symmetry? [Blake, 2004, p. 125]. Тигр, тигр, горящий ярко В лесах ночи. Чьи бессмертная рука или глаз Могли создать твою пугающую симметрию?

С. Плат подобно У. Блейку заключает в существительном panther символ ужасающей красоты смерти: one day I'll have my death of him (однажды я умру из-за него). В изданной посмертно книге "The Unabridged Journals of Sylvia Plath" (Полные тексты дневников Сильвии Плат) указано, что анализируемое стихотворение посвящено ее мужу — английскому поэту Т. Хьюзу [Plath, 2000]. Рассматривая базовый ПТ "Pursuit" с этой точки зрения, можно сказать, что строка one day I'll have my death of him имеет пророческий характер, т. к. стихотворение было написано после знакомства поэтов в 1956 г., а в 1963 г. С. Плат нашли мертвой на кухне собственного дома (официальная версия смерти — суицид). В 1998 г. вышла последняя книга Т. Хьюза "Birthday letters" (Письма на день рождения), в которой представлен ответ на ПТ "Pursuit" — стихотворение "Trophies" (Трофеи). Рассмотрим его отрывок:

The panther? It had already dragged you
As if it in its jaws, across Europe.
As if trailing between its legs,
Your mouth crying open, or not even crying any more,
Just letting yourself be dragged. Its real prey
Had skipped and escaped. So the fangs,
Blind in frustration,
Crushed your trachea, strangled the sounds. The Rorschach
Splashing of those outpourings stained

Your journal pages. Your effort to cry words

Came apart in aired blood

Enriched by the adrenalins

Of despair, terror, sheer fury —

After forty years

The whiff of that beast, off the dry pages,

Lifts the hair on the back of my hands.

The thrill of it. The sudden

Look that locked on me

Through your amber jewels

And as I caught you lolling locked

Its jaws into my face. The tenacity

Of the big cat's claim

On the one marked down and once disabled

Is a chemical process — a combustion

Of the stuff of judgement.

So it sprang over you. Its jungle prints

Hit your page. Plainly the blood

Was your own <...> [Hughes, Collected poems of ted Hughes, Electronic resource].

Леопард? Ты, зажатая

В челюсти зверя, моталась по Европе.

Ты словно шла по его следу,

Твой рот был широко открыт. Ты кричала, а может быть уже нет,

Просто позволяла тащить себя. Его настоящая добыча

Ускользнула и спаслась. Зверь,

Ослепленный нервным срывом,

Разорвал клыками твою трахею, задушил звуки. Роршах

Разлетался брызгами из твоих журнальных страниц,

Покрытых пятнами словесных потоков. Твои попытки выкрикивать слова

Разлетались на части в запекшейся крови,

Наполненной адреналином

Отчаяния, ужаса, неистовой ярости —

После сорока лет

Запах зверя уничтожил сухие страницы,

Вздыбил волосы на моих руках.

Я испугался его. Внезапный

Взгляд твоих

янтарных глаз.

Я понял, что уже на моем лице появляются

Челюсти зверя. Речь теряла

Цепкость пантеры, становилась несвязной. Это химический процесс — потеря Чувства реальности.

Зверь набросился на тебя. Джунгли его следов Были видны на твоих страницах. Вся эта кровь Принадлежала тебе <...>

С. Плат начинает поэтический диалог, посвящая ПТ "Pursuit" Т. Хьюзу, и, сама того не зная, заставляет его написать метатекст ПТ "Trophies" спустя тридцать пять лет после ее смерти. Поэт отвечает ей вопросом the panther? (леопард?),который ставит под сомнение, опровергает содержание прототекста. Существительные jaws (челюсти), fangs (клыки), prey (добыча), beast (зверь) подчеркивают, дополняют образ зверя, выраженный существительным panther. Параллельно с этим они заставляют задуматься над тем, кто в действительности является зверем. Строка its jaws into my face (eго челюсти в моем лице) — аллюзивная реалия, отсылающая читателя к первой встрече поэтов, когда С. Плат укусила Т. Хьюза. Фрагмент пятой строки its real prey (его настоящая добыча) также является аллюзивной реалией, подразумевающей С. Плат, которая «принесла себя в жертву» борьбе с собой, ревности, амбициям и психическому расстройству. Строки второй строфы іт sprang over you, plainly the blood was your own (зверь набросился на тебя, почти вся кровь была твоей) показывают, что, по мнению Т. Хьюза, его жена позволила зверю, пантере, темной стороне своего «я» взять верх над С. Плат, что в конечном счете привело к трагедии.

Представленные примеры показывают незамкнутость смыслового комплекса ИТ единицы panther. Существительное panther прототекста "Pursuit" посредством паратекстуальности, выраженной авторским комментарием С. Плат, связывается с существительным tyger одноименного стихотворения У. Блейка, а также в результате аллюзивного упоминания (единицы интекстуальности) вступает в обмен контекстными значениями с

идентичным существительным *panther* ПТ Т. Хьюза "Trophies". ИК взаимодействие идентичных единиц приводит к смысловой инверсии: panther - T. Хьюз преобразуется в panther - C. Плат.

Благодаря незамкнутости смыслового комплекса ИТ единицы *panther* актуализируются интертекстуальные и интерконтекстуальные виды отношений, которые приводят к обогащению семантики этой единицы. Так, *panther* определяется следующими контекстными значениями: Т. Хьюз, властный охотник, возможно — убийца (на основе прототекста "Pursuit"); ужасающая красота (ассоциация со стихотворением У. Блейка "The Tyger"); сексуальное влечение (авторский комментарий); не справившаяся с внутренними противоречиями и погубившая себя С. Плат (на основе метатекста "Trophies").

Рассмотрим незамкнутость смыслового комплекса на другом примере — ПТ "The Raven" (Ворон) Э. А. По:

<...> Is there — is there balm in Gilead? — tell me — tell me, I implore! Quoth the Raven "Nevermore." <...> [Poe, Electronic resource].

<...> Есть ли, есть ли бальзам в Галааде? Скажи мне, скажи мне, я молю! Ворон ответил: «Больше нет» <...>

Выделенное словосочетание *balm in Gilead (бальзам в Галааде)* является ИТ единицей, которая выражена квазицитацией книги пророка Иеремии:

<...> 22 *Is there no balm in Gilead?* Is no physician there? Why then has the health of the daughter of my people not been restored? <...> [Jeremiah 8:22].

<...> 22 Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача? Отчего же нет исцеления дщери народа моего? <...> [Иеремия 8:22].

По мнению христианского богослова IV в. Ефрема Сирина, обсуждаемый фрагмент книги пророка Иеремии следует понимать так: «Иеремия знает, что народ никак не отвратится от грехов своих, поэтому

спрашивает: Или ритины (бальзама) несть в Галааде, стране обильной ею? Ужели не стало обучения закону в Иерусалиме, который почитал себя жилищем законоучителей?» (цит. по: [Сирин, 2 Пар. 36:15–16, Электронный ресурс]). Таким образом, мы можем предположить, что под поэтическим образом balm in Gilead понимается благочестие, правда, шире — утешение.

В 1842 г. издается сборник гимнов и духовных песен "The Revivalist: a new selection of hymns and spiritual songs, designed for the use of conference meetings, private circles, and the class room" (Ревайвелист: новое собрание гимнов и духовных песен, разработанное для совещаний, частного использования и учебных классов), в который входит песня под названием "The sinner's Cure" (Лекарство грешника). Рассмотрим ее отрывок:

<...> There is a balm in Gilead
To make the wounded whole;
There is a balm in Gilead
To heal the sin-sick soul. <...> [The Revivalist, 1842, p. 68].

<...> Бальзам в Галааде
Исцелит раны;
Бальзам в Галааде
Избавит душу от греха <...>

Из примера видно, что выделенный фрагмент также является квазицитатой прототекста Иеремии, но одновременно с этим он вступает в межтекстовую связь и с ПТ Э. А. По "The Raven". Контекстное значение ИТ единицы "balm of Gilead" сводится к лекарству от болезни души: to heal the sin-sick soul (избавит душу от греха). Подобное значение прослеживается в стихотворении Э. А. По. В 1845 г. поэт издал статью "The Philosophy of Composition" (Философия творчества), в которой осветил некоторые аспекты создания исследуемого стихотворения:

<...> A raven, having learned by rote the single word "Nevermore," and having escaped from the custody of its owner, is driven at midnight, through the violence of a storm, to seek

admission at a window from which a light still gleams — the chamber-window of a student, occupied half in poring over a volume, half in dreaming of a beloved mistress deceased. The casement being thrown open at the fluttering of the bird's wings, the bird itself perches on the most convenient seat out of the immediate reach of the student, who amused by the incident and the oddity of the visitor's demeanour, demands of it, in jest and without looking for a reply, its name. The raven addressed, answers with its customary word, "Nevermore" — a word which finds immediate echo in the melancholy heart of the student, who, giving utterance aloud to certain thoughts suggested by the occasion, is again startled by the fowl's repetition of "Nevermore." The student now guesses the state of the case, but is impelled, as I have before explained, by the human thirst for self-torture, and in part by superstition, to propound such queries to the bird as will bring him, the lover, the most of the luxury of sorrow, through the anticipated answer, "Nevermore." <...> [Poe, Electronic resource].

Какой-то Ворон, механически зазубривший единственное слово "nevermore", улетает от своего хозяина и в бурную полночь пытается проникнуть в окно, где еще горит свет, — в окно комнаты, где находится некто, погруженный наполовину в чтение, наполовину — в мечты об умершей любимой женщине. Когда на хлопанье крыльев этот человек распахивает окно, птица влетает внутрь и садится на самое удобное место, находящееся вне прямой досягаемости для этого человека; того забавляет подобный случай и причудливый облик птицы, и он спрашивает, не ожидая ответа, как ее зовут. Ворон по своему обыкновению говорит "nevermore", и это слово находит немедленный отзвук в скорбном сердце влюбленного, который, высказывая вслух некоторые мысли, порожденные этим событием, снова поражен тем, что птица повторяет "nevermore". Теперь он догадывается, в чем дело, но, движимый, как я ранее объяснил, присущею людям жаждою самоистязания, а отчасти и суеверием, задает птице такие вопросы, которые дадут ему всласть упиться горем при помощи ожидаемого ответа "nevermore" <...> [Зверев, Электронный ресурс].

Авторский комментарий Э. А. По показывает, что лекарством от болезни является любовь. Человек тоскует об умершей девушке и начинает задавать ворону вопросы сначала ради забавы, потом — серьезно. Темы вопросов становятся все более значимыми от строфы к строфе: восьмая строфа — человек спрашивает имя птицы: tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore! (скажи мне, как тебя гордо зовут на ночном берегу Плутона!); десятая строфа — герой стихотворения говорит, что его оставили друзья, и интересуется, не оставит ли его и ворон: other friends have flown before — on the morrow he will leave me, as ту Hopes have flown before (другие друзья ушли раньше. Утром он покинет меня подобно тому, как мои

Надежды ушли от меня до этого); четырнадцатая строфа — влюбленный пытается забыть девушку: quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore! (пей залпом, пей эту траву забвения «непентес» и забудь потерянную Ленору); пятнадцатая строфа — человек узнает у ворона, есть ли «бальзам в Галааде» — есть ли утешение в его горе: is there — is there balm in Gilead? — tell me — tell me, I implore! (есть ли, есть ли утешение «бальзам в Галааде»? — скажи мне, скажи, я молю!); шестнадцатая строфа — вопрос о том, встретит ли он в раю свою любовь: it shall clasp a sainted maiden whom the angels пате Lenore (она обнимет святую, которую ангелы зовут Ленора); последняя строфа — переосмысление всего перечисленного выше: автор дает понять, что ворон всего лишь образ, раскрывающий внутреннее состояние героя: and ту soul from out that shadow that lies floating on the floor shall be lifted — nevermore! (моя душа больше никогда не поднимется из этой тени, которая лежит, наводняя пол).

Мы вновь имеем дело с незамкнутостью смыслового комплекса ИТ поэтическом тексте. Наблюдается возникновение единицы контекстных значений, которые расширяют семантику balm in Gilead. Незамкнутость реализуется благодаря интертекстуальным И интерконтекстуальным отношениям рассматриваемой ИТ единицы с ИТ единицами еще как минимум трех произведений, а именно — квазицитации книги пророка Иеремии, авторского комментария в статье Э. А. По "Philosophy of Composition" и аллюзии к религиозному гимну "The sinner's Cure". В результате смысловой комплекс ИТ единицы balm in Gilead, находящейся в базовом произведении, вбирает в себя следующие контекстные значения: благочестие, правда, лекарство, утешение, любовь.

Незамкнутость является базовым признаком смыслового комплекса ИТ единицы, основанием для номинации остальных лингвосинергетических признаков. Именно незамкнутость, открытость адресным текстам выступает

обязательным условием, позволяющим говорить о неустойчивости и нелинейности смыслового комплекса.

3.1.2. Признак неустойчивости

В лингвосинергетике существует аттрактора, понятие частности — текстового аттрактора. Определим данный термин вслед за Г. Г. Москальчук: аттрактор текста «является его кульминатом, его высшим информационно структурным элементом, насыщенным ЭМОТИВНО» [Москальчук, 2014, с. 82]. Аттрактор представляется совокупностью планов содержания анализируемых единиц, интертекстуальная И интерконтекстуальная взаимосвязь между которыми приводит к динамике комплекса плана содержания всего ПТ. Аттрактор как конечный результат, притягивающее множество, инструмент текстового смыслообразования можно сравнить с квадратом, на вершинах которого находятся черепахи. Если представить, что каждая черепаха стремится к соседней черепахе в одном направлении (например, по часовой стрелке), аттрактором выступит центр квадрата, к которому будет стремиться спиралевидное движение черепах. Таким образом, значения, смыслы или контексты анализируемых текстовых единиц стремятся к семантической самоорганизации, к абсолютному смыслу. Реципиент может приблизиться или отдалиться от абсолютного смысла в силу развитости своих компетенций. Процесс семантической самоорганизации ПТ и его единиц будет реализован в одном из вариантов интерпретации анализируемого ПТ, в нашем случае, с позиций интертекстуальности.

Итак, семантическое развертывание ПТ протекает благодаря интерпретации ИТ единиц, входящих в его структуру и являющихся ссылками на похожие единицы адресных текстов. В результате прослеживается интертекстуальная и интерконтекстуальная зависимость: одна и та же ИТ единица, идентичная или подобная себе, находясь в разных произведениях, имеет разные сообщающиеся друг другу контексты. Из совокупности

ИТ значений единиц складывается контекстных ИХ семантическая вариативность, в результате чего образуются новые аспекты плана содержания ПТ и его элементов. Другими словами, наблюдается становление общего ИТ комплекса елиниц. участвующих смыслового В межтекстовом взаимодействии. С позиций лингвосинергетики справедливо говорить о том, что потенция текстовой единицы иметь разные словарные и несловарные⁵ значения, совокупность которых определяется нами как смысловой комплекс, в рамках одного контекста ПТ реализуется через признак неустойчивости, то есть динамическую вариативность плана содержания.

Рассмотрим признак неустойчивости на примере стихотворения Дж. Китса "Nebuchadnezzar's dream" (Сон Навуходоносора):

Refore he went to feed with owls and bats
Nebuchadnezzar had an ugly dream
Worse than an Hus'if's when she thinks her cream
Made a Naumachia for mice and rats.
So scared, he sent for that "Good King of Cats"
Young Daniel, who soon did pluck away the beam
From out his eye, and said he did not deem
The sceptre worth a straw his Cushions old door-mats.
A horrid nightmare similar somewhat
Of late has haunted a most motley crew,
Most loggerheads and Chapmen we are told
That any Daniel tho' he be a sot
Can make the lying lips turn pale of hue
By belching out "ye are that head of Gold." [Keats, 2014, p. 98].

Пред тем как жить уйти царю средь сов, Пригрезился ему премерзкий сон Похуже сна хозяйки, если он О том, как мыши в сливках свили кров. Вот в страхе шлет он за «Царем Котов» За Даниилом; но пророк смышлен: «Не стоит ни гроша твой жалкий трон, А скипетром я гвоздь забить готов».

⁵ Значения, не зафиксированные в словарях.

Кошмар такого рода, словно жуть, Недавно обуял весь пестрый клуб Тупиц толстоголовых. Вот молва: Любой, мол, Даниил, хоть пьян он будь, Бледнеть заставит блеск их лживых губ, Сблевнув: «Вы — Золотая голова!» [Покидов, 2014, с. 99].

Из представленного ПТ видно, что автор пользуется единицами интекстуальности — аллюзивными именами собственными Nebuchadnezzar (Навуходоносор), Young Daniel (Юный Даниил) и аллюзивным сюжетом, отсылающим реципиента к библейской книге пророка Даниила. Данное стихотворение кажется сатирической аллегорией, основанной на библейском сюжете, в котором пророк Даниил истолковывает сон вавилонского царя Навуходоносора.

37 Thou art a king of kings: and the God of heaven hath given thee a kingdom, and strength, and power, and glory: 38 And all places wherein the children of men, and the beasts of the field do dwell: he hath also given the birds of the air into thy hand, and hath put all things under thy power: *thou therefore art the head of gold.* 39 And after thee shall rise up another kingdom, inferior to thee, of silver: and another third kingdom of brass, which shall rule over all the world [The Book of The Prophet Daniel, 2: 37–39, Electronic resource].

37 Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, 38 и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты — это золотая голова! 39 После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею [Книга пророка Даниила, 2: 37–39, Электронный ресурс].

В ПТ Дж. Китса встречаем квазицитацию выделенного фрагмента библейского текста: *ye are that head of Gold (Вы — золотая голова)*. Согласно писанию, Навуходоносор (ок. 634–562 до н. э.) воздвигает золотого истукана и заставляет поклониться ему все народы:

7 Upon this therefore, at the time when all the people heard the sound of the trumpet, the flute, and the harp, of the sackbut, and the psaltery, of the symphony, and of all kind of music: all the nations, tribes, and languages fell down and adored the golden statue which king Nebuchadnezzar had set up [The Book of The Prophet Daniel, 3:7, Electronic resource].

7 Посему, когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану, которого поставил Навуходоносор царь [Книга пророка Даниила, 3:7, Электронный ресурс].

По мнению А. В. Покидова [Покидов, 2014, с. 159–167], исследователя творчества Дж. Китса и переводчика его творений, в рассматриваемом стихотворении поэт ставил задачу завуалированно высмеять расточительство короля Георга IV (1762–1830). А. В. Покидов пишет, что рассматриваемый ПТ является не единственным стихотворением Дж. Китса, в котором поэт критикует власть. Переводчик обращается к ПТ "Written on the Day that Mr Leigh Hunt Left Prison" (Сонет, написанный в день выхода Ли Ханта из тюрьмы):

What though, for showing truth to flatter'd state,
Kind Hunt was shut in prison, yet has he,
In his immortal spirit, been as free
As the sky-searching lark, and as elate.
Minion of grandeur! think you he did wait?
Think you he nought but prison walls did see,
Till, so unwilling, thou unturn'dst the key?
Ah, no! far happier, nobler was his fate!
In Spenser's halls he strayed, and bowers fair,
Culling enchanted flowers; and he flew
With daring Milton through the fields of air:
To regions of his own his genius true
Took happy flights. Who shall his fame impair
When thou art dead, and all thy wretched crew? [Keats, 2014, p. 32].

Подумать только, за правду, открытую лживой стране Доброго Ханта посадили в тюрьму, хотя своим бессмертным духом он оставался на свободе, как будто ликующий жаворонок в небе. Приспешник величия! Думаете, он видел только стены тюрьмы? Думаете, он ждал, пока кто-нибудь неохотно отопрет дверь ключом? О, нет! Его жребий был куда счастливее и величественнее! Он блуждал в чертогах Спенсора, окруженный справедливостью, Срывая зачарованные цветы; и он летал С бесстрашным Мильтоном по воздушным полям.

Он совершал счастливые полеты К собственной гениальной правде. *Кто затмит его славу,* когда твое искусство мертво, а слуги — несчастны?

В приведенном ПТ встречаются аллюзивные факты: английского критика, поэта и эссеиста Ли Джеймса Генри Ханта (1784–1859) на два года посадили в тюрьму за статью, опубликованную в литературно-политическом еженедельнике "The Examiner" (Экзаменатор), в которой автор критиковал Георга IV. Дж. Китс разделяет позицию Ли Ханта: for showing truth, Kind Hunt was shut in prison (Доброго Ханта посадили в тюрьму за правду), и уподобляет его поэтическое дарование талантам английских поэтов Э. Спенсера (1552-1599) и Дж. Мильтона (1608–1674): in Spenser's halls he strayed (он блуждал в чертогах Спенсера); he flew with daring Milton (он летал с бесстрашным Мильтоном). образом, Таким поэтическому, неземному Дж. Китс противопоставляет ограниченность земной власти в лице Георга IV.

Вернемся к анализу базового ПТ "Nebuchadnezzar's dream". Дж. Китс также сравнивает царя Навуходоносора с королем Георгом III (1738–1820), т. к. у обоих было психическое расстройство. Согласно иудейской традиции, царь Навуходоносор страдал от тяжелой болезни, напоминающей ликантропию (больному кажется, что он превратился или может превратиться в зверя). Дж. Китс начинает стихотворение "Nebuchadnezzar's dream" строкой: before he went to feed with owls (neped mem, как жить уйти царю средь сов). Георг IV страдал наследственной порфириновой болезнью, в результате чего последние десять лет жизни был практически невменяем.

Интерконтекстуальное взаимодействие между ПТ "Nebuchadnezzar's dream", "Written on the Day that Mr Leigh Hunt Left Prison" (данное стихотворение включено в парадигму, поскольку связано с базовым ПТ через аллографическую паратекстуальную единицу — переводческий комментарий) и "The Book of The Prophet Daniel" осуществляется через ИТ единицу Nebuchadnezzar. Новые контекстные значения дополняют смысловой

анализируемой единицы благодаря ее интертекстуальным комплекс отношениям с текстовыми единицами адресных текстов — библейским Навуходоносором и королем из ПТ Дж. Китса "Written on the Day that Mr Leigh Hunt Left Prison": who shall his fame impair when thou art dead, and all thy wretched crew? (кто затмит его славу, когда твое искусство мертво, а слуги — несчастны?). В результате наблюдается формирование нового смысла, свойственного единицам отдельно указанных ΠT : не Навуходоносор — символ скоротечной земной власти; противопоставление материального духовному, лжи — правде; Георг III; Георг IV.

В ходе представленного анализа ИТ единицы Nebuchadnezzar прослеживается процесс семантического развертывания, обмена контекстными значениями анализируемых единиц, обогащения/расширения смыслового комплекса рассматриваемого антропонима и стихотворения "Nebuchadnezzar's dream" в целом. Основой динамики смыслового комплекса единиц ПТ выступают интертекстуальные и интерконтекстуальные виды межтекстовых отношений. Неустойчивость смыслового комплекса ИТ единицы проявляется в ее полиинтерпретативности, способности к обмену контекстными значениями с единицами адресных текстов.

Рассмотрим неустойчивость смыслового комплекса ИТ единиц поэтического текста на примере ПТ "Airbag" (Подушка безопасности) (1995) британского поэта Тома Йорка:

In the next world war
In a jack knifed juggernaut
I am born again

In the neon sign Scrolling up and down I am born again

In an interstellar burst
I am back to save the universe

In a deep, deep sleep Of the innocent I am born again

In a fast German car I'm amazed that I survived An airbag saved my life

In an interstellar burst *I am back to save the universe (3)* [Yorke, Electronic resource].

В следующей Мировой войне, В безжалостной силе стилета *Я рождаюсь снова*.

В неоновом знаке, мигающем вверх и вниз, Я рождаюсь снова.

В межзвездном взрыве я вернулся, чтобы спасти Вселенную.

В глубоком, глубоком сне невинности Я рождаюсь снова.

В быстрой немецкой машине Я поражен, что я выжил. Подушка безопасности спасла мне жизнь.

В межзвездном взрыве я вернулся, чтобы спасти Вселенную. (3) [Перевод песни Radiohead — Airbag, Электронный ресурс].

По словам автора, данный ПТ посвящен иллюзии безопасности: "So much of the public's perception revolves around illusion. That's what Airbag is about, the illusion of safety. In reality, airbags don't really work, and they go off at random" (Большая часть восприятия людей вращается вокруг иллюзий. Об этом рассказывает "Airbag". В действительности подушки безопасности не работают, они срабатывают случайно) [Yorke, Electronic resource]. В 1987 г. Т. Йорк и его девушка попали в автомобильную аварию. Это происшествие послужило импульсом для создания ПТ: "Has an airbag saved my life? Nah... but I tell you something, every time you have a near accident, instead of just sighing and carrying on, you should pull over, get out of the car and run down the street screaming "I'm BACK! I'm ALIVE! My life has started again today!" (Подушка безопасности спасла мою жизнь? He-а... но я скажу так: когда вы чуть не попали в аварию, вместо того чтобы вздыхать и злиться, лучше остановитесь,

выйдите из машины и бегите по улице с криком: «Я здесь! Я жив! Сегодня моя жизнь началась сначала!»). Таким образом, рефрен *I am born again (Я рождаюсь снова)* можно интерпретировать как обретение второго шанса, позволяющего исправить жизнь к лучшему. В данном случае наблюдается автографическая паратекстуальная связь ПТ "Airbag" с комментарием Т. Йорка, которая существенно снижает семантическую множественность строк *I am born again (Я рождаюсь снова)* и самого образа *Airbag*, поскольку задает четкий культурологический контекст.

В 2016 г. работники оксфордского книжного магазина обнаружили, что на развороте пожертвованной им Т. Йорком книге У. Блейка "Songs of Innocence and Experience" (Песни невинности и опыта) присутствует написанный от руки ПТ "Airbag", а также имеются пометки, отсылающие к стихотворениям У. Блейка [The Telegraph, Electronic resource]. Следует отметить, что на полях двенадцатой страницы данной книги напротив пятой строфы стихотворения "A Cradle Song" (Колыбельная) Т. Йорком написаны строки из текста "Airbag": *in a deep, deep, sleep of the innocent I am born again* (в глубоком-глубоком сне невинного я рождаюсь вновь), а также подчеркнут глагол to slumber (дремать).

Sweet moans, dovelike sighs, Chase not *slumber* from thy eyes, Sweet moans, sweeter smiles, All the dovelike moans beguiles [Blake, 2004, p. 110].

Каждой жалобе шепни: «Задремли и отдохни». Каждой жалобе скажи: «Крылья легкие сложи» [Бальмонт, Электронный ресурс]. В доказательство приводим фотографию данной страницы:

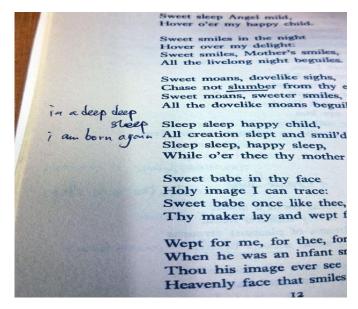

Рис. 1. Двенадцатая страница книги У. Блейка "Songs of Innocence and Experience", однажды принадлежавшей Т. Йорку (с комментариями последнего на полях слева)

ПТ У. Блейка "Cradle Song" поднимает две основные темы: материнскую любовь: sweet babe in the face, holy image I can trace (в сладком лице ребенка я вижу святой образ) — и печаль от того, что невинный ангелоподобный младенец вырастет и столкнется с жестокостью порочного мира, а его мать ничего не сможет с этим поделать: wept for me for thee for all (плакал за меня, за тебя, за всех). Рассматриваемый ПТ имеет христианский подтекст — автор сравнивает внутреннюю чистоту и красоту младенца с чистотой Христа:

Sweet babe in thy face,
Holy image I can trace.
Sweet babe once like thee,
Thy maker lay and wept for me
Wept for me for thee for all,
When he was an infant small.
Thou his image ever see.
Heavenly face that smiles on thee [Blake, 2004, p. 110].

Сладкое дитя, в твоем лице
Я вижу святой образ.
Однажды сладкое дитя, похожее на тебя,
Плакало за меня,
За тебя и за всех,
Когда он был ребенком.
Теперь мы всегда видим его образ.
Небесное лицо, которое улыбается тебе.

Таким образом, лирический герой Т. Йорка перерождается в глубоком сне невинного младенца (в данном случае авторский комментарий становится интекстуальности — аллюзией, единицей аллюзивным сюжетом). начинает жизнь с чистого листа и возвращается, чтобы спасти мир: I am back to save the universe (я вернулся, чтобы спасти вселенную), поскольку мнимые меры безопасности, в данном случае — аварийная предохранительная подушка, в действительности не способны с этим справиться. ПТ "Airbag" открывает альбом Radiohead "OK Computer" (1997) и задает его тематику: противопоставление человеческого внутреннего мира программам гаджетам, в которых утопает физический мир.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что неустойчивость смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте может иметь место только в рамках интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений единицами анализа, подкрепленных между системным признаком незамкнутости. Полиинтерпретативность ИТ единицы реализуется посредством пара- и интекстуальности. Смысловой комплекс образов І ат born again (возможность выжить в трудной ситуации и использовать второй шанс), In a deep, deep sleep (начать жизнь с чистого листа), I am back to save universe (противопоставить живое общение, внутренний мир человека, природную красоту роботизации) пополняется механизации И представленными в скобках «новыми» контекстными значениями благодаря влиянию многочисленных авторских комментариев Т. Йорка, а также в результате интертекстуального взаимодействия с ПТ У. Блейка "A Crandle Song".

Итак, проведенный анализ показывает, что только при условии отношений ИТ единицей базового интерконтекстуальных межлу стихотворения и адресными текстами ее смысловой комплекс пополняется вербально новыми, несловарными, невыраженными значениями. Совокупность незамкнутости ПТ и семантической неустойчивости входящих в него ИТ единиц позволяет говорить о третьем лингвосинергетическом признаке смыслового комплекса — нелинейности.

3.1.3. Признак нелинейности

Нелинейность смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте можно сравнить с лингвосинергетическим понятием точки фуркации, то есть точки, В которой происходит смена установившегося режима Читатель, функционирования системы. воспринимая ΠT , формирует определенное внутреннее ожидание от текста, в его сознании возникают ассоциации, связанные с созданными автором произведения поэтическими образами; анализирует исследователь уровни стихотворения, пространственно-временные характеристики ПТ и пр. В обоих случаях наступает момент, когда реципиент сталкивается с ИТ единицей, распознать и интерпретировать которую удается не всегда. Именно ИТ единица является точкой фуркации в поэтическом тексте, поскольку ее смысловой комплекс включает сразу совокупность контекстов и контекстных значений адресных произведений, на которые ссылается эта ИТ единица. Нелинейность смыслового комплекса выражается в множественности одновременно возможных вариантов интерпретации, ни один из которых не нарушает связности рассматриваемого произведения. В результате смысловой комплекс ИТ единицы как элемента поэтического текста наполняется онтологическими, словарными и несловарными значениями.

Рассматривая поэтический текст с точки зрения системности лингвосинергетической парадигмы, можно сказать, что смысловой комплекс ИТ единицы является подмножеством смыслового комплекса стихотворения, в который входит эта единица. Расширение значений и смыслов ИТ единицы будет напрямую влиять на семантическое становление всего произведения. Если единиц несколько, на «конечный» смыл поэтического текста будет оказывать влияние совокупность их контекстных значений. Таким образом, нелинейность смыслового комплекса ИТ единицы понимается как ее непоследовательные интертекстуальные и интерконтекстуальные связи с подобными или идентичными единицами адресных текстов.

Нелинейность смыслового комплекса ИТ единицы можно проследить на примере следующей абстрактно-теоретической модели. Предположим, что существуют три известных поэтических текста: Т₁, Т₂ и Т₃. В ходе анализа базового Т₁ обнаруживаем ИТ единицу, являющуюся интекстуальной аллюзией к адресным тексам — Т2 и Т3. Изучив эти тексты, приходим к выводу, что в каждом из них встречается интекстуальная аллюзия, выраженная ИТ единицей базового T_1 . Таким образом, тексты T_1 , T_2 и T_3 можно считать семантически связанными посредством упомянутой ИТ единицы. Эта связь обеспечивает взаимный контекстный обмен ИТ единиц произведений T_1 , T_2 и T_3 , или интерконтекст. Изучив текст T_1 , читатель анализируемую ИТ базовым наделяет единицу значением (как правило — словарным), которое зависит от имеющегося в T_1 контекста. Аналогичная операция проделывается с единицами текстов T_2 и T_3 . Учитывая то, что тексты T_2 и T_3 являются адресными, предположим, что они написаны разными авторами, имеют разные контексты, а значит базовые значения анализируемых единиц во всех трех случаях будут отличаться. Рассматриваемая ИТ единица будет иметь как минимум три контекстных (первый — базовый, других — дополнительные, значения два полученные по интерконтекстуальным связям). Совокупность смысловых разветвленностей анализируемой ИТ единицы обусловливает семантическую разветвленность всего ПТ.

Обсудим признак нелинейности на примере отрывка из поэмы А. Гинзберга "The Howl" (Вопль) (1955):

<...> who disappeared into the volcanoes of Mexico leaving behind nothing but the shadow of dungarees and the lava and ash of poetry scattered in fireplace Chicago. <...> [Ginsberg, Electronic resource].

<...> которые исчезли *в вулканах Мексики*, не оставив за собой ничего, кроме тени рабочих роб, лавы и пепла поэзии, рассыпанного в камине в Чикаго <...> [neonihil, Электронный ресурс].

Выделенный фрагмент who disappeared into the volcanoes of Mexico (которые вулканах Мексики) является одновременно исчезли биографии культурологической отсылкой Дж. Хоффмана (друг К американского поэта Ф. Ламантиа и писателя К. Соломона; последнему А. Гинзберг посвятил поэму "The Howl") и аллюзией к роману М. Лаури "Under the Volcano" (У подножья вулкана) (1947).

7 октября 1955 г. один из шести талантливых молодых поэтов Ф. Ламантиа (остальные — А. Гинзберг, М. Макклур, Г. Снайдер, Ф. Уэйлен, К. Рексрот) читал стихи в рамках так называемого "Six Gallery reading" (Чтение в Галерее Шесть). Он прочитал стихи своего близкого друга Д. Хоффмана, который погиб в Мексике в возрасте двадцати четырех лет в 1952 г. при невыясненных обстоятельствах. Загадочный Д. Хоффман вдохновил не только Ф. Ламанта и А. Гинзберга (последний впервые прочитал широкой общественности поэму "The Howl", ссылающуюся на трагическую судьбу Д. Хоффмана, в ходе "Six Gallery reading"), но и американского писателя Д. Керуака. Последний сделал Д. Хоффмана одним из персонажей романа "Dharma Bum" (Бродяги Дхармы) (1958).

В книге "Howl: Original Draft Facsimile, Transcript and Variant Versions" (Вопль: факсимиле оригинального черновика, расшифровка и варианты версий) [Ginsberg, 2006] А. Гинзберг связывает обсуждаемый фрагмент who disappeared into the volcanoes of Mexico с событиями романа англо-канадского писателя М. Лаури "Under the Volcano". Трагическая сюжетная линия произведения приводит консула Дж. Фермина к смерти в баре Фаролито у подножия вулкана Попокатепетль. Глубоко несчастный, не видящий смысла в существовании и не знающий способа жить Дж. Фермин боится трезветь и пребывает на грани безумия — белой горячки. Он жаждет свободы, которая разрешит все его проблемы, поэтому создает иллюзорную алкогольную реальность, которую отказывается покидать. Когда у него отбирают письма жены в баре Фаролито, он вступает в перепалку с бандитами, понимает, что они убили индейца, украли его лошадь и деньги (сцена из восьмой главы), а затем выкрикивает свои последние слова:

Only the poor, only through God, only the people you wipe your feet on, the poor in spirit, old men carrying their fathers and philosophers weeping in the dust, America perhaps, Don Quixote — if you'd only stop interfering, stop walking in your sleep, stop sleeping with my wife, only the beggars and the accursed. <...> You stole that horse! [Lowry, 1962, p. 647–648, Electronic resource].

Только бедняки, только по воле божией, только попранные и униженные, только нищие духом, старики, что несут на себе отцов своих, философы, что страдают и плачут, поверженные во прах... Америка, может быть, Дон-Кихот. <...> Хоть бы вы перестали вмешиваться, перестали бродить вслепую, как лунатики, перестали спать с моей женой, но только нищие и обреченные. <...> Это вы украли коня! [У подножия вулкана, Электронный ресурс].

В представленном потоке сознания Д. Фермин обращается к самому себе, вспоминает о Боге, о жене, о том, что он бродит во сне еtc. В финале главный герой противопоставляет материальным ценностям (шире — лжи, страху) внутреннюю свободу и правду. В поэме А. Гинзберга "Howl" также

высказана идея борьбы и отказа от культуры материализма, которая погубила многих близких друзей поэта:

I saw the best minds of my generation *destroyed by madness, starving hysterical naked* <...> [Ginsberg, Electronic resource].

Я видел лучшие умы своего поколения, разрушенные безумием, оголившимися в $npunadoutom\ ronode < ... > [neonihil, Электронный ресурс].$

Таким образом, отсылка к роману "Under the Volcano" является не только аллюзией-упоминанием, но и архитекстуальной, культурологической отсылкой. Местоимение who (disappeared) принимает новое, несвойственное ранее заданному контексту значение — Дж. Хоффман. Во втором случае рассматривается роман "Under the Volcano", в результате чего местоимение who приобретает значение Дж. Фермин. С позиций лингвосинергетики, преобразование who (Дж. Хоффман — Дж. Фермин) видится способностью смыслового комплекса данного местоимения к динамическому расширению.

Другим примером нелинейности смыслового комплекса ИТ единиц может служить стихотворение У. Блейка "Introduction to the Songs of Experience" (Введение в Песни опыта) (ок. 1794):

Hear the voice of the Bard!
Who Present, Past, & Future sees
Whose ears have heard,
The Holy Word,
That walk'd among the ancient trees. <...>

<...> O Earth O Earth return!

Arise from out the dewy grass;

Night is worn,

And the morn

Rises from the slumberous mass. <...> [Blake, 2004, p. 117].

Слушай голос Барда! Бард видит Настоящее, Прошлое и Будущее. Его уши слышали Святое слово, Которое гуляло среди древних деревьев. <...>

<...> О, Земля! О, Земля, вернись! Восстань от росистой травы. Ночь износилась, А утро Пробуждается ото сна. <...>

Формирование общего смысла стихотворения зависит от результатов анализа смыслового комплекса существительного *Bard (Бард)*. Базовое контекстное значение *бард* расширяется до значения *пророк*: *who Present, Past & Future sees (кто видит Настоящее, Прошлое и Будущее)*. Строка *O Earth O Earth return (О, Земля, Земля, возвратись)* является немаркированной квазицитатой из отрывка Книги пророка Иеремии, которая подтверждает расширение семантики существительного *Bard*:

29 O earth, earth, hear the word of the Lord! [Jeremiah 22:29].

29 О, земля, земля, земля! слушай слово Господне [Иеремия 22:29].

Смысловой комплекс ИТ единицы bard обогащается значением пророк, которому были явлены картины прошлого, настоящего и будущего. Другая ИТ единица — идиома Holy Word (Святое Слово), которая встречается в строках The Holy Word, that walk'd among the ancient trees (Святое Слово, которое прошло сквозь древние деревья), является аллюзивным сюжетом, отсылающим к книге Бытия:

8 Then the man and his wife *heard the sound of the LORD God as he was walking in the garden* in the cool of the day, and they hid from the LORD God among the trees of the garden [Genesis 3:8].

8 И услышали *голос Господа Бога, ходящего в раю* во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая [Бытие 3:8].

Отрывок that walk'd among the ancient tree ассоциируется с прогулкой среди деревьев в Эдемском саду: God was walking in the garden. Образ Holy Word также является аллюзией к Евангелию от Иоанна: «1 В начале было Слово» [от Иоанна 1:1]. Контекстное значение: Слово — Бог. В результате установленных интертекстуальных отношений анализируемой ИТ единицы Holy Word с библейскими текстами наблюдается интерконтекстуальный обмен: смысловой комплекс расширяется от значения слово до значения Бог (семантика существительного *trees* пятой строки базового ПТ У. Блейка расширяется синтагматически — от значения деревья до значения Эдемский сад, рай). В творчестве У. Блейка говорится о двух качествах Бога: в сборнике стихов "Songs of Innocence" (Песни Невинности) Бог предстает заботящимся отцом, в сборнике "Songs of Experience" (Песни Опыта) Богу приписываются качества отца-деспота. А. Острайкер, исследователь творчества У. Блейка, пишет: "Unlike the tender God of *Innocence*, the God of Experience is the repressive father-figure of institutional religion" (в отличие от Бога-няни из Невинности, Бог из Опыта — фигура репрессивного отца организованной религии) [Blake, 2004, р. 885]. Таким образом, смысловой комплекс ИТ единицы *Holy Word* можно выразить схемой: слово – Бог – Бог-любовь – Богсвойственной деспот. В представленной семантической парадигме, анализируемой ИТ комплексу смысловому единицы, реализуется лингвосинергетический нелинейности — непоследовательное признак ИТ развертывание посредством плана содержания единицы интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений с адресными текстами и феноменами культуры.

На основе трех рассмотренных лингвосинергетических признаков (незамкнутости, неустойчивости, нелинейности) возможно говорить о динамике смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте. Отличие данных признаков состоит в том, что они характеризуют один и тот же процесс с трех разных сторон, выступают в роли трех дополняющих друг друга

качеств, совокупность которых актуализирует синергию и приводит к семантической самоорганизации системы поэтического текста. Незамкнутость демонстрирует открытость ИТ единицы к адресным текстам. Неустойчивость являет необходимость осмысления и анализа поэтического текста реципиентом с позиций интертекстуальности. ИТ единица стремится к формированию смыслового комплекса, расширению контекстных значений от сверхновых через интерконтекстуальные словарных ДО несловарных, отношения с единицами адресных текстов. Нелинейность обеспечивает процесс интертекстуального взаимодействия единиц поэтических текстов, их интерконтекстуальный обмен. Совокупность признаков «трех не» приводит к полиинтерпретативности поэтического текста как лингвосинергетической системы.

3.1.4. Признак иерархичности

Основу структурной иерархии составляют отношения высших и низших уровней системы. В. Г. Буданов выделяет три основных иерархических уровня: микроуровень, макроуровень и мегауровень. При рассмотрении этих уровней ученый оперирует понятием параметра порядка, который регулирует иерархию уровней. Параметры порядка мегауровня преобразуют организацию макроуровня, параметры которого, в свою очередь, регулируют микроуровень [Буданов, 2007]. Рассмотрим ПТ с точки зрения иерархического принципа, предложенного В. Г. Будановым.

Под параметром порядка ПТ, задающим язык макроуровня, следует понимать авторский замысел (уже — вариант общего смыслового комплекса ПТ, предложенный читателем и, следовательно, приближенный к авторскому замыслу). Макроуровень представляет знаковое и смысловое выражение текста. Параметры микроуровня — ИТ единицы, которые служат «строительным материалом» для макроуровня (замысла автора). Мегауровень ассоциируется с семантической нелинейностью ПТ И его единиц,

выражающейся через интертекстуальные и интерконтекстуальные взаимодействия рассматриваемого ПТ с адресными текстами. Структура ПТ представляется схемой «микроуровень – макроуровень – мегауровень» [Сергодеев, 2016].

Смысловой комплекс ИТ единицы также можно рассмотреть в зеркале предложенной парадигмы:

- 1) микроуровень: значение ИТ единицы в базовом контексте;
- 2) мегауровень: значения ИТ единицы в контекстах адресных текстов;
- 3) макроуровень: синтез контекстных значений ИТ единицы.

Микроуровень смыслового комплекса представлен контекстным значением ИТ единицы в базовом поэтическом тексте. ИТ единица несет информацию сразу обо всех адресных текстах, реминисценции к которым содержатся в ней. При анализе ИТ единицы базового ПТ, связанной межтекстовыми отношениями с единицами адресных произведений, семантика базовой ИТ единицы будет расширяться, заимствуя контекстные значения единиц адресных поэтических текстов. В этом случае между связанными ИТ единицами базового и адресных текстов осуществляется обмен значениями, смыслами и контекстами, которые до этого не были свойственны каждой из них в отдельности. Таким образом, рассматриваемая ИТ единица текстового фрагмента одного поэтического текста (микроуровень) вступает в интертекстуальные и интерконтекстуальные связи с ИТ единицей другого произведения или с группой ИТ единиц текстовых фрагментов различных произведений (мегауровень). Результат обмена смыслами и контекстами приводит к семантической самоорганизации, становлению смыслового комплекса как анализируемой ИТ единицы, так и всего поэтического текста (макроуровень). Отношения микро-, мега- и макроуровня выражается в признаке иерархичности смыслового комплекса ИТ единиц.

Рассмотрим фрагмент из стихотворения Л. Ферлингетти "I am waiting" (Я жду) (1958):

<...> I am waiting for the Second Coming and I am waiting for a religious revival to sweep thru the state of Arizona and I am waiting for the Grapes of Wrath to be stored and I am waiting for them to prove that God is really American [Ferkinghetti, Electronic resource].

<...> Я жду второго пришествия и я жду религиозного возрождения чтобы пролететь над штатом Аризоны и я жду Гроздья Гнева и я жду что они докажут Бог — Американец.

В контексте представленного ПТ выделенная метафора *the Grapes of Wrath (гроздья гнева)* является немаркированной цитатой, отсылающей к одноименному роману Дж. Стейнбека (1939). Заголовок романа, в свою очередь, является аллюзивным сюжетом, ассоциируемым с Откровением Иоанна Богосолова:

- <...> So the angel swung his sickle to the earth and gathered the clusters from the vine of the earth, and threw them into the great wine press of the wrath of God [Revelation 14:19].
- <...> И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия <...> [Откровение 14:19].

Из представленного библейского фрагмента видно, что под the wrath of God (гнев Божий) понимается восстановление справедливости, наказание за зло, творимое в мире. Оригинал и перевод данного отрывка на русский язык отличаются. В английском варианте встречаем словосочетание wine press (виноградный npecc), русском — точило. В Анализируя заглавие Дж. Стейнбека, можно сделать вывод, что существительные vine (виноград) и wine press (очищение, в христианском понимании вино—кровь Бога) автору романа метафорическим прототекста послужили сравнением, существительное grapes преобразовавшимся В (гроздья). романе присутствует масса различных аллюзий к библейским текстам (параллели

проводятся между Конни, мужем Розы Сарона, и Иудой, Калифорнией и Палестиной — землей обетованной, дедушкой Тома Джоуда и женой Лота и пр.), поэтому можно проследить прямую связь заглавия с указанными строками Откровения.

Одновременно с тем, что заглавие романа "The Grapes of Wrath" выступает в роли аллюзивного библейского сюжета, оно является немаркированной цитатой из песни Джулии Хау "The Battle Hymn of The Republic" (Боевой республиканский гимн) (1861):

Mine eyes have seen the glory of the coming of the Lord; He is trampling out the vintage where *the grapes of wrath* are stored; He hath loosed the fateful lightning of His terrible swift sword; His truth is marching on [Howe, Electronic resource].

Я увидел, как во славе сам Господь явился нам, Как Он мощною стопою *гроздья гнева* разметал, Как Он молнией ужасной обнажил меча металл. Он правды держит шаг [История пропаганды, Электронный ресурс].

Данная американская патриотическая песня времен Гражданской войны была задумана Джулией Хау как символ победы над злом. Указанная строфа является аллюзивным сюжетом, отсылающим к библейскому Откровению.

Тематика трех рассмотренных текстовых фрагментов ("The Grapes of Wrath", "The Battle Hymn of The Republic" и "Book of Revelation") находит отклик не только в представленной выше цитате the Grapes of Wrath, встречающейся в базовом фрагменте стихотворения Л. Ферлингетти "I am waiting", но и в других фрагментах ПТ: религиозные мотивы — the Second Coming (второе пришествие) и religious revival (религиозное возрождение), смешанные с социальными проблемами (разобранная выше аллюзия the Grapes of Wrath), и даже с темой национализма — God is really American (Бог настоящий Американец). Тематическая близость делает базовый ПТ семантически зависимым от выделенных прототекстов. Именно в этом

заключается иерархичность смыслового комплекса анализируемых единиц, а также ПТ в целом. Идентичные ИТ единицы разных текстов сообщают друг другу свои контекстные значения, в результате чего наблюдается расширение смыслового комплекса каждой из них (строго говоря, возрастает количество вариантов интерпретации анализируемой текстовой единицы или, другими словами, актуализируется ее семантическая нелинейность).

В качестве другого примера иерархичности смыслового комплекса ИТ единиц рассмотрим отрывок стихотворения У. Блейка "The Tyger" (Тигр) (1794):

Tyger! Tyger! Burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry? [Blake, 2004, p. 125].

Тигр! Тигр, горящий ярко В лесах ночи. Чья бессмертная рука или глаз Смогла создать твою пугающую симметрию?

Прежде чем приступить к анализу данного отрывка, необходимо обратиться к творчеству У. Блейка, а именно — к факту о том, что ПТ "The Tyger" из цикла "Songs of Experience" (Песни опыта) (1794) идейно противоположен ПТ "Lamb" (Агнец) из цикла "Songs of Innocence" (Песни невинности) (1789). Здесь встречается разграничение понятия Бога в творческом наследии У. Блейка: "Urisen" или Уризен — Бог-тиран, Богтворец, использующий ужасного тигра как инструмент своего гнева; Христос — Бог-любовь, благословляющий ягненка. Таким образом, тигр У. Блейка изначально является отрицательным, негативным поэтическим образом. Этот вывод подкрепляет выделенное словосочетание the forests of the night (леса ночи), являющееся аллюзией к "Divine Comedi. Inferno"

(Божественная комедия. Ад) (1308–1321) Д. Алигьери и пьесе "Comus" (Комус) (1634) Дж. Мильтона.

When half way through the journey of our life I found that I was in *a gloomy wood*, because the path which led aright was lost [Inferno I, Electronic resource].

Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился *в сумрачном лесу,* Утратив правый путь во тьме долины [Лозинский, Электронный ресурс].

Отсылка к Д. Алигьери со стороны У. Блейка кажется весьма логичной, т. к. он оценивал творения итальянского поэта настолько высоко, что даже собственноручно проиллюстрировал «Божественную комедию» [William Blake's illustrations to Dante's Divine Comedy, Electronic resource]. М. Л. Лозинский, исследователь творчества и переводчик Данте, в комментариях к «Божественной комедии» пишет: «Я очутился в сумрачном лесу... — в темных дебрях грехов и заблуждений <...>» [Лозинский, 2017, с. 307]. Подобную идею высказывает сам Данте в четвертой главе трактата «Пир» (1306): «порочный лес этой жизни» [Алигьери, Электронный ресурс]. образом, Таким контекстное рассматриваемого значение отрывка «Божественной комедии» сообщается базовой ИТ единице forests of the night ПТ "The Tyger". В результате ночной лес становится образом человеческих страстей.

Рассмотрим отрывок пьесы "Comus" Дж. Мильтона:

<...>And new-entrusted Scepter, but their way
Lies through the perplex't paths of *this drear Wood*,
The nodding horror of whose shady brows
Threats the forlorn and wand'ring Passinger [Milton, Electronic resource].

<...>Пусть делят с ним теперь ее. Но ехать Должны они сквозь этот дикий лес, Чей сумрак трепет в путника вселяет, И послан я Юпитером сюда <...> [Корнеев, Электронный ресурс].

По сюжету пьесы drear Wood (ужасный лес) является местом, где леди (сестра двух братьев) встречает Комоса (бога пиршеств, сына Диониса; греч. миф.), который желает погубить ее. Учитывая тот факт, что Д. Алигьери и Дж. Мильтон являлись любимыми поэтами У. Блейка, нельзя считать аллюзивную отсылку к этим двум произведениям случайностью. Принимая во внимание схожие контексты прототекстов Данте и Дж. Мильтона (в обоих произведениях путник/путники идут через страшный лес, сравниваемый с человеческими страстями), а также их контекстно-смысловое влияние на базовую ИТ единицу forest of the night, приходим к следующему выводу. Интерконтекстуальные отношения ИТ единиц forests of the night У. Блейка, gloomy wood Д. Алигьери и drear Wood Дж. Мильтона преобразуют смысловой комплекс существительного tyger (тигр), в результате чего наблюдается парадоксальный семантический дуализм. С одной стороны, автор ПТ "The Tyger" любуется его мрачной красотой, пытается понять, кто его создатель, с другой — не может смириться с мыслью, что создатель ужасного тигра (образа гнева, жгущих человеческих страстей) и ягненка (образа любви: Did he who made the Lamb make thee? / Тот же ль Он тебя создал, Кто рожденье $aгниу \, \partial a n?)$ — один и тот же.

Таким образом, признак иерархичности помогает проследить динамику смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте. Интертекстуальные отношения связывают единицу анализа с единицами адресных текстов, что приводит к их интерконтекстуальному взаимодействию. Иерархичность выражается в многоэтапности интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений: словосочетания Д. Алигьери gloomy wood и Дж. Мильтона drear wood (микроуровень) сообщают свои контексты и смыслы ИТ единице У. Блейка forests of the night (мегауровень), в результате чего смысловой комплекс последней преобразуется (макроуровень): лес — человеческие страсти — неопределенность в жизни.

Последним рассматриваемым в работе лингвосинергетическим признаком выступает эмерджентность, основывающаяся на рассмотренных выше особенностях иерархических уровней.

3.1.5. Признак эмерджентности

Описывая эмерджентность (ot англ. emergent — 'неожиданно возникающий') в терминах лингвосинергетики, можно сказать, что при межтекстовом взаимодействии произведений смысловой макроуровень базового поэтического текста (авторский замысел) растворяется микроуровне (ИТ единицах), после чего происходит контакт мега- и микроуровней (интертекстуальное взаимодействие). В результате возникает качественно новый макроуровень. Другими словами, авторский замысел поэтического текста временно растворяется в ИТ единицах, после чего наблюдается прямое взаимодействие рассматриваемых ИТ единиц с адресными текстами, которое приводит к рождению качественно нового авторского замысла. Таким образом, можно говорить о реализации синергии, о возникновении новых текстовых свойств — смыслов, которые не присущи отдельным иерархическим уровням системы, а проявляются только при их совместном интертекстуальном и интерконтекстуальном функционировании.

Рассмотрим признак эмерджентности смыслового комплекса ИТ единицы на примере фрагмента из стихотворения М. Энджелоу "The Detached" (Беспристрастный):

We die,
Welcoming *Bluebeards* to our darkening closets,
Stranglers to our outstretched necks,
Stranglers, who neither care nor
care to know that
DEATH IS INTERNAL [Angelou, Electronic resourse].

Мы умираем, Приветствуя *Синих бород* в наших темнеющих шкафах, Душителей на наших протянутых шеях, Душителей, которых Не волнует, что СМЕРТЬ — ВЕЧНА.

выделенной лексемы Bluebeards (Синие бороды) Семантика имплицитна: связность ПТ нарушается, поскольку из контекста не ясно, как соотносятся Синие бороды с остальными элементами произведения. Факт того, что обсуждаемая лексема написана автором с прописной буквы, а также широкая известность образа Синей бороды в мировой литературе и культуре (фоновые знания читателя) дают основания полагать, что Bluebeards маркированная ИТ единица, аллюзивный антропоним, отсылающий к французской сказки Ш. Перро «Синяя борода». повествует о коварном муже, убивающем своих жен за «неповиновение». ИТ единица *Bluebeards* имеет форму множественного числа, что делает ее образом нарицательным, описывающим роль людей, морально угнетающих и подавляющих своих партнеров в профессиональных, общественных и личных отношениях. В третьей и четвертой строках представленной строфы ПТ "The Detached" угнетение, лишение свободы и даже жизни усилено ярким полиинтерпретативным образом stranglers (душители). Жертвы, не понимая истинной природы «душителей», охотно поддаются их влиянию: welcoming stranglers to our outstretched necks (приветствуем душителей на наших протянутых шеях).

На примере рассмотренного отрывка можно говорить об эмерджентности смыслового комплекса ИТ единицы *Bluerbeards*. Данная лексема при прочтении анализируемого текстового фрагмента имеет прямое базовое значение — синие бороды. В результате интертекстуальной связи с идентичной ей единицей сказки Ш. Перро «Синяя борода» семантика лексемы *Bluerbeards* расширяется. Макроуровень, ассоциирующийся с авторским замыслом (в данном случае — с имеющимся базовым контекстным значением), растворяется в микроуровне (интертекстуальном включении,

именем). Таким образом, микроуровень выраженном аллюзивным контактирует с мегауровнем, включающим контексты и смыслы других феноменов. В произведений ИЛИ культурных результате через интерконтекстуальное взаимодействие макроуровень приобретает новое качество, выраженное в дополнительных контекстных значениях. *Bluebeads* подавляющие личности, то есть люди, морально угнетающие своих партнеров в профессиональных, общественных и личных отношениях.

В качестве другого примера эмерджентности рассмотрим отрывок из стихотворения "Adam's Prayer" (Молитва Адама) (2007) канадского поэта А. Джерниган:

Poem and plowman cleave the dark.

One can't eat art. But *dust is art*, *and unto dust shall I return*.

O let my song become my work [Jernigan, Electronic resource].

Стихотворение и пахарь рассекают тьму. Искусство нельзя съесть. *Но искусство* — *прах, И в прах я возвращусь.* О, пусть моя песнь станет моей работой.

Выделенная метафора *But dust is art, and unto dust shall I return (но искусство — прах, и в прах я возвращусь)* является единицей интекстуальности — квазицитацией, отсылающей к третьей главе Книги Бытия:

<...> for dust thou art and to dust you will return [Genesis 3:19].

<...> ибо прах ты и в прах возвратишься [Бытие 3:19].

Базовое значение анализируемого существительного *dust* (*пыль*) — прах, смертность, конечность существования; искусство сравнивается с прахом, как зачастую малооправданный (с точки зрения

дохода) вид деятельности — one can't eat art (искусство нельзя съесть). С другой стороны, автор говорит о том, что чем бы человек ни занимался, его ждет смерть: Poem and plowman cleave the dark (Стихотворение и пахарь При интертекстуальном взаимодействии рассекают mьмy). dust существительным библейского существительного указанным прототекста наблюдается динамика смыслового комплекса: в метатексте А. Джерниган меняется смысловая полярность. В прототексте человек метафорически сравнивается с прахом: for dust you are and to dust you will return (ибо прах ты и в прах возвратишься). В анализируемом метатексте встречаем квазицитацию библейского сюжета: искусство (в данном случае — поэзия) — прах, но память о человеке остается после его смерти в творениях, стихах еtc. Таким образом, А. Джерниган, не взирая на частую непрактичность и убыточность искусства, хочет, чтобы поэзия стала ее работой, поскольку это все, что останется в конечном итоге: O let my song become my work (О, пусть моя песнь станет моей работой).

Также прослеживается аллитерационная игра устаревшей формы наречия *уои (ты)* и глагола *are (быть, являться) thou art (ты есть)* библейского прототекста и современного существительного *art (искусство)* стихотворения А. Джерниган.

Суть эмерджентности заключается в синергии — усиливающем эффекте взаимодействия двух или более факторов, при котором совместное действие этих факторов существенно превосходит простую сумму действий каждого из них. Основываясь на иерархических системных уровнях (микро-, мега-, макроуровень), можно проследить прямой контакт микро- и макроуровня. Данный контакт актуализирует динамику смыслового комплекса рассматриваемой ИТ единицы, в результате чего реализуется семантическая самоорганизация стихотворения и его элементов. Описанный процесс базируется на интертекстуальной природе языка, речи и текста. Фраза *But dust is art, and unto dust shall I return* метатекста А. Джерниган вступает в

интерконтекстуальные отношения с похожим отрывком из библейского прототекста. В результате наблюдается изменение, преобразование и даже смена полярности значений анализируемой ИТ единицы: прах, смерть становится поэзией, делающей автора бессмертным.

Таким образом, смысловой комплекс ИТ единиц носит системный характер, отражающийся в лингвосинергетических признаках незамкнутости, нелинейности, неустойчивости, иерархичности и эмерджентности. Синтезируя рассмотренные в этой главе аспекты исследования с признаками поэтического текста, типологией ИТ единиц и, наконец, интертекстуальным и интерконтекстуальным видами отношений, мы подходим к разработке концепции текстовой гиперсферы как модели межтекстовых связей.

3.2. Концепция гиперсферы. Теоретическая модель межтекстового взаимодействия

Представим поэтический текст как языковую кодовую систему, способную передавать информацию от адресанта к адресату. Последний занимает активную позицию в процессе интерпретации произведения, становясь при этом не просто читателем, но и соавтором/сотворцом текстовых смыслов. Процесс обмена информацией происходит, по Ю. М. Лотману, в некотором пространстве, обеспечивающем открытость ΠT . Такое ученый называет семиотическим пространство пространством, или семиосферой [Лотман, 2000].

Поэтический текст является единицей семиосферы и структурно подобен ей. С этой точки зрения можно характеризовать оппозицией цельность/асимметричность как отдельно взятый поэтический текст, так и совокупность всех имеющихся в семиосфере текстов, выделенных по наличию общих интертекстуальных связей. Парадокс взаимной обусловленности и сосуществования цельности и асимметрии подкрепляется текстовыми

признаками неаддитивности, связности, завершенности и интерпретативности поэтического текста, на основе которых выявляется отсутствие взаимно однозначных смысловых соответствий текстовых единиц. В этом случае поэтический текст как единица семиосферы играет роль генератора новых смыслов.

Основываясь на концепции семиосферы Ю. М. Лотмана, введем понятие текстовой гиперсферы — собрания всех существующих текстов, множества, элементы которого (художественные, поэтические, научные и прочие тексты) взаимосвязаны между собой интертекстуально. Концепция текстовой гиперсферы помогает проследить и описать взаимодействие ИТ единиц, находящихся в поэтическом тексте, а также исследовать процесс их контекстно-смыслового обмена.

Для удобства восприятия изобразим гиперсферу в трехмерном пространстве в виде неориентированных графов — абстрактных объектов, представляющих собой множество узлов (вершин), нелинейно соединенных набором дуг (ребер). За узел принимается ИТ единица, а за дугу — интертекстуальные связи между узлами.

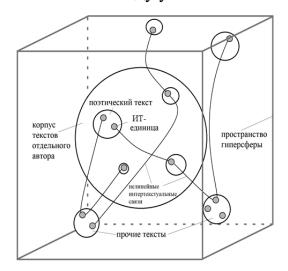

Рис. 2. Текстовая гиперсфера

На рис. 2 представлена большая сфера — корпус текстов отдельного анализируемого автора, включающий в себя не только произведения,

биографические, исторические, написанные НО также им, культурологические данные, связанные с этим автором. Пространство гиперсферы состоит из множества текстовых корпусов разных авторов. В широком смысле оно включает в себя все существующие тексты. Меньшие сферы, находящиеся внутри большей, являются отдельными текстами рассматриваемого автора. Сферы, расположенные вне большей сферы, принадлежат текстовому корпусу другого автора. В меньших сферах (текстах) выделяются ИТ единицы. Данные единицы вступают в интерконтекстуальные отношения с идентичными или подобными им единицами адресных текстов через межтекстовые связи (авто-, ин-, пара- и архитекстуальность). Такие связи являются неориентированными и нелинейными. Они соединяют два или более текста между собой, в результате чего происходит контекстносмысловой

Выше было отмечено, что элементы текстовой гиперсферы взаимодействуют друг с другом через интертекстуальные включения, благодаря чему реализуется процесс семантической самоорганизации этих элементов. Основа данного процесса лежит в обмене контекстными значениями между ИТ единицами.

Рассмотрим межтекстовое взаимодействие в рамках гиперсферы на примере отрывка стихотворения американского поэта Э. Дикинсон "All overgrown by cunning moss" (Все поросло лукавым мхом):

All overgrown by cunning moss,
All interspersed with weed,
The little cage of "Currer Bell"
In quiet "Haworth" laid [Dickinson, 1960, p. 70].

Все поросло лукавым мхом, Все смешалось с сорняком. Маленькая клетка Каррер Бэлл Тихо лежала в Хоэрте.

В представленной строфе присутствуют две прямые выраженные антропонимом Currer Bell (Каррер Бэлл) и аллюзивной реалией Haworth (Хоэрт). Обе аллюзии указывают на английского поэта и романиста Ш. Бронте. Currer Bell является ее творческим псевдонимом, а Haworth Уэст-Йоркшир) — местом (английская деревня графства смерти. Рассматриваемые ИТ единицы стихотворения Э. Дикинсон вступают в межтекстовую связь идентичными единицами корпуса текстового Ш. Бронте, в результате чего под влиянием контекстных значений единиц адресных текстов прослеживается динамика смысла анализируемого отрывка: Currer Bell становится Ш. Бронте, the little cage (маленькая клетка) преобразуется в склеп Церкви Св. Михаила, где была похоронена Ш. Бронте, а деревня *Haworth* ассоциируется с местом расположения этого склепа.

Другим примером функционирования ИТ единиц внутри гиперсферы служит стихотворение М. Л. Эммет "Firebird" (Огненная птица).

Nothing prepares us for brilliant entrance of creature of fantasy or object of enchantment

Useless to resist its allure always takes unawares

Drawn to its fiery nature is instantly smitten inflames

Irresistibly souls taken to pyre heart reduces to ashes:

Hence *Icarus fate* and *the tale of Phoenix* [Emmett, Electronic resource].

Ничто не подготовит нас к блистательному приходу фантастического существа или объекта очарования

Бесполезно сопротивляться — его шарм всегда застает врасплох.

Его огненная сущность постоянно порождает пламя

Непреодолимо души попадают в погребальный костер сердце обращается в пепел:

Такова *судьба Икара* и *миф о Фениксе*.

В рамках данного произведения мы встречаем аллюзивные имена собственные в составе словосочетаний Icarus fate (судьба Икара) и the tale of Phoenix (миф о фениксе). Согласно греческой мифологии, Икар был узником царя Миноса на острове Крит, который утонул во время побега (солнце растопило воск крыльев Икара во время полета, и он упал в воду недалеко от острова Самос). Феникс является мифологической птицей (также упоминается у Геродота, Лактанция, Овидия, Нонна Панополитанского, Клавдиана, Гая Юлия Солина), обладающей способностью сжигать себя и затем возрождаться из пепла. Таким образом, М. Л. Эммет связывает появление creature of fantasy (фантастического существа), очаровывающего человека, сжигающего его душу и превращающего сердце в пепел (строки irresistibly / souls taken to pyre / heart reduces / to ashes), с порывом, внутренней свободой, которую невозможно отнять у человека. В качестве иллюстрации автор приводит аллюзивный сюжет, отсылающий реципиента к горящему Икару, летящему к Солнцу, чтобы духовно переродиться, подобно фениксу.

Рассмотрим другой пример, а именно — ПТ "Blood and the Moon" (Кровь и луна) У. Б. Йейтса.

BLESSED be this place,

More blessed still this tower;

A bloody, arrogant power

Rose out of the race

Uttering, mastering it,

Rose like these walls from these

Storm-beaten cottages —

In mockery I have set

A powerful emblem up,

And sing it rhyme upon rhyme

In mockery of a time <...>

[Yeats, 2008, p. 200].

Благословенно это место,

Благословенна эта башня;

Кровавая, высокомерная власть

Выросла из этого народа,

Определяя и подчиняя его,

Выросла как стены этих

Штормовых домов —

В насмешку воздвиг

Я этот символ власти,

И складывал рифму за рифмой

В насмешку времени <...>.

По мнению Дж. С. О'лири, образ *tower (башня)*, представленный во второй строке ПТ, является многоаспектным символом, строящимся на идее

власти [O'leary, Electronic resource]: "arrogant power rose out" (высокомерная власть выросла из) и "I have set a powerful emblem ир" (воздвиг я этот символ власти). Идея власти, вернее — «воля к власти» (далее — В. к В.), была разработана немецким философом Ф. Ницше и изложена в сборнике заметок с одноименным названием "Der Wille zur Macht" (Воля к власти) [Ницше, 2005]. Основываясь на идее В. к В., философ намеревался разработать принцип, который стал бы систематизацией всех его трудов и объяснил бы все происходящее в мире. Четкого определения В. к В. Ф. Ницше не приводит, поэтому вопрос интерпретации данного принципа остается открытым. Определим В. к В. вслед за французским философом Ж. Делёзом, по мнению которого суть понятия сводится к фразе: «творить и отдавать, утверждая; а не забирать, отрицая» [Постмодернизм, Электронный ресурс]. Таким образом, одной из интерпретаций образа tower У. Б. Йейтса может быть олицетворение самого поэта, совокупности его взглядов и творческой потенции как воли к власти.

Образ tower является самоаллюзией к стихотворению "A Dialogue of Self and Soul" (Диалог себя и души), в котором У. Б. Йейтс рассматривает проблему противостояния христианской морали и человеческих желаний. Образ tower в этом адресном поэтическом тексте выражен не через власть, а через концепцию вечного возвращения Ф. Ницше: "I am content to live it all again and yet again (Я согласен проживать это все снова и снова)" [Yeats, The Dialogue of Self and Soul, Electronic resource]. Концепция вечного возвращения отвергает идею души и сводится к тому, что «время в его бесконечном течении, в определенные периоды, должно с неизбежностью повторять одинаковое положение вещей» (цит. по: [Можейко, 2002, с. 171]). В конце жизни Ф. Ницше утверждал, что к вечному возвращению относится и сама жизнь, которая, по его мнению, будет повторяться бесконечное количество раз. У. Б. Йейтс, вслед за Ф. Ницше, вместо платонической традиции

бессмертия души принимает идею собственного «я», которую вербализирует в образе tower.

Следует отметить, что существительное *tower* также является архитекстуальной аллюзией к общеизвестному культурологическому образу башни: вавилонская башня, башня из слоновой кости etc.

Таким образом, динамика смыслового комплекса ИТ единиц сводится к следующей схеме: ИТ единица вступает в диалог с идентичной или подобной ей единицей адресных текстов, в результате чего наблюдается семантическое взаимовлияние, обмен контекстами и смыслами между этими единицами. Процесс межтекстового притяжения протекает по интертекстуальному виду связи, а способность рассматриваемой единицы генерировать новые смыслы через интерконтекстуальный вид связи. Обнаруженные контекстные значения идентичных ИТ единиц в базовом и адресном текстах наслаиваются друг на друга в процессе межтекстового диалога (некоторые из Bellобраз Currer В Э. Дикинсон примеров: поэтическом тексте трансформируется в образ Ш. Бронте; аллюзивный сюжет М. Л. Эммет сравнивает Икара с фениксом, а его внутреннюю свободу с перерождением мифической птицы; образ tower У. Б. Йейтса отсылает читателя к философии Ф. Ницше), актуализируя тем самым текстовый признак многосмысленности. Уточним понятия: *многозначность* — потенциальная возможность текстовой единицы иметь несколько значений, только одно из которых может быть реализовано в заданном контексте; многосмысленность — потенциальная возможность текстовой единицы иметь несколько значений (в том числе несловарных), несколько или все из которых могут быть реализованы в заданном контексте.

Представим процесс интертекстуального взаимодействия графом, узлы которого являются ИТ единицами, а ребра — интертекстуальными связями между ними. Для разграничения контекстных значений ИТ единицы будем

обозначать их десятичными разделителями. Тогда $\text{ИТ}_1 \in \Pi \text{T}_1$; (ИТ единица 1 принадлежит поэтическому тексту 1); $\text{ИТ}_{1,1} \in \Pi \text{T}_2$; $\text{ИТ}_{1,3} \in \Pi \text{T}_3$; $\text{ИТ}_{1,n} \in \Pi \text{T}_n$.

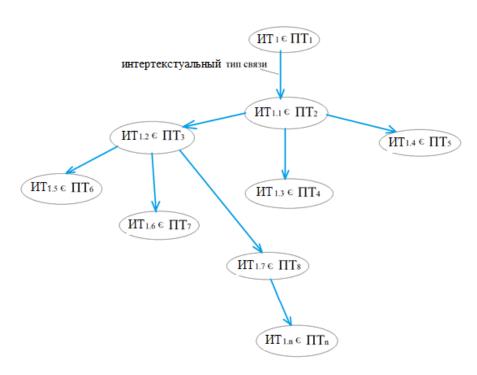

Рис. 3. Схема интертекстуальных отношений единиц поэтического текста

Процесс интертекстуальных отношений направлен от реципиента к тексту. Реципиент, опираясь на свои фоновые знания или внешние источники информации, связывает между собой тексты одного или разных авторов через выполняемую интертекстуальностью метатекстовую функцию. Когда реципиент определил все возможные для себя адресные тексты, он изучает контекстные значения анализируемой ИТ единицы в каждом из заданных текстов. В результате актуализируется интерконтекстуальный вид отношений, который передает контекстные значения от текста к реципиенту.

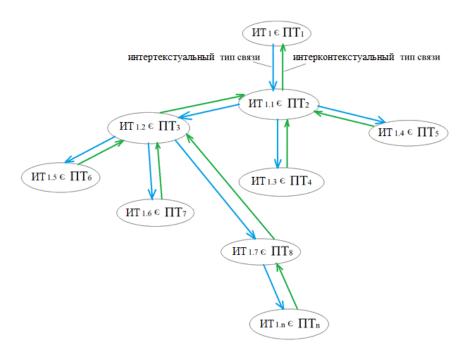

Рис. 4. Схема интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений единиц поэтического текста

Представленная рис. 4 схема интертекстуальных на И интерконтекстуальных отношений демонстрирует семиотические связи, направленные от реципиента к тексту и от текста к реципиенту. Благодаря (интертекстуальность) смыслообразующей метатекстовой И функциям интерконтекстуальности реципиент способен становится понимать MT_1 рассматриваемую многоаспектно, поскольку ОН оперирует интерконтекстом, то есть одновременно всеми контекстными значениями ИТ₁, установленными в рамках базового и адресных текстов. Таким образом, смысловой комплекс ИТ₁, оставаясь в контексте базового ПТ₁, может быть представлен последовательностью контекстных значений в диапазоне от ИТ1 до ИТ_{1.n}.

Связывая текстоведческие понятия многозначности и многосмысленности с межтекстовыми видами отношений, отметим, что многозначности соответствует интертекстуальность, а многосмысленности — интерконтекстуальность. Система поэтического текста вмещает в себя смысловой комплекс ИТ единиц, генерирующийся

благодаря наслоению контекстных значений. Этот процесс происходит вне зависимости от автора или читателя. При осмыслении содержания поэтического текста или его анализа реципиент способен уловить только ту часть общего смыслового комплекса ИТ единицы, которая доступна для его понимания в данный момент времени. Рассматривая смысловое становление с позиций гиперсферы, сравним процесс и результат интерпретации с отрезком конечной длины от 0 до 1, на котором отмечены точки — смыслы текстовой единицы. Точка 1 в данном случае является абсолютным смыслом, точка 0 — нулевым смыслом. Какой бы актуальный для себя вариант или варианты смысла ни избрал реципиент при анализе текстовой единицы, данный смысл или их сумма не будут равняться 1.

Идея межтекстовых отношений поэтического текста в рамках гиперсферы представляется перспективной концепцией, которая способна помочь глубже проникнуть в строение и организацию смыслового комплекса ИТ единиц. Специфика поэтического текста как практического материала выражается в его неаддитивности, отсутствии «случайных» слов в составе произведения, которые могли бы быть заменены, например, синонимами, а также невозможности пересказа стихотворения. Совокупность этих и других качеств поэтического текста, рассмотренных в этой и предыдущих главах крайней исследования, свидетельствует степени напряженности стихотворных текстов и гармоничном строе их идейно-образного, лексикостилистического и фонического уровней. Поэтический текст представляется знаковой системой, которая выражает неизмеримо большой информации (автобиографической, исторической, культурологической, этикоэстетической etc.) в сравнительно малой форме (в рамках настоящего исследования — от четырех строк).

Напряженность поэтического текста как эстетически обусловленная прагматичность, концептуальность и образность стихотворения выступает важнейшим критерием выбора поэтических текстов в качестве практического

материала. Благодаря напряженности стихотворных текстов и их малому объему удается выявлять фрагменты, содержащие ИТ единицы как в известных творениях поэтов, так и в неисследованных ранее произведениях. способствует высокой Напряженность поэтического текста его полиинтерпретативности, формирующейся благодаря В TOM числе интертекстуальности. Парадигма лингвосинергетических признаков смыслового комплекса ИТ единиц подтверждает тезис об интегративности качеств и свойств поэтических текстов [Болотнова, 2009], демонстрирует их системное функционирование (на примере концепции гиперсферы), которое приводит к семантической самоорганизации стихотворения.

Выводы

В главе выделены и рассмотрены основные признаки смыслового комплекса интертекстуальных единиц с позиции лингвосинергетики: незамкнутость, нелинейность, неустойчивость, иерархичность, эмерджентность⁶. В лингвистике указанный комплекс признаков исследовался в трудах В. Н. Базылева, И. А. Герман, Н. А. Кузьминой Л. В. Кушниной, И. Ю. Моисеевой, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкиной, Н. С. Олизько и др. Мы переосмысляем данные признаки в соответствии с объектом и предметом диссертационного исследования, а также функциональной направленностью межтекстовых отношений.

Признак незамкнутости смыслового комплекса интертекстуальной единицы предполагает взаимодействие с адресными текстами. Благодаря данному признаку реализуются интертекстуальный и интерконтекстуальный виды взаимодействия поэтических текстов.

Признак нелинейности смыслового комплекса интертекстуальных единиц выражается в фактической множественности вариантов

_

⁶ Данные термины пришли в лингвосинергетику из общенаучной теории систем.

интерпретации, ни один из которых не нарушает связности рассматриваемого произведения. В результате смысловой комплекс интертекстуальной единицы наполняется словарными и несловарными значениями.

Признак неустойчивости смыслового комплекса интертекстуальной единицы — ее потенция иметь словарные и несловарные значения (совокупность которых составляет ее смысловой комплекс) в рамках одного контекста поэтического текста.

Смысловой комплекс интертекстуальной единицы рассмотрен в зеркале лингвосинергетической иерархической парадигмы:

- 1. Микроуровень: значение интертекстуальной единицы в базовом контексте.
- 2. Мегауровень: значения интертекстуальной единицы в контекстах адресных текстов.
- 3. Макроуровень: совокупность контекстных значений интертекстуальных единиц.

Интертекстуальная базового поэтического единица текста (микроуровень) вступает в межтекстовую связь с интертекстуальной единицей адресного произведения или произведений (мегауровень). Результат обмена смыслами и контекстами приводит к семантической самоорганизации, исследуемой становлению смыслового комплекса интертекстуальной единицы (макроуровень), а также всего поэтического текста, в котором она находится. Отношения микро-, мега- и макроуровня выражено в диссертации через признак иерархичности смыслового комплекса интертекстуальной единицы.

Признак эмерджентности обеспечивает становление «новых» аспектов семантики рассматриваемой интертекстуальной единицы. В ходе межтекстовых отношений поэтических текстов семантика интертекстуальной единицы базового произведения временно растворяется в ее контекстных значениях (микроуровень; микро- + мегауровень), синтез которых

обеспечивает возникновение качественно нового смыслового комплекса этой единицы. Таким образом реализуется лингвосинергия — возникновение новых смыслов и значений, которые не присущи отдельным иерархическим уровням системы, а проявляются только при их совместном функционировании.

Введено авторское понятие текстовой гиперсферы — собрания всех существующих текстов; множества, элементы которого (художественные, поэтические, научные и прочие тексты) связаны интертекстуально. Пространство гиперсферы состоит из множества текстовых корпусов разных авторов. В широком смысле оно включает в себя все существующие тексты. Ha особенности примере гиперсферы раскрыты отношений интертекстуальности и интерконтекстуальности с точки зрения выполняемых ими метатекстуальной и смыслообразующей функций.

Полипарадигмальное изучение природы смыслового комплекса интертекстуальных единиц, а также результаты анализа практического материала, представленные в настоящей главе, обосновывают и обогащают выдвинутую нами ранее концепцию межтекстовых отношений. Смысловой комплекс, таким образом, представляется иерархической структурой, которая обогащается определяемыми в ходе межтекстовых отношений контекстными значениями.

Лингвосинергетическое понимание особенностей смыслового комплекса интертекстуальной единицы дает возможность исследовать свойства и признаки этой единицы в новом свете. Так, комплекс признаков незамкнутость — нелинейность — неустойчивость позволяет рассмотреть отношения интертекстуальных единиц с позиций их графической и фонетической форм выражения. Этот же комплекс признаков обращает внимание на потенцию примеров общеупотребительной лексики являться реминисценциями в рамках корпуса отдельного поэта. Парадигма признаков

иерархичность — эмерджентность помогает формализовать и выявить закономерности семантической затененности единиц поэтического текста.

Результаты настоящей главы позволяют предложить свой вариант методологии интертекстуального анализа, который составляет основу разрабатываемой нами модели. Однако при проработке обширного практического материала мы сталкиваемся с известной методологической проблемой вычленения маркированных и немаркированных интертекстуальных единиц из поэтического текста.

ГЛАВА 4.

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА КОНТЕКСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

∐ель главы — описать методологию исследования комплекса интертекстуальных единиц. В главе рассматриваются виды интертекстуальных единиц. Формулируются свойства идентичности и подобия. Обсуждается понятие интертекстуального потенциала, а также общеупотребительной использования качестве случаи лексики В интертекстуальных единиц. Раскрывается суть феномена имплицитного контекста как инструмента полиинтерпретативности. Выделяются общие и специальные критерии вычленения немаркированных единиц интертекстуальности. Предлагается авторская модель анализа и синтеза интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.

4.1. Осмысление лингвистической природы интертекстуальной единицы. Особенности маркированных и немаркированных интертекстуальных единиц

Разработка и апробация авторской модели анализа и синтеза контекстных значений ИТ единиц в поэтическом тексте представляется одной из основных задач настоящего исследования. Модель строится на комплексном многокомпонентном анализе, включающем в себя рассмотренные теоретические особенности ИТ единицы и ее смыслового комплекса, а также на методологических основаниях, обсуждаемых в этой главе. Прежде всего сделаем шаг назад и осветим некоторые «новые» аспекты ИТ единиц в поэтическом тексте.

Разделим ИТ единицы вслед за Н. А. Фатеевой на два вида: маркированные и немаркированные. Под маркированными ИТ единицами понимаются графически выделенные (помеченные кавычками, написанные с прописной буквы, имеющие авторский комментарий или пометку и пр.) единицы, встречающиеся в рассматриваемом произведении.

Вычленить маркированные ИТ единицы из анализируемого текста не составляет труда. Рассмотрим фрагмент из ПТ Э. Паунда "Abu Salammamm — A Song of Empier" (Абу Салама — песнь империи):

Great is *King George the Fifth*, for he has chained me to *this fountain* <...> [Pond, Electronic resource].

Славься, *Король Георг Пятый*, За то, что приковал меня κ этому фонтану <...>.

Очевидно, что антропоним King George the Fifth (Король Георг Пятый) маркированной ИТ единицей — аллюзивным антропонимом, является который актуализирует культурологическую память читателя, отсылая его к текстам данной исторической личности. Георг Пятый — король Великобритании Соединенного Королевства Ирландии, И также Соединенного Королевства Великобритании И Северной Ирландии, правивший в период с 1910 по 1936 гг. ИТ единица King George the Fifth влияет на семантику второй строки. Так, указательное местоимение this (этот) в связке с существительным fountain (фонтан) приобретает контекстное значение 'фонтан Георга Пятого'. King George V Memorial Drinking Fountain (Питьевой фонтан памяти Георга Пятого) расположен в Конисбро, Южном Йоркшире, Англия; King George Memorial Fountain (Фонтан памяти Короля Георга) находится в Банжуле, столице Гамбии.

На примере контекстно-семантического обогащения рассмотренного существительного *fountain* можно говорить о метатекстовой функции ИТ единицы: антропоним *King George the Fifth* отсылает реципиента к текстам об исторической личности — короле Георге, в результате чего контекстное значение словосочетания этот фонтан под влиянием референта расширяется до *мемориальный фонтан Короля Георга* .

Маркированные ИТ единицы могут быть авторскими кодами, написанными с прописной буквы (например, образ Lamb (Агнец) У. Блейка, Immortality (Бессмертие) Э. Дикинсон, Tower (Башня) У. Б. Йейтса еtc.) и отсылающими к тем же образам других произведений рассматриваемого автора. Исследование практического материала показывает, что лексема, написанная с прописной буквы, является авторским кодом в том случае, если она, являясь самоаллюзией или самоцитацией (ссылкой на саму себя), встречается в разных контекстах других произведений того же автора.

Установить фрагменты адресных текстов, к которым отсылают маркированные ИТ единицы, не представляет труда. Сегодня это позволяет сделать любая поисковая система типа Google, а также системные функции поиска, встроенные в текстовые документы — количество доступных информационных источников и скорость их обработки такими поисковиками достигли высокого уровня.

Вторым видом ИТ единиц являются немаркированные ИТ единицы, то есть лексемы или группы лексем, которые выполняют метатекстовую функцию, однако из-за отсутствия графической маркировки часто остаются исследователями. При вычленении незамеченными И характеристике ИТ единиц исследователи обычно немаркированных опираются на узнаваемость этих единиц или обширные фоновые культурологические знания компетенции. В. Е. Чернявская описывает данную особенность как «коммуникативно-прагматическую и психологическую открытость текста адресату (предполагающую наличие интертекстуальной компетенции у читателя)» (цит. по: [Чумак-Жунь, 2004, с. 23]). На практике же «коммуникативно-прагматическая особенность» свидетельствует лишь об отсутствии универсальности в подходе вычленения ИТ единиц, поскольку для достижения этой цели исследователь должен быть хорошо знаком со всем корпусом текстов анализируемого автора, а также с текстами, входившими в круг культурологического интереса этого автора.

В языкознании существует весьма ограниченное количество подходов к решению проблемы вычленения немаркированного ИТ включения, описания его характерных признаков и черт. По мнению И. В. Арнольд, отсутствие механизма вычленения такого включения обусловлено высокой сложностью и модальностью имплицитных функций (оценочных, характерологических, композиционных, идейных), благодаря которым каждое слово может быть «насыщено отзвуками чужих высказываний» [Арнольд, 2002, с. 72].

Основная идея интертекстуальности заключается TOM, ЧТО исследователь обнаруживает в рассматриваемом тексте отклики «чужого» текста (см. пример с King George the Fifth выше). Однако авторы не стремятся к тому, чтобы оставить как можно больше маркированных цитат и аллюзий в создаваемом ими стихотворном тексте. Можно предположить, что авторы используют немаркированные ИТ единицы ассоциативно, не всегда намеренно (в противном случае это были бы, например, дословные, но немаркированные цитаты, что можно расценивать как плагиат). В результате природа такой отсылки — архитекстуальная, поскольку реминисценция делается не к конкретному тексту или его фрагменту, а к культурологическому образу, образу личной мифологии или любым другим образам, играющим в жизни автора важную роль.

Рассмотрим ПТ "Death" (Смерть) У. Б. Йейтса:

Nor dread nor hope attend A dying animal; A man awaits his end Dreading and hoping all; Many times he died, Many times rose again <...> [Yeats, Electronic resource]. Ни ужас, ни надежда не приходят К умирающему животному; Человек ждет своего конца В ужасе и надежде, Он умирал много раз И много раз восставал <...>

Выделенную метафору *Many times he died, many times rose again (Он умирал много раз и много раз восставал)* можно понять более чем одним способом в рамках заданного контекста. Учитывая полиинтерпретативность

выделенных строк, кажется логичным обратиться к другим стихам У. Б. Йейтса и проверить представленную фразу на совпадения с адресными текстами других авторов через поисковые системы.

В ПТ "Under Ben Bulben" (Под Беном Бульбеном) У. Б. Йейтса находим строки:

Many times man lives and dies Between his two eternities, That of race and that of soul, And ancient Ireland knew it all [Yeats, Electronic resource]. Человек живет и умирает много раз Между двух своих вечных истин — рода и души. Древняя Ирландия знала обо всем этом.

Строки Many times he died, many times rose again ПТ "Death" и строки Many times man lives and dies (Человек живет и умирает много раз) ПТ "Under Ben Bulben" семантически, стилистически и лексически близки. Второй представленный поэтический фрагмент уточняет смысл идеи о смерти и рождении через синтаксическую связь со словосочетанием race and soul (род и душа). Поэт говорит о повторяющихся смертях и жизнях внутри человека: то, кем он был рожден (образ рода), и то, кем он стал/становится (образ души). Отметим, что в трудах Ф. Ницше встречается схожая идея, которую философ назвал «вечное возвращение». Ее суть сводится к тому, что «время в его бесконечном течении, в определенные периоды, должно с неизбежностью повторять одинаковое положение вещей» (цит. по: [Можейко, 2002, с. 171]). Другими словами, человек обречен проживать каждый момент своей жизни снова и снова.

Образ множественной смерти, выраженный в строках *Many times he died,* many times rose again базового ПТ "Death", также встречается во фрагменте из трагедии У. Шекспира "Julius Caesar" (Юлий Цезарь):

Cowards die many times before their deaths;
The valiant never taste of death but once [Shakespeare, Electronic resource].

Трус умирает много раз до смерти,

А храбрый смерть один лишь раз вкушает! [Зенкевич, Электронный ресурс].

Представленные строки обнаруживают новый вариант смысла базового образа: человек терпит неудачи и переживает потери, в результате чего он обретает шанс переосмыслить свою жизнь, стать сильнее. Если он использует эту возможность, он становится valiant (храбрецом), если нет — coward (трусом).

При работе с немаркированными ИТ единицами помимо метатекстовой функции важным остается и интерконтекстуальный аспект межтекстового взаимодействия, то есть изменение/расширение семантики самих исследуемых лексем. Так, рассматриваемые строки *Many times he died, many times rose again* получают дополнительные контекстные значения из адресных ПТ "Under Ben Bulben" У. Йейтса и "Julius Caesar" У. Шекспира. В результате базовая ИТ единица может определяться как выбор между долгом и желаниями и/или переосмысление человеческой жизни.

Подводя итог особенностям ИТ единиц, сформулируем их базовые признаки.

Маркированным ИТ единицам свойственна *графичность*, выражающаяся в кавычках, прописных буквах, курсиве и прочих авторских пометках.

Признаком немаркированных ИТ единиц является *полиинтерпретативность* в рамках заданного контекста.

Рассмотрим парадигму качеств и свойств (идентичность – подобие – интертекстуальный потенциал – тип контекста – полиинтерпретативность) текстовых единиц, участвующих в процессе межтекстового взаимодействия, на основе которой будут предложены критерии выделения немаркированной ИТ единицы из поэтического текста.

4.2. Характеристика идентичных и подобных интертекстуальных единиц

Динамика смыслового комплекса поэтического текста реализуется через интертекстуальные и интерконтекстуальные виды отношений между ИТ единицей, входящей в рассматриваемое произведение, и ИТ единицей адресных текстов. Основываясь на лингвосинергетическом признаке иерархичности смыслового комплекса поэтического текста и его элементов, выделим два основных свойства ИТ единицы: идентичность и подобие.

ИТ Под идентичными единицами понимаются графически фонетически тождественные текстовые единицы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения. Идентичность можно сравнить с омонимией, а идентичные ИТ единицы — с омонимами. Разница между ними заключается в том, что смысл омонимов определяется контекстом, задающим подходящее словарное значение. Работая со смысловым комплексом ИТ единицы, несловарными реципиент имеет дело c контекстными значениями. Возникновение таких значений обусловлено тем, что ИТ единица является элементом индивидуально-авторской картины мира, поэтическим образом, авторским кодом. Реципиент способен «разгадать» смысл ИТ единицы в ходе анализа ее межтекстовых отношений с идентичными ИТ единицами адресных текстов. Эти отношения обеспечивают динамику смыслового комплекса анализируемой ИТ единицы, то есть преобразуют ее контекстные значения из словарных в несловарные.

Рассмотрим идентичные ИТ единицы на примере отрывка поэтического текста "The Waste Land" (Бесплодная земля) Т. С. Элиота. В двадцатой строке произведения встречаем образ son of man (сын человеческий), который является идиомой, берущей свое начало в Танахе и означающей принадлежность к человеческому роду. Идиома son of man также является немаркированной цитатой, отсылающей к книге пророка Даниила, книге

пророка Иезекииля, евангелическим текстам etc. и символизирующей Иисуса Христа.

<...> What are the roots that clutch, what branches grow
Out of this stony rubbish? *Son of man*,
You cannot say, or guess, for you know only
A heap of broken images, where the sun beats <...> [Eliot, Electronic resource].

<...> Какие корни сцепляют, какие стебли растут Из этих каменных осколков? Сын человеческий, Ты не можешь сказать или угадать, так как ты просто знаешь Кучу сломанных образов, где бьется солнце <...>.

В пятьдесят первой строке базового текста встречаем следующий фрагмент:

<...> Here is *the man with three staves*, and here *the Wheel*, And here is *the one-eyed merchant* <...> [Eliot, Electronic resource].

<...> Здесь человек с тремя жезлами, а здесь Колесо, Здесь — одноглазый торговец <...>.

Реципиент не сможет добиться связности произведения, если будет интерпретировать выделенные лексемы буквально, словарно. Словосочетания The man with three staves (человек с тремя жезлами), the one-eyed merchant (одноглазый торговец) и лексема the Wheel (колесо) тематически объединены тем, что каждая из них описывает сюжет, изображенный на картах Таро (только одна из трех представленных ИТ единиц является идентичной, а именно — существительное *wheel*, остальные текстовые единицы являются подобными). Отметим, что Т. С. Элиот ссылался на колоду "Rider-Waite tarot deck" (Tapo Райдера-Уэйта), поскольку совпадения описываемого изображения прослеживаются только с этим вариантом дизайна колоды карт. Человек с тремя жезлами и колесо являются узнаваемыми картами: тройка жезлов (Младшие Арканы) и колесо судьбы (Старшие Арканы) соответственно.

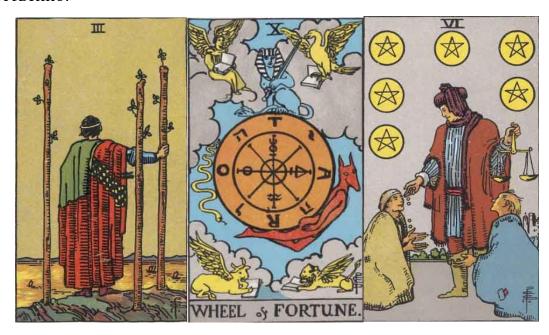

Рис 5. Карты Таро Райдера-Уэйта: тройка жезлов, колесо судьбы, пятерка пентаграмм (слева направо).

Одноглазый торговец может быть декодирован на основании сюжета, изображенного на карте «пятерка пентаграмм» колоды Таро Райдера-Уэйта. На рис. 5 представлен человек, бросающий монеты. Обратим внимание, что он изображен в профиль (зритель видит только один глаз).

Таким образом, наблюдается динамика смыслового комплекса ИТ единиц *The man with three staves, wheel, the one-eyed merchant*: их словарные значения преобразуются в несловарные. Человек с тремя жезлами — символ воды, спокойствия, жизни, предприимчивости, торговли, открытий; колесо означает резкую перемену человеческой жизни, фатальность; одноглазый торговец — противоречивость, потеря веры, любви [The Pictorial Key to the Tarot, Electronic resource]. Указанные ИТ единицы являются не единственными отсылками к картам Таро, встречающимися в поэтическом тексте "The Waste Land".

Результат расшифровки идентичных ИТ единиц зависит от объема фоновых знаний реципиента и может быть осуществлен через поиск

соответствий между лексемами или группами лексем в заданных текстовых границах. Так, в ходе анализа фрагментов поэмы Т. С. Элиота "The Waste Land" объем информации ограничивался библейскими текстами, трудами Д. Алигьери, а также образцами европейской литературы XIX и начала XX вв.

Подобные ИТ единицы объединены близостью контекстных значений, графическая и фонетическая форма которых различается. В то время как идентичность рассматривается в связке с феноменом омонимии, подобие представляется близким к синонимии. ИТ единицы, которые не являются словарными синонимами, могут быть подобными, то есть близкими по смыслу в рамках индивидуально-авторской картины мира и межтекстовых связей ее

Рассмотрим подобные ИТ единицы на примере отрывка из стихотворения Л. Коэна "Hallelujah" (Аллилуйя).

<...> You saw her bathing on the roof Her beauty and the moonlight overthrew ya She tied you to the kitchen chair She broke your throne and she cut your hair And from your lips, she drew the Hallelujah <...>

<...> And remember when I moved in you
The holy dove was moving too
And every breath we drew was Hallelujah <...> [Cohen, Electronic resource].

<...> Ты увидел ее, купающуюся на крыше. Ее красота в лунном свете поразила тебя. Она привязала тебя к стулу на кухне, Сломала твой трон и остригла твои волосы, И с твоих губ сняла «Аллилуйя» <...>.

<...> Помнишь, когда я поселился в тебе, Летел святой голубь. И в каждом нашем вздохе было «Аллилуйя» <...>.

Выделенная фраза You saw her bathing on the roof / Her beauty and the moonlight overthrew ya (Ты увидел ее, купающуюся на крыше. / Ее красота в лунном свете поразила тебя) является аллюзией к Второй Книге Царств, а

именно — к фрагменту, в котором Давид, прогуливающийся по крыше «царского дома», увидел купающуюся Вирсавию.

And it came to pass *in an eveningtide*, that David arose from off his bed, and walked upon the roof of the king's house: *and from the roof he saw a woman washing herself; and the woman was very beautiful to look upon* [2 Samuel 11:2].

Однажды *под вечер* Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома *и* увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива [2 Царств 11:2].

Л. Коэн перерабатывает идейно-образные элементы оригинального произведения: поэт заменяет архаическое существительное eveningtide (вечер) на поэтично-эстрадное moonlight (лунный свет); she (она — образ Вирсавии) в ПТ "Hallelujah" помещается непосредственно на крышу. Взаимосвязь указанных элементов прото- и метатекста остается неизменной: лирический герой видит купающуюся красавицу и влюбляется в нее. Таким образом, ИТ единицы you saw her bathing on the roof, her beauty, moonlight выполняют метатекстовую функцию — они позволяют реципиенту рассматривать базовый (стихотворение "Hallelujah") и адресный (фрагмент из Второй Книги Царств) тексты как идейно близкие, интертекстуально и интерконтекстуально объединенные произведения. Контексты употребления, а значит, и контекстные значения ИТ единиц мета- и прототекста — разные, благодаря чему реализуется динамика их смыслов: лексема you (ты) преобразуется в образ библейского Давида, местоимение she (она) становится Вирсавией.

подобие Интертекстуальное привносит не только «новые» стилистические, а также образно-семантические элементы в рассматриваемый ПТ "Hallelujah", но и погружает читателя в глубинный, концептуальный стихотворения. Так, история любви Давида уровень царя И Вирсавии — пример так называемой плотской, телесной любви. Это подтверждается библейским прототекстом, в частности, Псаломом 50. По мнению Афанасия Великого, Псалом 50 был написан Давидом в знак раскаяния в убийстве Урии Хиттеянина (мужа Вирсавии) и прелюбодеянии с его женой [Афанасий Великий, 2016].

ПТ "Hallelujah" образные предлагает читателю зарисовки, пересекающиеся с библейскими сюжетами, с тем, чтобы описать разные виды любви (в рамках данного анализа рассматриваются любовь плотская и любовь Божественная) образом И связать поэтическим ИХ единым Аллилуйи — молитвенного хваления Бога.

В финале рассматриваемой строфы Л. Коэн обращается к ветхозаветной истории Самсона и Далиды как символу платы за страсть — плотскую, не имеющую эмоционально-духовного основания, любовь. В ПТ "Hallelujah" читаем строки: She tied you to the kitchen chair / She broke your throne and she cut your hair (Она привязала тебя к стулу на кухне, / Сломала твой трон и остригла твои волосы). Мы вновь имеем дело с изменением Л. Коэном идейно-образных элементов прототекста. В оригинале Далида не стригла волос Самсона (это сделал филистимлянин) и не привязывала его к стулу на кухне — она связала героя сначала семью мокрыми тетивами, затем веревками, после прибила ткань, вплетенную в его волосы, к «ткальной колоде»:

Then the lords of the Philistines brought up to her seven green withs which had not been dried, and she bound him with them.

- <...> Delilah therefore took *new ropes*, and bound him therewith <...>.
- <...> And she fastened it with the pin <...> [Judges 16:8–14].

И принесли ей владельцы Филистимские *семь сырых тетив*, *которые не засохли*, и она связала его ими.

- <...>Далида взяла новые веревки и связала его <...>.
- <...> и прикрепила их к колоде <...> [Судьи 16:8–14].

На основании метафоры *she broke your throne (она сломала твой трон)* выстраивается кольцевая семантическая парадигма: ты (лирический герой) — царь Давид — Самсон — жертва любви — ты (лирический герой), эффект которой усиливается подобными ИТ единицами *she cut your hair (остригла*

твои волосы) и from your lips, she drew (с твоих губ сняла). Как известно, сила Самсона была в его волосах, которую он потерял после того, как был острижен:

And she made him sleep upon her knees; and she called for a man, and *she caused him to shave off the seven locks of his head*; and she began to afflict him, and his strength went from him [Judges 16:19].

И усыпила его [Далида] на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его [Судьи 16:19].

Таким образом, Л. Коэн сплетает библейские истории Самсона и Давида воедино, а затем переосмысляет их, сравнивая с другими библейскими сюжетами (видами любви), шире — с Богом-любовью. Обратим внимание, что в прототексте Самсон сам рассказывает Далиде секрет своей силы (образ Л. Коэна from your lips, she drew), а Давид собственноручно подстраивает смерть мужа Вирсавии во имя «любви». Именно такой «любовью», то есть прелюбодеянием, Л. Коэн образ Hallelujah страстью, наполняет рассматриваемой строфе. В результате функционирования интерконтекстуального интертекстуального видов И межтекстовых отношений семантика этого образа расширяется до индивидуально-авторских, несловарных смыслов: Аллилуйя Л. Коэна представляется многогранным символом несовершенно-совершенной любви.

В другой строфе того же ПТ "Hallelujah" встречаем кардинально противоположенный авторский подход к пониманию любви, выраженный подобными ИТ единицами. Рассмотрим следующие строки: And remember when I moved in you / The holy dove was moving too (Помнишь, когда я поселился в тебе, летел святой голубь). Здесь Л. Коэн описывает любовь Божественную, скрещивая образы духовной близости людей с сошествием Святого Духа на Деву Марию. В Евангелии от Луки встречаем следующие строки:

And the angel answered and said unto her, *The Holy Ghost shall come upon thee*, and the power of the Highest shall overshadow thee: therefore also that holy thing which shall be born of thee shall be called the Son of God [Luke 1:35].

Мария же сказала Ангелу: ка́к будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим [от Луки 1:35].

Л. Коэн видоизменяет лексические элементы прототекста: возвышенный фразовый глагол to come upon (найти на кого-то), означающий 'to find or to meet someone or something, esp. Unexpectedly' [Cambridge Dictionary, Electronic resource] (найти или встретить кого-то или что-то, в особенности — неожиданно), заменяется прагматичным, социально-бытовым to move in (переехать, переселиться) — 'to go to a different place and begin to live or work there' [Ibid.] (добраться в другое место и начать жить или работать в нем); существительное dove (голубь) остается неизменным. Автор добивается высокой плотности и энергичности рассматриваемой строфы, а также всего ПТ "Hallelujah", посредством смешивания временных и хронологических связей, точно и логично выстроенных в библейском прототексте. Так, образ the holy dove (священный голубь), отождествляющийся евангелистами с образом Святого Духа, употребляется ими не при описании сцены непорочного зачатия, а при изложении истории крещения Христа [от Матфея 3:16; от Марка 1:10; от Луки 3:22; от Иоанна 1:32].

Now when all the people were baptized, it came to pass, that Jesus also being baptized, and praying, the heaven was opened, and *the Holy Ghost descended in a bodily shape like a dove upon him*, and a voice came from heaven, which said, Thou art my beloved Son; in thee I am well pleased [Luke 3:21–22].

Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение! [от Луки 3:21–22]

Согласно ветхозаветной традиции, *голубь* — символ мира, знак примирения Бога и человека:

And *the dove came in to him* in the evening; and, lo, in her mouth was an olive leaf plucked off: so Noah knew that the waters were abated from off the earth [Genesis 8:11].

Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли [Бытие 8:11].

Таким образом, в рассматриваемом фрагменте ПТ "Hallelujah" описан акт любви в ее Божественном освещении. Динамика смысловых комплексов подобных ИТ единиц *I moved in you*, holy dove и результаты их интерконтекстуального взаимодействия позволяют выстроить индивидуально-авторскую семантическую парадигму образа Аллилуйя, по Л. Коэну. В рамках настоящего анализа представим ее диадой «любовь плотская (и ее цикличной подпарадигмой: лирический герой — Давид — Самсон — жертва любви плотской — лирический герой) — любовь Божественная (я и ты — Святой Дух и Дева Мария; полет священного голубя как акт любви Божественной)».

При выделении ИТ единицы в адресных текстах большую роль играют фоновые знания реципиента. Они обеспечивают узнаваемость ИТ единиц. Важным остается знание биографии, интересов творчества И рассматриваемого автора, т. к. это позволяет задать границы произведений, в которых реализуются межтекстовые связи. Рассмотренным выше поэтам свойственны следующие интертекстуальные включения: Т. С. Элиот в поэме "The Waste Land" ссылается на библейские тексты, творения Д. Алигьери, трагедии У. Шекспира, стихи Ш. Бодлера, оперу Р. Вагнера и пр.; Л. Коэн в рассмотренном фрагменте из стихотворения "Hallelujah" представляет авторское видение ветхозаветных и новозаветных сюжетов. Спектр литературных источников широкий, однако не бесконечный, поэтому, работая с тем или иным автором, реципиенту следует заранее определить наиболее вероятные прототексты.

Если исследователь сталкивается с неизвестным или с неизученным в должной мере автором, ему следует обратить внимание на случаи полиинтерпретативности рассматриваемых единиц поэтического текста. После того как ИТ единица выделена и установлен примерный список адресных текстов, определяется отрывок из адресного текста, к которому отсылает анализируемая ИТ единица. Так, рассмотренная выше ИТ единица son of man поэмы "The Waste Land" Т. С. Элиота является немаркированной цитацией, то есть точной копией идиомы son of man, встречающейся, например, в книге пророка Иезекииля в 2:1, 2:3, 2:6, 2:8, 3:1, 3:3, 3:4, 3:10, 3:17, 3:22, 4:1, 4:16, 5:1, 6:2, 7:2, 8:5, 8:6, 8:8 и других главах и стихах [Ezekiel 2:1–8:8]. ИТ единица son of man базового произведения "The Waste Land" идентична библейской идиоме son of man, однако контексты их употребления различаются. Прототекст сообщает свое контекстное значение идиомы son of man базовой ИТ единице через интертконтекстуальную связь, в результате чего реципиент ассоциирует последнюю с образом Иисуса Христа.

Другая рассмотренная выше ИТ единица, например, You saw her bathing on the roof стиховторения "Hallelujah" Л. Коэна, подобна образу he saw a woman washing herself из Второй Книги Царств. Помимо лексикосемантического сходства представленных фраз присутствует И концептуальное: каждая строфа ПТ "Hallelujah" представляет один из аспектов любви, начиная от любви плотской, заканчивая Божественной. Вновь прослеживается обмен контекстами через аллюзию, построенную на признаке подобия: эфемерная купающаяся красавица становится библейской Вирсавией, а лирический герой — Давидом.

Чем больше вариативность интертекстуальных связей между рассматриваемой ИТ единицей базового произведения и идентичными или подобными ей лексемами/группами лексем адресных текстов, тем больше контекстов будут наслаиваться друг на друга, следовательно, количество несловарных значений будет расти.

4.3. Интертекстуальный потенциал единиц поэтического текста

Иттертекстуальный потенциал является основополагающим свойством ИТ единицы, поскольку обеспечивает динамику ее смыслового комплекса. Под интертекстуальным потенциалом понимается совокупность всех возможных в текстовой гиперсфере межтекстовых связей между ИТ единицей базового произведения и ИТ единицами адресных текстов. Реципиент способен частично декодировать такие связи. Процент декодирования зависит от широты фоновых знаний и развитости компетенций исследователя. Любой из предложенных вариантов интерпретации не будет исчерпывающим, поскольку новые тексты, а значит, и новые связи появляются непрерывно.

Представим текстовые единицы дизьюнкцией $0 \lor 1$, где 0 — отсутствие; 1 — наличие интертекстуального потенциала. Текстовые единицы, чей потенциал равен 1, можно разделить на два типа:

- упоминание или цитирование общеизвестных/неизвестных текстов через единицы авто-, пара-, ин-, архитекстуальности;
- отсылки к референту через личные местоимения или общеупотребительные существительные без указания имени человека или названия объекта.

Рассмотрим первый тип (упоминание или цитирование общеизвестных/неизвестных текстов) единицы поэтического текста, обладающей интертекстуальным потенциалом, на примере отрывка из стихотворения американского поэта Л. Хьюза "The Negro Speaks of Rivers" (Черный говорит о реках).

I've known rivers:

I've known *rivers* ancient as the world and older than the flow of human blood in human veins.

My soul has grown deep like *the rivers* <...> [Hughes, Electronic resource].

Я узнал реки:

Я узнал реки древние как мир и старше чем течение человеческой крови в человеческих венах.

Моя душа проросла вглубь как peku < ... >.

Интертекстуальный потенциал выделенной лексемы равен 1, т. к. поэтический образ, выраженный существительным rivers (реки), является отсылкой к общеизвестному символу «река – реки». В статье «Река», входящей в "Peter Greif's SYMBOLARIUM" (Краткая энциклопедия символов Питера Грейфа), приводятся следующие толкования обсуждаемого символа: «мировой поток явлений, течение жизни; символ уходящего времени и жизни; жизни — царство божества. макрокосм; река река смерти — явное существование, мир изменений, микрокосм; устье реки сходно по символике с воротами (дверью); река — проводник в иное царство, в океан единства» [Энциклопедия знаков и символов, Электронный ресурс]. В широком смысле рассматриваемого rivers понимание символа сводится К идеям древнегреческого философа Гераклита Эфесского, согласно которому любая река есть символ времени и необратимых процессов: «Все течет, все меняется»; «Все течет и ничто не остается на месте» [Серов, Электронный pecypc]. Поэтический образ rivers (реки) обладает мощным интертекстуальным потенциалом, поскольку является архитекстуальной ссылкой сразу на большое количество адресных текстов. Таким образом, лексема rivers является реминисценцией культурологическим, К философским, мифологическим, религиозным текстам, также интекстуальной аллюзией к существующей или вымышленной реке (Нил, Евфрат, Лета, Стикс и т. д.). Таким образом, обсуждаемая лексема rivers (реки) широким общеизвестным мифологическим Ee выступает символом. интертекстуальный потенциал равен 1.

Рассмотрим малоизвестную, узконаправленную реминисценцию на примере отрывка из стихотворения "The Mental Traveler" (Странник духа) английского поэта У. Блейка.

I traveld thro' a Land of Men

A Land of Men & Women too

And heard & saw such dreadful things

As cold Earth wanderers never knew <...> [Blake, Electronic resource].

Я шел через Страну Мужей.

Страну Мужей и Жен.

И слышал, и видел такие ужасные вещи,

Которые никогда не знали странники холодной Земли <...>.

Из контекста рассматриваемого отрывка видно, что образ природного мира, представленный словосочетанием cold Earth wanderers (странники холодной Земли), не тождественен миру A Land of Men & Women (страна Мужей и Жен). Смысловой комплекс словосочетания dreadful things (ужасные вещи) раскрывается через проспекцию. В ходе прочтения стихотворения "The Mental Traveller" представляется возможным сформировать базовое контекстное значение данного словосочетания.

<...> And if the Babe is born a boy He's given to a Woman Old, <...>

<...> She lives upon his shrieks and cries, And she grows young as he grows old <...> [Blake, Electronic resource].

<...> И если рождается мальчик, Его отдают Старухе, <...>

<...> Она живет его криками и плачем, И она молодеет, пока он стареет <...>

Из представленного отрывка видно, что «ужасным» У. Блейк называет непонятный и неприемлемый для природного мира закон, который справедлив в A Land of Men & Women. Этот закон выражен обобщением dreadful things, раскрывающимся в образе старухи, которая молодеет за счет того, что старится новорожденный мальчик.

A Land of Men & Women является единственным из выделенных фрагментов, чей смысловой комплекс не может быть однозначно интерпретирован. Образы dreadful things и cold Earth wanderers, напротив, определяются однозначными контекстными значениями через описанные выше сравнение и проспекцию.

Для интерпретации смыслового комплекса словосочетания A Land of *Men & Women* необходимо обратиться к адресным текстам (преимущественно другим произведениям У. Блейка). *A Land of Men & Women* является самоаллюзией к четверичной мифологической системе поэта, согласно которой вселенная проходит следующие духовные состояния: Eden *(Рай)* — единство Творца творения; Generation И его (Порождение) — отделение человека от Бога, человека от других людей; Beulah (Беула) — христианский идеал, восстановление единства человека с (Ульро) — материальный Божеством; Ulro 1982, мир, Αд [Зверев, Электронный ресурс]. Иерархически указанные состояния располагаются

следующим образом (от высшего к низшему): Eden - Beulah - Generation - Ulro. Принимая данную систему во внимание, будем понимать под метафорой $cold\ EARTH\ wanderers - cold\ ULRO\ wanderers$, то есть странники $Mamepuanbho2o\ Mupa$.

В пророческих книгах У. Блейка "Vala, or The Four Zoas" (Вала, или Четыре Зоа) и "Jerusalem" (Иерусалим) описывается духовное состояние *Generation*. Некоторые из примеров:

<...> the Generation of Decay & Death & his Regeneration by the Resurrection from the dead <...> [Blake, Four Zoas, p. 4:5, Electronic resource].

<...> Порождение Разложения и Смерти и его Регенерации через Воскрешение из мертвых <...>.

<...> *Generating Love:* a pretence of love to destroy love <...> [Blake, Jerusalem, p. 17:25, Electronic resource].

<...> Любовь Порождения: предлог любви уничтожить любовь <...>.

Основной отличительной чертой духовного состояния *Generation* является бинарность — вечное возрождение одного начала посредством уничтожения другого и наоборот. *A Land of Men & Women* является аллюзией к миру, пребывающему в состоянии *Generation*, поскольку в базовом стихотворении "The Mental Traveller" наблюдается противопоставление мужского и женского начала — бинарная основа *Generation*. В рамках анализируемого поэтического текста мужское начало возрождается посредством женского и наоборот. Точнее будет сказать, что *A Land of Men & Women* является частным случаем *Generation*.

Обратимся к вариантам интерпретации образа *A Land of Men & Women*, предложенным другими исследователями. У. М. Росетти истолковывает рассматриваемую метафору как противостояние старого и нового — взаимоотношение идей в контексте постоянно меняющихся

культурологических и социологических реалий [Hirsh, 1964]. У. Б. Йейтс считает, что идеология и философия *A Land of Men & Women* навеяна идеями теософа Э. Сведенборга (1688–1772) и являет собой принцип отделения «каждого от своей противоположности, разделения и самопоглощения» [Йейтс, 1925, с. 134]. По мнению К. Рейна, прообразом *A Land of Men & Women* является притча Платона из диалога «Политик» (в Золотом веке мужчины росли от старости к младенчеству, так же, как и Младенец У. Блейка) [Рейн, 1967]. Е. В. Витковский пишет, что текстовая единица *A Land of Men & Women* «вскрывает извращенность отношений в современном Блейку обществе» [Витковский, 1975, с. 607]. А. М. Зверев разглядел в *A Land of Men & Women* «аллегорию, изображающую тернистый и причудливый путь Свободы через века истории» [Зверев, 1982, с. 539]. А. В. Глебовская сравнивает *A Land of Men & Women* с обобщением духовного опыта автора и всего человечества [Глебовская, 2000].

Таким образом, вариативность контекстных значений, а также нелинейные межтекстовые связи между базовым словосочетанием и адресными текстами свидетельствуют о том, что интертекстуальный потенциал *A Land of Men & Women* равен 1.

Прокомментируем второй тип (отсылки к референту через личные местоимения или общеупотребительные существительные) единиц поэтического текста, обладающих интертекстуальным потенциалом, на примере отрывка из стихотворения "You shall above all things be glad and young" (Прежде всего радуйся и будь молодым) американского поэта Э. Э. Каммингса.

You shall above all things be glad and young For if *you*'re young, whatever life you wear

it will become *you*; and if *you* are glad whatever's living will *yourself* become <...> [Cummings, Electronic resource].

Прежде всего радуйся и будь молодым Поскольку если *ты* молод, какую бы жизнь *ты* не носил,

она станет *тобой;* и если ты радуешься, любая жизнь станет, как $m\omega < ... >$.

Выделенное личное местоимение уои (ты) относится к ИТ единицам, связи между которыми априори множественны и нелинейны, т. к. референт ни обозначен антропонимом или существительным, ни дополнен эпитетом или другими средствами выражения. Количество контекстных значений единицы уои начинается с двух: тот, кто читает данное произведение; конкретный человек, к которому обращается Э. Э. Каммингс, но не называет его. Интерпретируя общеупотребительные ИТ единицы, реципиент встраивается в творческий процесс мыслительной деятельности автора, в ходе которого называются очевидные для автора, но не явные для читателя объекты. Перед реципиентом открывается семиотическое поле нелинейно связанных между собой поэтических образов, чей интертекстуальный потенциал стремится к бесконечности.

Работа с практическим материалом показывает, что интерпретация ИТ единиц, выраженных наречиями или общеупотребительными существительными, возможна при условии их автотекстуальных связей с текстовым корпусом исследуемого автора. Так, анализ поэтического текста "Elegy" канадского поэта Л. Коэна позволил интерпретировать личное местоимение *he* (он) семантической парадигмой Иисус Христос — образ разочарования — отец Л. Коэна — орел как символ перерождения — поэт как певец красоты — Орфей.

Итак, идея интертекстуального потенциала заключается в том, что ИТ единицей в поэтическом тексте может оказаться не только маркированная или узнаваемая немаркированная аллюзия, цитация etc., но любая лексема, содержащаяся в рассматриваемом произведении. Логика анализа в этом

случае строится не только на основе запаса фоновых знаний и развитости компетенций реципиента, но и на факте полиинтерпретативности исследуемой лексемы в базовом контексте.

4.4. Вербально невыраженная семантика единиц поэтического текста. Феномен имплицитного контекста

Результаты исследования 1996 контекстов поэтических произведений, в каждом из которых была обнаружена ИТ единица, позволяют установить следующую закономерность: в 100 % из рассмотренных случаев выделенная ИТ единица являлась полиинтерпретативной. При этом только 43 % из рассмотренных ИТ единиц были маркированными. Сформулируем два важных для исследования тезиса, основываясь на этом наблюдении:

- критерий полиинтерпретативности текстовой единицы представляется более универсальным инструментом выделения немаркированной ИТ единицы, чем критерий узнаваемости;
 - полиинтерпретативность ИТ единицы обусловлена контекстуально.

Отметим, что не каждая полиинтерпретативная единица поэтического текста является ИТ единицей (в качестве примера можно привести лексикограмматические и фонологические текстовые доминанты [Бабенко, 2005]), однако каждая ИТ единица — полиинтерпретативна.

Основываясь на контекстной неоднозначности ИТ единиц, введем следующие понятия:

- эксплицитный контекст (законченный отрывок письменной или устной речи (текста), позволяющий реципиенту определять рассматриваемую лексему строго одним словарным значением);
- имплицитный контекст (законченный отрывок письменной или устной речи (текста), позволяющий реципиенту трактовать смысл рассматриваемой лексемы по-разному).

Феномен имплицитного контекста обусловлен пересечением элемента, кода (текстовой единицы) индивидуально-авторской картины мира с идентичными элементами адресных текстов. Рассматриваемая текстовая единица, изначально определяемая словарным значением в заданном контексте, приобретает статус полиинтерпретативной, поскольку ее смысловой комплекс актуализирует несловарное, свойственное философской системе отдельного поэта значение. Таким образом, реципиент сталкивается с имплицитным контекстом, включающим авторские образы, смысл которых выходит за пределы словарных значений. Интерпретация текстовой единицы, стоящей в имплицитном контексте, строится на интертекстуальном и интерконтекстуальном видах межтекстовых взаимодействий.

Рассмотрим разницу между эксплицитным и имплицитным типами контекста на примере отрывка ПТ Р. Фроста "Stopping by Woods" (Остановка в лесу).

Whose *woods* these are I think I know.

His house is in the village though;

He will not see me stopping here

To watch his woods fill up with snow. <...>

<...> The woods are lovely, dark and deep, But I have promises to keep, And miles to go before I sleep, And miles to go before I sleep [Frost, 1964, p. 275].

Чей это *лес* — я думаю, что знаю. *Его* дом находится в деревне; *Он* не увидит, как я останавливаюсь здесь, Чтобы посмотреть, как *его лес* наполняется снегом. <...>

<...> Лес прекрасный, темный и густой, Но я должен сдержать обещания, И пройти дальний путь перед тем, как уснуть, И пройти дальний путь перед тем, как уснуть. <...>

В первой строфе представленного отрывка лексема woods (лес) помещена в эксплицитный контекст, поскольку определяется словарным значением, например, так: 'a dense growth of trees usually greater in extent than a grove and smaller than a forest — often used in plural but singular or plural in construction' [Merriam-Webster, Electronic resource] (Скопление плотно засаженных деревьев, занимающее обычно большую площадь, чем роща, но меньшую, чем лес — обычно употребляется во множественном числе, но в сфере строительства может встречаться как в единственном, так и во множественном числе). Однако в последней строфе произведения Р. Фрост предлагает читателю самостоятельно решить, как интерпретировать образ woods. Автор использует стилистическую фигуру антитезы but I have promises to keep (но я должен сдержать обещания), которая приводит смысловой комплекс существительного woods в неустойчивое состояние, в результате чего актуализируется семантическая нелинейность этой единицы: лирический герой поэтического текста не хочет оставаться в лесу, т. к. у него есть обязательства и он должен пройти путь перед тем, как уснуть. В этой же строфе автор характеризует лексему *woods* контрастирующими по смыслу эпитетами lovely (красивый), dark (темный) и deep (густой), что подчеркивает неоднозначность образа woods: с одной стороны, лес красивый и завораживающий, с другой — пугающе темный и густой. Семантическая нелинейность существительного обусловлена woods имплицитным контекстом, в котором оно определяется несловарными значениями. Предложим один из вариантов: woods символизирует смерть, к приходу которой лирический герой хочет подготовиться, сдержать данное им обещание, пройти жизненный путь и т. д. Таким образом, текстовая единица woods является полиинтерпретативной, поскольку аспекты ее смыслового комплекса выходят за пределы словарных значений. Еще к одному полиинтерпретативному образу рассматриваемого произведения можно отнести формы личного местоимения he (oн) и his (eгo). Oн, то есть хозяин леса из первой строфы, семантически преобразуется в некое сверхъестественное существо, управляющее лесом (смертью) из последней строфы. Другими словами, вариант интерпретации образа *he* напрямую зависит от контекстного значения лексемы *woods*.

Pассмотрим существительное woods с позиций интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений с тем, чтобы уточнить варианты его контекстных значений. Идентичная лексема *wood(s)* встречается в текстовом корпусе поэта, представленном в книге "Complete Poems of Robert Frost" (Полное собрание стихов Роберта Фроста) (1964), сто двадцать один раз в таких ПТ, как "Ghost House" (Призрачный дом), "Going for Water" (По пути за водой), "Pan with Us" (Пен с нами), "The Demiurge's Laugh" (Смех демиурга), Line-storm Song" (Песнь равноденственной бури), "Reluctance" (Нежелание), "The Road Not Taken" (Непройденная дорога), "Mending Wall" (Ремонт стены), "The Death of the Hired Man" (Смерть наемщика), "A Hundred Collars" (Сто воротничков), "Blueberries" (Черника), "The Self-Seeker" (В поисках себя), "Christmas Trees" (Новогодние елки)", "In the Home Stretch" (В растянутом доме), "Birches" (Березы)", "The Smile" (Улыбка), "The Bonfire (Костер), "New Hampshire" (Нью-Гемпшир), "The Ax-Helve" (Топорище), "The Onset" (Натиск), "Two Look at Two" (Двое смотрят на двоих), "On Going Unnoticed" (Оставаясь незамеченным), "A Passing Glimpse" (Проходящее мелькание), "A Lone Striker" (Одинокий забастовщик), "The White-tailed Hornet" (Белый шершень), "Desert Places" (Пустынные места), "Beech" (Бук), "Come in" (Входи), "Never Again Would Birds' Song be the Same" (Птицы больше никогда не будут петь как раньше), "To a Young Wretch" (Маленькому негодяю), "Trespass" (Посягательство), "Not of School Age" (Нешкольного возраста), "Directive" (Наказ), "A Masque of Mercy" (Маска милосердия) и др.

Автотекстуальные связи идентичных образов *woods* формируют общий интерконтекст, в рамках которого указанные единицы обмениваются своими контекстными значениями, что приводит к динамике смыслового комплекса

каждой из них. Благодаря нелинейным интертекстуальным связям удается вычленить поэтические тексты Р. Фроста, в которых контексты употребления лексемы *woods* — имплицитные.

В стихотворении "The Demiurge's Laugh" (Смех демиурга) встречаем лексему wood:

It was far in the sameness of *the wood;*I was running with joy on the Demon's trail,
Though I knew what I hunted was no true god <...> [Frost, 1964, p. 35].

Это было далеко в единообразии *леса;* Я радостно бежал по следу Демона, Хотя я знал, что искомое мною не было истинным Богом <...>

 \mathbf{C} одной стороны, образ wood может быть обыкновенным лесом — местом действия стихотворения. С другой стороны, в связке с существительным sameness (единообразие) лексема wood представляется метафорическим лесом заблуждений, то есть множеством одинаково неверных суждений. К выбору такого варианта контекстного значения также подталкивает строка I knew what I hunted was no true god (я знал, что охотился не на истинного Бога), которую можно перефразировать так: я никогда не искал правду; то, что я искал, не было правдой. Странствие по лесу заблуждений является аллюзивным сюжетом, отсылающим к «Божественной комедии» Д. Алигьери:

Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился *в сумрачном лесу* <...> [Данте, 2017, с. 18].

По мнению М. Л. Лозинского, переводчика и исследователя творчества Д. Алигьери, строку *Я очутился в сумрачном лесу* следует понимать так: очутился «в темных дебрях грехов и заблуждений» [Там же, с. 307]. Комментатор также приводит в пример параллельное место из трактата

Д. Алигьери «Пир», в котором встречается фраза *порочный лес этой жизни* [Данте, 2017, с. 307].

Другим ПТ Р. Фроста, в котором находим лексему *wood* в имплицитном контексте, является "The Road Not Taken".

Two roads diverged in a yellow *wood*, And sorry I could not travel both <...> [Frost, 1964, p. 131].

Две тропы разошлись в желтом *лесу*, Увы, я не могу пройти обе <...>.

Р. Фрост посвятил представленный ПТ своему англо-уэльскому другупоэту Э. Томасу. Р. Фрост хотел с иронией описать постоянные сомнения Э. Томаса в правильности выбора жизненного пути и, как следствие, переживания из-за упущенных возможностей. Автор иронично комментировал эту ситуацию так:

"No matter which road you take, you'll always sigh and wish you'd taken another" [Frost, Электронный ресурс].

«Неважно, какую дорогу ты выберешь. В любом случае ты будешь жалеть, что не избрал другую».

В представленном отрывке ПТ "The Road Not Taken" герой выбирает, по какой из двух дорог ему следовать дальше. Дороги являются аллегорией вариантов жизненного пути, а образ *wood* — аллегорией самой жизни. В результате мы имеем дело с актуализацией несловарного значения лес — жизнь, что свидетельствует об имплицитном контексте.

Еще к одному из множества произведений текстового корпуса Р. Фроста, в котором образ *woods* встречается в имплицитном контексте, можно отнести отрывок ПТ "Desert Places".

<...> The woods around it have it — it is theirs.
All animals are smothered in their lairs.
I am too absent-spirited to count;
The loneliness includes me unawares. <...>

<...> They cannot scare me with their empty spaces
Between stars — on stars where no human race is.

I have it in me so much nearer home
To scare myself with my own desert places [Frost, 1964, p. 386].

<...> Леса, окружающий поле, хранят его. Оно — их. Все животные затаились в своих норах. Я слишком растерян, чтобы это имело значение: Одиночество застало меня врасплох. <...>

<...> Они не напугают меня своими пустыми местами Между звездами — звездами, где нет людей. Этого во мне все больше, чем я ближе к дому. Оно пугает меня собственными пустынными местами.

Представленный ПТ повествует об одиночестве. Пустота заснеженного леса сравнивается Р. Фростом с внутренней пустотой лирического героя. Обратим внимание на параллелизм the woods have it (Леса хранят его) и I have it in me (Оно во мне), объединяющий образы woods и героя произведения. Строгая рифма empty spaces (nycmыe места) – desert places (nycmынные места) фонетически оттеняет связь бескрайнего снежного леса и внутреннего состояния лирического героя. Словосочетание their empty spaces (их пустые места) относится именно к существительному woods, т. к. оба личных местоимения they (они) и their (их) первой строки последней строфы рассматриваемого поэтического текста стоят во множественном числе. Во всем стихотворении множественном числе стоят только BO существительных woods, animals (звери) и lairs (норы). Звери, спрятавшиеся в норы, упоминаются только раз как элемент пейзажа, подчеркивающий пустоту леса и одиночество лирического героя, поэтому вряд ли Р. Фрост обращается к ним еще раз через личное местоимение в конце стихотворения. Делаем

вывод, что местоимения they и their относятся к центральному образу рассматриваемого стихотворения — к существительному woods. Понимая под местоимением they лексему woods, можно интерпретировать первые строки последней строфы стихотворения They cannot scare me with their empty spaces between stars — on stars where no human race is (Они не напугают меня своими пустыми местами между звездами — звездами, где нет людей) следующим образом: вершины лесных деревьев достают до звезд, однако звезды безлюдны, поэтому эта связь только усиливает гнетущее состояние лирического героя. Основываясь на приведенных аргументах, делаем вывод, что существительное woods поэтического текста "Desert Places" стоит в имплицитном контексте, поскольку может быть определено по крайней мере одним несловарным значением: лес — одиночество.

Четыре рассмотренных текстовых фрагмента из стихотворений Р. Фроста "Stopping by Woods", "The Demiurge's Laugh", "The Road Not Taken" и "Desert Places" содержат примеры имплицитного контекста. Разница между имплицитным и эксплицитным типами контекста заключается в том, что текстовая единица имплицитного контекста определяется несловарными значениями, возникающими благодаря интерпретации элементов индивидуально-авторской картины мира, а также интертекстуальных и интерконтекстуальных связей между этими элементами и элементами адресных текстов. Если контекст лексемы эксплицитный, он определяется одним из своих словарных значений.

Говоря о рассмотренной лексеме woods базового поэтического текста "Stopping by Woods", а также о лексемах wood(s), встречающихся в других стихах Р. Фроста, следует отметить, что имплицитный контекст этих лексем не только позволяет определять их образными, несловарными значениями, но и способствует актуализации общего интерконтекста. В результате наблюдается динамика смыслового комплекса образа woods, реализующаяся через обмен контекстными значениями между идентичными

существительными woods базового ПТ "Stopping by Woods" и рассмотренных адресных текстов "The Demiurge's Laugh", "The Road Not Taken", "Desert Places".

Имплицитность — известный в языкознании феномен, многогранно исследованный работах И. И. Акимовой, И. В. Арнольд, Р. Барта, Е. Г. Борисовой, Г. П. Грайса, К. А. Долинина, Е. В. Ермаковой посвященных проблеме имплицитной информации художественного дискурса, а также имплицитности как предмета филологического изучения. В связи с этим хотелось бы уточнить специфику имплицитности и имплицитного контекста применительно к объекту и предмету нашей работы. Имплицитный контекст — явление распространенное, не ограничивающееся лишь ПТ. Однако ПТ не аддитивен и напряжен в достаточной мере для того, чтобы одной из его важнейших особенностей была именно имплицитность (или семантическая затененность), во многом обеспечивающая полиинтерпретативный признак стихотворного текста.

Полиинтерпретативность ПТ не является его «конечным состоянием», поскольку зафиксированные включенности ИТ единиц в имплицитный контекст поэтических произведений меняют природу полиинтерпретативности, преобразуя ее в реноминацию. Результаты анализа практического материала свидетельствует о том, что реноминация характерна для большого количества англоязычных ПТ. Так, в представленном выше анализе ПТ Р. Фроста "Stopping by Woods" мы проследили реноминацию лексемы woods (как элемента индивидуально-авторской картины мира автора, а также ИТ единицы): лес — смерть — заблуждения — жизненный путь — одиночество.

4.5. Критерии выделения интертекстуальных единиц из поэтического текста

ИТ единица представляется доминантной единицей поэтического текста, сильно влияющей на его смысл. Понятие доминантной единицы трактуется вслед за У. Эко. Ученый пишет о константной и доминантной единице текста, понимая под первой пра-код — узнаваемую, текстовую единицу, a второй ПОД противоположность — манифестирующую бессознательное, неоднозначную, неузнаваемую единицу текста [Эко, 1998]. Исследование практического материала показывает, что одним из основных качеств немаркированной ИТ единицы выступает именно ее неузнаваемость. Особенную актуальность неузнаваемость приобретает в ходе анализа новых, неисследованных или малоисследованных ранее стихов. С другой стороны, доминантная единица в поэтическом тексте не всегда является ИТ единицей; она также может быть лексико-грамматическими представлена доминантами стихотворного произведения. Однако, каждая ИТ единица является доминантой. Другими словами, вычленение немаркированной ИТ единицы сводится к вычленению доминант в поэтическом тексте.

Рассмотрим немаркированную ИТ единицу, а в свете предыдущего абзаца — доминантную ИТ единицу, на примере стихотворения Р. Фроста "Fire and Ice" (Огонь и лед) (1920).

Some say the world will end in *fire*,
Some say in *ice*.
From what I've tasted of *desire*I hold with those who favor *fire*.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of *hate*To say that for destruction *ice*Is also great
And would suffice [Frost, 1964, p. 268].

Одни говорят, что мир погибнет от *огня*, другие — от *льда*. Из того, что я знаю о *желании*, Я поддерживаю тех, кто говорит про *огонь*. Но если бы миру пришлось погибнуть дважды, Я думаю, что знаю достаточно про *ненависть*, Чтобы сказать, что для уничтожения мира *Лед* тоже Великолепно подойдет.

представлены семантически нелинейными Выделенные лексемы поэтическими образами *fire* (огонь) и *ice* (лед), от интерпретации которых зависит динамика смыслового комплекса анализируемого произведения в целом. Так, в первой строке стихотворения говорится о гибели мира, однако из контекста отрывка не понятно, что именно автор считает причиной гибели мира и что понимается им под образом *fire*. Остальные лексемы первых двух строк понимаются буквально, однозначно, словарно: глагол to say (говорить), существительное world (мир), глагольная форма будущего времени will end (закончится). Таким образом, интерпретация данных не раскрывает их несловарные значения. Более того, они формируют контекст существительного *fire*, благодаря которому актуализируется его смысловая нелинейность. Третья строка поэтического текста содержит однозначное существительное desire (желание), которое открывает реципиенту новые аспекты смыслового комплекса образа fire: огонь ассоциируется с желанием (возможно — сексуальным). Подобным образом Р. Фрост связывает образ ice (лед) с существительным hate (ненависть). В результате через актуализацию несловарных значений лексем *fire* и *ice* реализуется динамика их смыслового комплекса: мир погибает в огне войны, желания, страсти; мир замерзает во льдах ненависти, предательства и пр.

Идея льда и ненависти, выраженная Р. Фростом, является аллюзией к тридцать второй песни «Божественной комедии» Д. Алигьери, в которой речь идет о девятом круге ада (любопытно, что в анализируемом поэтическом

тексте "Fire and Ice" девять строк), а именно — о ледяном озере Коцип, в котором замерзли предатели родных, родины и единомышленников [Данте, 2017]. Стихотворение "Fire and Ice" Р. Фроста и «Божественную комедию» Д. Алигьери также объединяет способ рифмовки терцетами (aba bcb cdc).

Предложенные Р. Фростом образы огонь – желание и лед – ненависть также являются аллюзией к Никомаховой этике Аристотеля, в которой философ выразил идею того, что счастью человека мешают страсти, которые возможно побороть разумом. При этом, по мнению Аристотеля, человека отдаляет от счастья не только чрезмерная страстность, но и чрезмерная разумность. В Никомаховой этике представлена концепция добродетели, согласно которой счастье — золотая середина между ДВУМЯ противоположностями: недостатком и избытком добродетели [Аристотель, Электронный ресурс]. Образы Р. Фроста близки философии Аристотеля. В Ice" заключена идея отсутствия счастья, выраженная противоположенных образах (огонь – лед, желание – ненависть, страсть – холодный расчет), каждый из которых служит причиной гибели мира.

По мнению Э. Спейси, исследователя творчества Р. Фроста, поэт сравнивал конец мира со льдом, поскольку находился под влиянием идей своего друга-астронома Х. Шепли, который высказал идею о том, что Земля замерзнет из-за взрыва Солнца [Spacey, Electronic resource].

Контекстные значения образов *fire* и *ice* формируются благодаря интертекстуальным связям с образами адресных текстов (например, с образами «Божественной комедии» Данте).

Таким образом, все единицы поэтического текста можно разбить на константные (термин У. Эко [Эко, 1998]) и доминантные единицы. Разница между ними состоит в том, что первые всегда однозначны — они определяются строго одним из своих словарных значений. Именно константные единицы формируют контекст отрывка произведения или произведения в целом. Основная особенность доминантных единиц

заключается в том, что они семантически неустойчивы и нелинейны, а потому полиинтерпретативны. Доминантные единицы способны определяться несловарными значениями в рамках одного контекста. В рассмотренном поэтическом тексте "Fire and Ice" лексема *fire* определяется как минимум тремя значениями: словарным *огонь* и несловарными *желание*, *страсть*. Доминанту *ice* можно интерпретировать словарным значением *лед* (или *превратиться в лед*) и несловарными *ненависть*, *расчетливость*.

Итак, маркированные и немаркированные ИТ единицы являются доминантами поэтического текста. В связи с этим немаркированную ИТ единицу можно охарактеризовать как единицу, являющуюся неузнаваемым или трудно узнаваемым типом реминисценции.

Другим важнейшим признаком немаркированной ИТ единицы выступает полиинтерпретативность, то есть невозможность определить ее строго одним словарным значением в рамках заданного контекста. Полиинтерпретативность реализуется благодаря имплицитному типу контекста (см. предыдущий пункт).

Таким образом, ИТ единица представляется доминантной полиинтерпретативной единицей, помещенной в имплицитный контекст стихотворения.

Феномен имплицитного контекста позволяет сформулировать подход к вычленению доминант поэтического текста, а значит — ИТ единиц. Критерии выделения можно разделить на две группы:

1. Общие:

1.1. Узнаваемость. Критерий узнаваемости немаркированной ИТ единицы предполагает наличие в поэтическом тексте известной, но графически невыделенной реминисценции. Данный критерий определен в результате использования лингвокультурологического, антрополингвистического и поэтологического методов. Узнаваемость

дополняется объемом фоновых знаний и уровнем развитости читательских / исследовательских компетенций реципиента.

- 1.2. Повторяемость. Критерий повторяемости свидетельствует о использовании поэтом одних и тех же авторских доминант-кодов в разных поэтических произведениях. Повторяемость выделена благодаря использованию идеографического и контекстологического методов исследования, а также анализа ключевых слов.
- 1.3. Автографичность и аллографичность выделяются в отдельные критерии посредством метода интертекстуального анализа (в частности, по Ж. Женетту). Сюда относятся авторские, издательские и любые другие критические тексты-комментарии, позволяющие реципиенту получить дополнительную информацию о анализируемых текстовых единицах.

2. Частные:

- 2.1. Конъюнкция контекстных значений критерий, «нарушающий» закон семантического согласования [Гак, 1998] (закон звучит так: «в лексических значениях L и X есть по крайней мере один нетривиальный общий семантический компонент» (цит. по: [Апресян, 2011, с. 21]) и позволяющий исследователю выделить немаркированную интертекстуальную единицу из поэтического текста. Семантическое рассогласование в поэтическом тексте приводит к уплотнению связности произведения, выражающемуся в полиинтерпретативности авторских образов.
- 2.2. Отсутствие контекст-партнера рассматриваемой текстовой единицы также нарушает закон семантического согласования, поэтому органично оттеняет доминанты поэтического текста, являющиеся немаркированными ИТ единицами, по признаку полиинтерпретативности.

Следует отметить, что нарушение закона семантического согласования в поэтическом тексте — явление распространенное. Именно благодаря таким нарушениями актуализируется «новая» семантика поэтических образов,

включающая не только словарные значения лексем, составляющих эти образы, но и несловарные значения.

2.3. Энигматичность является критерием строго поэтическим. Данный критерий выделяется благодаря синтезу выше указанных методов. Энигматичность свидетельствует о непонятности, смысловой затененность рассматриваемой текстовой единицы. Энигматичность актуализируется благодаря имплицитному контекста, свойственному текстам поэтическим.

Представим критерии выделения ИТ единиц в поэтическом тексте сводной таблицей:

		ИТ единицы			
			Критерии		
		Критери немаркирован	выделения маркированной ИТ единицы		
	Автотекстуальность	Узнаваемость	Использование автором характерных для его творчества образов		
Тип ИТ связи Синтагматика	Самоцитация и самоаллюзия, представленные именами, образами, афоризмами, текстовыми фрагментами, заимствованными из других произведений исследуемого автора	Повторяемость	Лексема или группа лексем являются авторскими кодами, использующимися им сразу в нескольких произведениях. Контексты употребления, встречающиеся в этих произведениях, должны актуализировать авторские,	Авторская графическая маркировка: использование прописных букв, кавычек, курсива, подчеркиваний etc.	

			значения
			рассматриваемых
			образов
	Паратекстуальность		Поэты нередко
			помещают
	Случаи влияния на		«ключи» к
	семантику	Автографическ	пониманию
	поэтического текста его	ие «ключи»	авторских образов
	автографических и		в тексты писем и
	аллографических		на страницы своих
	элементов		дневников.
			Помещение
			автором в текст
			стихотворения
		Узнаваемость	графически
			неотмеченных
			общеизвестных
			идиом
			В поэтическом
			тексте
			встречаются
			энигматические
		Энигматическ	образы,
		ие образы	«выбивающиеся»
		no sepuszi	из общей
i.a	Интекстуальность		смысловой канвы
ГИК	IIIITekery wibitoerb		поэтического
Ма	Цитация, квазицитация,		текста
Парадигматика	аллюзия к текстам		Лексема или
рад	другого автора		группа лексем
Пај	Apjiere azrepa	Отсутствие	употребляется без
		контекст-	конкретизирующе
		партнера	й ее значение
		nap mepa	контекстной
			связки
			В лексеме или
			группе лексем
			одного
			произведения
		Конъюнкция	композиционно
		контекстных	сочетаются
		значений	несвязанные, а
			несвязанные, а иногда
			противоположенн
			=
			ые значения

Архитекстуальность		
Упоминание исторических фактов, элементов культурных традиций, архаических и общеизвестных образов	Все перечисленное выше	

Прокомментируем представленную таблицу. Общие критерии выделения ИТ единицы неоднократно использовались в анализе поэтических произведений выше по тексту настоящего исследования. Поясним и обсудим частные критерии.

1. Конъюнкция контекстных значений в рамках одного произведения.

«Сочетание несочетаемого» может показаться обыденностью для поэтических текстов, которые по своей природе наполнены разнообразными стилистическими фигурами и энигматическими образами. Однако анализ образцов англоязычной поэзии показывает, что это не так. Исследование обогащения художественного образа через именно композиционное «наращивание» контекстных значений внутри одного произведения, а не при помощи метафор, аллитераций и других стилистических приемов в текстоведческих работах встречается редко. Важным при выявлении случаев конъюнкции несвязанных контекстных значений является компонента интерпретации поэтического текста. Конъюнкция реализуется эксплицитно через композиционную структуру произведения.

Некоторые примеры:

- агнец У. Блейка (структура стихотворения "The Lamb" (Агнец) [Blake, 2004, р. 106] обнаруживает двойственную семантику данного образа: агнец-творец и агнец-творение; агнец является аллюзией к образу Иисуса Христа);
- ворон Э. А. По (композиция поэтического текста "The Raven" (Ворон) [Poe, Electronic resource] эксплицитно наслаивает на базовое значение *птица* дополнительные значения вестник смерти, пророк, наваждение, дух, душа

пирического героя; параллельно с этим *ворон* Э. А. По является архитекстуальной отсылкой к широкому мифологическому образу *ворон*);

- *Озимандия* П. Б. Шелли (центральный образ сонета "Ozymandias" (Озимандия) [Shelly, Electronic resource] фараон, контекстно определяемый как *царь царей, развалины, песок*; Озимандия аллюзия к египетскому фараону Рамсесу II);
- жизнь Г. У. Лонгфелло (стихотворение "A Psalm of Life" (Псалом жизни) [Longfellow, Electronic resource] содержит как минимум шесть контекстных значений образа жизнь: пустая мечта, реальность, наслаждение, печаль, настоящее, движение; в данный поэтический текст включены библейские немаркированные квазицитаты на тему жизни и смерти);
- *Бог* Э. Дикинсон (в поэтическом "I never lost as much but twice" (Я все теряла дважды) [Dickinson, 1955, р. 27] встречаются парадоксальные контекстные значения представленного образа: *грабитель*, *банкир*, *отец*);
- *псы* Дж. Моррисона (в рамках поэмы "The New Creatures" имеют контекстные значения *животные*, *хищники*, *защитники*, *проводники умерших*, *боги*; образ псов в контексте произведения Дж. Моррисона представляется отсылкой к древнеегипетскому богу Анубису).
 - 2. Отсутствие контекст-партнера немаркированной ИТ единицы.

Данный критерий является еще одним формальным основанием полиинтерпретатвиности поэтического произведения. Отсутствие контекстпартнера в тексте стихотворения — явление распространенное. Оно рассматривается как один из признаков имплицитного контекста, выраженный в его «недостаточности». В качестве примера приведем стихотворение "The Red Wheelbarrow" (Красная тачка) У. К. Уильямса:

so much depends так много зависит

upon ot

a red wheelкраснойbarrowтачки

glazed with rain залитой дождевой

water водой

beside the white около белых

chickens [Williams, 2004, p. 148]. кур.

У выделенного словосочетания so much depends (так много зависит) отсутствует контекст-партнер, уточняющий, что именно зависит от красной тачки. Учитывая то, что перед нами стихотворение, состоящее всего из одного предложения, написанного с использованием анжамбемана (переноса), мы не можем получить ретроспективной или проспективной информации, которая бы конкретизировала фразу so much depends. Таким образом, ИТ потенциал и степень полиинтерпретативности выделенного словосочетания крайне Wheelbarrow", воспринимая "The Red высоки. Реципиент, волен интерпретировать образ то, что зависит от красной тачки бесконечным количеством способов.

Искусствовед Генри М. Сейр в своей статье "Henry M. Sayre: On "The Red Wheelbarrow"" (Генри М. Сейр: о «Красной тачке») пишет о том, что данное стихотворение представляет собой единую аллюзию к творчеству и взглядам французского художника Дюшана Марселя [Sayre, Electronic resource]. Художник использовал «метод готовых вещей», согласно которому воли и подписи автора достаточно, чтобы сделать абсолютно любой предмет художественным объектом. Так появился знаменитый «фонтан» М. Дюшана (писсуар с автографом и датой). У. К. Уильямс создает свой «фонтан» и воплощает его в образе простого предмета — красной тачки. Автор «переделывает» суть тривиальных вещей, в результате чего красная тачка

становится мощнейшим поэтическим образом (выражает важность, красоту и гармонию простых, повседневных занятий), а само стихотворение «The Red Wheelbarrow» приобретает статус одного из самых новаторских известных творений У. К. Уильямса.

3. Энигматичность немаркированных ИТ единиц.

Некоторые лексемы поэтического произведения помещены В имплицитный контекст так, что они приобретают статус энигматических образов, «выбивающихся» из общей смысловой канвы поэтического текста, но не нарушающих его связности. Энигматические образы являются наиболее распространенным видом доминант, а, следовательно, и ИТ единиц в поэтических текстах. Ярким примером стихотворения, содержащего энигматические образы, является поэтический текст "The Second Coming" (Второе пришествие) У. Б. Йейтса:

Turning and turning in the widening *gyre The falcon* cannot hear the falconer; Things fall apart; the center cannot hold; Mere anarchy is loosed upon the world, *The blood-dimmed tide is loosed*, <...>

<...> somewhere in sands of the desert

A shape with lion body and the head of a man,

A gaze blank and pitiless as the sun, <...>

<...> but now I know

That twenty centuries of stony sleep <...>

<...> And what rough beast, its hour come round at last,

Slouches towards Bethlehem to be born? [Yeats, Electronic resource].

Вращаясь и вращаясь в расширяющемся водовороте, Сокол_не слышит сокольника; Все разделено; центр расшатан; Лишь анархия изливается на мир Бледно-кровавым приливом <...>

<...> где-то в песках пустыни
Существо с телом льва и головой человека,
С пустым и безжалостным, как солнце, взглядом, <...>
<...> но теперь я знаю,
что двадцать веков каменного сна <...>
<...> Наконец пришел час. Какой грубый зверь.
прорывается в Вифлеем, чтобы родиться?

Приведенные текстовые фрагменты наполнены энигматическими образами. В первой строфе стихотворения речь идет о погружении мир в хаос, возможно — войне (произведение написано в 1919 г., незадолго после окончания Первой мировой войны). Во второй строфе наблюдается образ пробирающегося в Вифлеем. Отдельно следует отметить христианский подтекст стихотворения, актуализирующийся с прочтением реципиентом названия произведения "The Second Coming" (Второе пришествие), отсылающего к Откровению святого Иоанна Богослова.

Первые энигматические образы, встречающиеся в рассматриваемом поэтическом тексте, представлены лексемами дуге (спираль, завихрение, водоворот, центр циклона) и falcon (сокол). На фоне описываемой У. Йейтсом картины глобальной катастрофы не вполне ясно, что соколы делают в водовороте (ассоциация gyre с водной тематикой подтверждается случаями использования «водных» (озеро, $npy\partial$), to be loosed лексем: mere (высвобождаться), tide (прилив) etc.) и почему появляется образ сокольников. На первый взгляд, речь идет о некой средневековой катастрофе, поскольку именно тогда соколиная охота была очень популярна, однако автор четко указывает временные рамки событий во второй строфе стихотворения: *twenty* centuries of stony sleep (двадцать веков каменного сна). Таким образом, мы имеем дело с доминантами поэтического текста, однако, пока не понятно, являются ли они ИТ единицами.

Изучив поэтическое наследие У. Б. Йейтса, а также работы исследователей его творчества, в частности статью Д. Рейнолдса "What is *gyre*"

in *The Second Coming*?" (Как понимать *gyre* в стихотворении «Второе пришествие»?), мы приходим к выводу, что образ *gyre* является самоаллюзией к идентичным лексемам *gyre* других произведений поэта. Так, в поэтическом тексте "The Gyres" (Спирали) У. Б. Йейтс отходит от водной тематики, наполняя рассматриваемый образ смыслом *временная спираль*, *разделяющая исторические эпохи*:

<...> The workman, noble and saint, and all things run On that unfashionable *gyre* again [Yeats, Electronic resource].

<...> Рабочий, знатный и святой, и все остальное снова вернется На эту старомодную *спираль*.

В данном случае наблюдается перекличка образов У. Б. Йейтса и философской концепции Ф. Ницше, выраженной в идее о вечном возвращении — возможности повторения всякого явления через бесконечное, неограниченное, непредвидимое количество лет. Временная спираль У. Йейтса представляется поэтическим воплощении данной идеи.

Другой энигматичный образ *falcon (сокол)* базового стихотворения "The Second Coming" является отсылкой к многосмысленному архаическому образу сокола. В. В. Долгов подчеркивает особенность общего смысла данного образа для индоевропейских культурных традиций, выражающуюся в «древнейшем неразличении войны и охоты» [Долгов, 2007, с. 110]. Таким образом, отношения соколов и сокольников можно трактовать революцию, войну, свержение режима еtc. В тексте исследуемого произведения находим однозначную символику кровопролития: the blooddimmed tide (бледно-кровавый прилив). Другим основанием для рассмотрения образа falcon в военном ключе служит паратекстуальная связь исследуемого стихотворения с его названием, отсылающим к книге Откровения. Один из всадников Апокалипсиса, сидящий на рыжем коне, был символом войны: «6:4

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» [Откровение 6:4]. В широком смысле сокол и сокольник выражают отношения человека и Бога (человек не слышит Бога в вихре своих грехов), в узком — восстания раба против господина. Учитывая водную тематику первой строфы, реципиент также может связать ее с сюжетом великого потопа [Там же, с. 5–9].

Вторая строфа поэтического текста "The Second Coming" также содержит энигматические образы, представленные лексемами и группами лексем: desert (пустыня), a shape with lion body and the head of a man (создание с телом льва и головой человека), sun (солнце). Существительные desert и sun общеупотребительными существительными, являются которые гипотетически можно встретить практически в любом тексте. Однако рассматривая их в контексте Откровения, становится понятно, что использование автором данных лексем не случайно. Жена, облаченная в Солнце (образ Церкви, освещенной светом Иисуса Христа [Кесарийский, Электронный ресурс]), бежит в пустыню, чтобы, родив сына, спастись от дракона [Откровение 12:1-7]. Эпитет pitiless (безжалостный) в связке с вероятно, выражает осуждение У. Б. Йейтсом существительным sun, концепции церкви, инквизиции etc.

Поэт осуществляет синтез образов Жены, облаченной в Солнце, и дракона из Откровения, в результате чего в пустыне (подобно сатане, искушающему Христа [от Матфея 4:1–11; от Луки 4:1–13]) появляется таинственный зверь — a shape with lion body and the head of a man. Сочетание в одном существе льва и человека представляется архитекстуальной аллюзией к египетскому сфинксу (именно египетскому, т. к. существительное man — мужского рода) и мифической мантикоре.

Египетский сфинкс — известный символ загадки, которая реализуется в открытой концовке рассматриваемого стихотворения "The Second Coming":

what rough beast slouches towards Bethlehem to be born? (какой грубый зверь прорывается в Вифлеем, чтобы родиться?).

Древнегреческий географ Павсаний пишет о том, что мантикора (существо с телом льва и головой человека), появившаяся впервые в книге древнегреческого врача Ктесия Книдского «Индика» [Книдский, Электронный ресурс], не более чем тигр, пожирающий заблудших индийцев [Павсаний, 2002]. Мифологическая мантикора — хищник, питающийся людьми. Таким образом, понимая под зверем У. Б. Йейтса мантикору, можно сделать вывод, что зверь в контексте глобальной катастрофы или войны собирается уничтожить людей.

Учитывая прямую связь исследуемого стихотворения с Откровением святого Иоанна Богослова, рассмотрим образы льва с позиций Библии. В новозаветной библейской традиции лев является символом Христа как царя, представленного в этой роли в Евангелии от Марка [Mark 1:1–16:20]. Однако, в первом соборном послании апостола Петра встречаем строки: «5:8 Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» [1 Петра 5:8]. Таким образом, мы наблюдаем семантическую двойственность йейтсовского зверя, который должен родиться в Вифлееме. Поэт прямо задает вопрос «кто этот зверь?» в финале стихотворения. Основываясь на рассмотренных интертекстуальных связях, предложим два варианта ответа: Христос или антихрист. Данный многочисленных путей интерпретации вариант является одним ИЗ рассматриваемого образа. Важным для смысла всего рассматриваемого поэтического текста выступает определенная в результате анализа ИТ отношений бинарность образа зверя: Христос – антихрист, добро – зло, жизнь – смерть и т. д.

Итак, подробно обсудив теоретические и методологические аспекты исследования (понятие поэтического текста, типологию интертекстуальных отношений, феномен интерконтекстуальности, лингвосинергетические

признаки смыслового комплекса ИТ единицы, феномен имплицитного контекста, критерии выделения немаркированных ИТ единиц), перейдем к построению авторской модели анализа и синтеза контекстных значений ИТ единиц в поэтическом тексте. В ходе апробации этой модели будут обсуждаться формализованные семиотические процессы, приводящие смысловой комплекс анализируемой ИТ единицы в динамическое состояние.

4.6. Модель комплексного анализа интертекстуальных единиц в поэтическом тексте

Объектом анализа выступает поэтический текст как динамическая система.

Предметом анализа служит ИТ единица поэтического текста.

Целью анализа является исследование феномена динамики смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте.

Модель анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц

Подготовка

Исследовать биографию автора, его интересы, переписку и творчество в целом с тем, чтобы задать границы возможных адресных текстов.

1. Фрагментация текста.

При большом объеме текста, множественности тем и предметов рассматриваемого произведения разделить общий объем базового стихотворения на логические и тематические сегменты.

2. Вычленение доминант в поэтическом тексте.

Присвоить рассматриваемой текстовой единице заданного в п. 1 фрагмента статус доминанты. Для этого:

2.1. Провести контекстный анализ исследуемого поэтического текста.

- 2.2. Определить тип встречающихся контекстов: эксплицитный ∨ имплицитный.
- 2.3. В случаях имплицитного контекста выделить доминанту по следующим критериям:
 - узнаваемость;
 - повторяемость;
 - автографичность;
 - конъюнкция контекстных значений;
 - отсутствие контекст-партнера;
 - энигматичность.
- 2.4. Исследование интертекстуального потенциала выделенных доминант.
 - 3. Определение ИТ единиц в адресных текстах.

Выделенная доминанта является ИТ единицей, если возможно установить ее соответствие с идентичными или подобными ИТ единицами адресных текстов.

- 3.1. Адресные тексты определяются с использованием
- знаний творческого наследия поэта;
- критической литературы;
- фоновых знаний и компетенций исследователя;
- поисковых систем сети интернет;
- встроенной навигации текстовых редакторов.
- 3.2. После определения адресных текстов составить их список в хронологическом порядке.
- 4. Анализ контекстных значений ИТ единицы в адресных текстах.
- 4.1. Провести анализ контекстных значений интересующей ИТ единицы в каждом из адресных текстов.

- 4.2. В случае выявления «новых», не определенных в п. 3 адресных текстов повторить п. 4.1 по отношению к каждому из них.
 - 5. Синтез полученных контекстных значений.
- 5.1. Номинировать значения анализируемой ИТ единицы в базовом и каждом из рассмотренных контекстов адресных текстов. Разделить значения по типу интертекстуальной связи (авто-, пара-, ин-, автотекстуальный).

Контекстные значения интертекстуальной единицы (далее – ИТ)

(1) Базовый поэтический текст₁ (далее — ΠT) — контекстное значение 1 (ΠT_1).

Автотекстуальный тип связи:

(2) ΠT_2 — контекстное значение 2 (И T_2).

Паратекстуальный тип связи:

(3) ΠT_3 — контекстное значение 3 (И T_3).

Интекстуальный тип связи:

(4) ΠT_4 — контекстное значение 4 (ΠT_4).

Архитекстуальный тип связи:

- (5) ΠT_n контекстное значение n (И T_n).
- 5.2. Представить зависимость динамики смыслового комплекса анализируемой ИТ единицы от контекстов ее употребления.

 $\label{eq:2.2} {\it Таблица}~4$ Варианты контекстных значений интертекстуальной единицы

		контекстные значения адресных текстов / тип И				
	базовый	автотекстуаль	паратекстуально	интекстуально	архитекстуально	
	ΠT_1	ность	СТЬ	СТЬ	сть	
		ΠT_2	ΠT_3	ΠT_4	ΠT_n	
ИТ 1	контекст. значение 1					
ИТ 2		контекст. значение 2				

ИТ 3		контекст. значение 3		
ИТ 4			контекст. значение 4	
ИТ				контекст.
n				значение п

5.3. Представить формализованную модель динамики смыслового комплекса анализируемой ИТ единицы в виде таблицы синтеза ее контекстных значений (ИТ $_1$ заимствует контекстные значения ИТ $_2$, ИТ $_3$, ИТ $_4$ и ИТ $_n$):

			контекстные значения адресных текстов / тип ИТ связи				
		базовы	автотекстуальн	паратекстуальн	интекстуальн	архитекстуальн	
		й ПТ1	ость	ость	ость	ость	
			ΠT_2	ΠT_3	ΠT_4	ΠT_n	
		контек					
		CT.					
	UT_1	значен					
ИК		ие 1					
свя	ИТ2	контен	кст. значение 2				
3Ь	ИТз	контекст. значение 3					
	ИТ4	контекст. значение 4					
	ИТ _п	контекст. значение п					

Разработанная модель анализа и синтеза контекстных значений позволяет формализовать и характеризовать комплексный процесс динамики смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте. Модель специфична, поскольку строится на теоретических и методологических положениях (например, феноменах интерконтекстуальности и имплицитного контекста), свойственных именно для стихотворных текстов.

Интертекстуальность выступает в роли ретроспекции, направленной от читателя к тексту. Благодаря интертекстуальности исследователь способен установить взаимные соответствия между базовым и адресными произведениями, выражающиеся в общих для этих произведений идентичных или подобных ИТ единицах.

Интерконтекстуальность синтезирует контексты, значения и смыслы ИТ единицы базового и адресных поэтических текстов. Она направлена от текста к читателю и выполняет функцию смыслообразования.

Динамика смыслового комплекса ИТ единиц выражается в пополнении их семантики новыми, несвойственными каждой из рассматриваемых ИТ единиц в отдельности контекстными значениями. Совокупность контекстных значений носит универсальный характер — ни одно из них не нарушает связность исследуемого поэтического текста.

Выводы

В главе осмыслена лингвистическая природа интертекстуальной единицы. Охарактеризованы маркированные и немаркированные интертекстуальные единицы.

Маркированным интертекстуальным единицам свойственна графичность, выражающаяся кавычками, прописными буквами, курсивом и прочими авторскими пометками.

Признаком немаркированных интертекстуальных единиц является полиинтерпретативность в рамках заданного контекста. Графичность же им не свойственна.

Интертекстуальные единицы рассмотрены с позиции лингвосинергетики как идентичные и подобные⁷. Под идентичными

 $^{^{7}}$ Термины *идентичный* и *подобный* — математические. Они используются в данной работе, поскольку точно отражают суть называемых ими свойств. Отметим, что подобие ИТ единицы не имеет ничего общего с

интертекстуальными единицами понимаются графически и фонетически тождественные текстовые единицы, вступающие друг другом межтекстовые отношения. Идентичность сравнивается с омонимией, а идентичные интертекстуальные единицы — с омонимами. Разница между ними заключается в том, что смысл омонимов определяется контекстом, подходящее словарное Работая задающим значение. co смысловым комплексом идентичных интертекстуальных единиц, реципиент имеет дело с несловарными контекстными значениями.

Подобные интертекстуальные единицы объединены близостью контекстных значений. Графическая и фонетическая формы подобных интертекстуальных единиц различаются. В то время как идентичность рассматривается в связке с феноменом омонимии, подобие представляется близким к синонимии. Интертекстуальные единицы, которые не являются словарными синонимами, могут быть подобными, то есть близкими по смыслу в рамках индивидуально-авторской картины мира и межтекстовых связей ее элементов с адресными текстами.

Введено авторское понятие интертекстуального потенциала. Интертекстуальный потенциал является основополагающим свойством интертекстуальной единицы, поскольку обеспечивает динамику ее смыслового комплекса. Под интертекстуальным потенциалом понимается совокупность всех возможных в текстовой гиперсфере межтекстовых связей между интертекстуальными единицами базового и адресных произведений.

Лексемы представлены дизьюнкцией $0 \lor 1$, где 0 — отсутствие; 1 — наличие интертекстуального потенциала. Лексемы, чей потенциал равен 1, можно разделить на два типа:

-

математическим подобием, поскольку в лингвистике не учитывается размерность и масштабность языковых систем.

- 1. Упоминание или цитирование общеизвестных или неизвестных текстов через единицы авто-, пара-, ин-, архитекстуальности.
- 2. Отсылки к референту через личные местоимения или общеупотребительные существительные без указания имени человека или названия объекта.

Результаты исследования обширного практического материала позволили сформулировать два важных тезиса:

- критерий полиинтерпретативности представляется более точным инструментом выделения немаркированной интертекстуальной единицы, чем критерий узнаваемости;
- полиинтерпретативность интертекстуальной единицы обусловлена контекстуально.

На основании контекстной неоднозначности интертекстуальной единицы были определены следующие понятия:

- эксплицитный контекст (законченный отрывок письменной или устной речи (текста), позволяющий реципиенту определять рассматриваемую лексему строго одним словарным значением);
- имплицитный контекст (законченный отрывок письменной или устной речи (текста), позволяющий реципиенту трактовать смысл рассматриваемой лексемы несловарно)⁸.

Феномен имплицитного контекста обусловлен пересечением элемента, кода индивидуально-авторской картины мира с идентичными или подобными элементами адресных текстов. Рассматриваемая лексема, изначально определяемая словарным значением в заданном контексте, приобретает статус полиинтерпретативной, поскольку ее интертекстуальная природа актуализирует несловарное, свойственное философской системе отдельного

_

⁸ Оппозиция *эксплицитный/имплицитный* контекст приводится по Энциклопедии эпистемологии и философии науки под. ред. И. Т. Касавина [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009, с. 1202] и переосмысляется в настоящей диссертации.

поэта значение. Таким образом, реципиент сталкивается с имплицитным контекстом, включающим авторские образы, смысл которых выходит за пределы словарных толкований. Интерпретация лексемы, находящейся в имплицитном контексте, строится на интертекстуальном и интерконтекстуальном видах межтекстовых взаимодействий.

Имплицитность — явление, свойственное в том числе поэтическому тексту, поскольку в стихотворных текстах как правило отсутствует ретроспективная или проспективная информация, способная уточнить фрагмента. Из-за семантику рассматриваемого ЭТОГО возникает приводящая недостаточности или энигматичность, К имплицитности употребления контекста той ИЛИ иной лексемы. Функциональная межтекстовых отношений модифицируют направленность природу полиинтерпретативности, актуализирующуюся благодаря имплицитному контексту. В результате мы имеем дело с авторской реноминацией единиц поэтического текста.

Интертекстуальная единица рассмотрена как доминанта поэтического текста. Понятие доминантной единицы трактуется вслед за У. Эко. Ученый пишет о константной и доминантной единице текста, понимая под первой пракод — узнаваемую, общую текстовую единицу, второй a ПОД противоположность — манифестирующую бессознательное, неоднозначную, неузнаваемую единицу текста [Эко, 1998]. Исследование практического материала показало, что одним из основных качеств немаркированной интертекстуальной единицы выступает именно ее неузнаваемость. Особенную неузнаваемость приобретает актуальность В ходе анализа неисследованных или малоисследованных ранее поэтических произведений. С другой стороны, доминантная единица в поэтическом тексте не всегда является интертекстуальной единицей; она также может быть представлена, например, лексико-грамматическими доминантами стихотворного текста. Однако, каждая интертекстуальная единица является доминантой. Таким образом, вычленение немаркированной интертекстуальной единицы сводится к вычленению доминант поэтического текста.

Критерии выделения разделены на две группы:

- 1. Общие (по признаку узнаваемости):
- узнаваемость;
- повторяемость;
- автографичность;
- аллографичность.
- 2. Частные (по признаку неузнаваемости):
- конъюнкция контекстных значений;
- отсутствие контекст-партнера;
- энигматичность.

Общие критерии основаны на теории интертекстуальности. Частные критерии базируются на законе семантического согласования, сформулированного В. Г. Гаком [Гак, 1998].

Мы, опираясь на рассмотренные в этой и предыдущих главах комплексы свойств и признаков ПТ и его единиц, разрабатываем авторскую модель комплексного анализа интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Модель включает следующие этапы:

- 1. Фрагментация текста.
- 2. Вычленение доминант в поэтическом тексте.
- 3. Определение интертекстуальных единиц в адресных текстах.
- 4. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы в адресных текстах.
 - 5. Синтез полученных контекстных значений.

ГЛАВА 5.

АПРОБАЦИЯ МОДЕЛИ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА КОНТЕКСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

практическую главу включены некоторые результатов ИЗ исследования англоязычных поэтических текстов XVIII–XX вв. Приводится анализ стихотворений "The Lamb" (Агнец) английского поэта У. Блейка, "Parting" (Разлука) американского поэта Э. Дикинсон, "Elegy" (Элегия) канадского поэта Л. Коэна. Авторы выбраны не случайно. Между ними не наблюдается сходства ни по времени, ни по стране, ни по эстетике. Работа с разноплановым практическим материалом подчеркивает универсальность разработанной авторской модели. Анализ выстроен в пять основных этапов: фрагментация текста, вычленение доминант, определение адресных текстов, анализ контекстных значений интертекстуальной единицы в адресных текстах, синтез полученных контекстных значений. Результаты исследования представлены в восьми сводных таблицах.

5.1. Комплексный анализ поэтического текста У. Блейка "The Lamb"

У. Блейк (1757–1827) является одним из самых известных английских поэтов-романтиков. Его творчество представлено разными по сложности и уровню восприятия концептуальными произведениями. В своем поэтическом пространстве У. Блейк предпринял попытку характеристики «состояний человеческой души». В связи с этим поэт разработал сложную авторскую мифологическую концепцию, объясняющую основные философские проблемы, поднимаемые в его творчестве.

Рассматриваемое стихотворение "The Lamb" (Агнец) включено У. Блейком в поэтический сборник "Songs of Innocence" (Песни невинности). Многие исследователи считают данный сборник собранием «простых

детских» и «понятных» стихотворений с христианской тематикой. Так, А. Острайкер, исследователь творчества У. Блейка и редактор книги "William Blake. The Complete Poems" (Уильям Блейк. Полное собрание сочинений), пишет:

<...> His work ranges from the deceptively simple and lyrical Songs of Innocence and their counterpoint Songs of Experience — which juxtapose poems such as "The Lamb" and "The Tyger", "The Blossom" and "The Sick Rose" — to highly elaborate, apocalyptic workds, such as The Four Zoas, Milton and Jerusalem <...> [Blake, 2004, back cover].

<...> Его творчество варьируется от лирических, простых для понимания Песен Невинности и контрастирующих с ними Песен Опыта — в которых сопоставляются «Ягненок» и «Тигр», «Цветение» и «Больная Роза» — до детально продуманных, апокалиптических работ — таких как Четыре Зоа, Мильтон и Иерусалим <...>.

Выбор стихотворения "The Lamb" из всего разнообразия произведений У. Блейка продиктован линейной структурой стихотворения. На примере данного поэтического текста представляется возможным проследить и обсудить динамику смыслового комплекса анализируемых текстовых единиц.

При подготовке к анализу было изучено поэтическое наследие У. Блейка в объеме 327 текстов (10 сборников стихов, 2 сборника афоризмов, 15 поэм, стихи из записных книжек и письма поэта). При работе с практическим материалом учитывались мнения и работы крупных исследователей У. Б. Йейтса, У. Г. Росетти, С. Фостера Деймона, творчества поэта: А. Острайкер, Н. Фрая, К. Рейна, Е. В. Витковского, А. М. Зверева, А. В. Глебовской, Д. Смирнова-Садовского и др.

Текст анализа представляет основные результаты проделанного исследования поэзии У. Блейка.

Анализ поэтического текста "The Lamb"

1. Фрагментация поэтического текста "The Lamb".

Стихотворение "The Lamb" анализируется в полном объеме, поэтому произведение необходимости. разбивать фрагменты данное нет Поэтический текст состоит из 2 строф по 10 строк каждая. Некоторые лексемы протяжении произведения: появляются довольно часто на всего существительное Lamb (Агнец) встречается 7 раз, местоимения who (кто), thee (mы), he(oh) - 2, 11, 5 раз соответственно; существительное *child* (ребенок) встречается 2 раза, существительное *God (Бог)* —2 раза.

- 1 Little Lamb who made thee
- 2 Dost thou know who made thee
- 3 Gave thee life & bid thee feed.
- 4 By the stream & o'er the mead;
- 5 Gave thee clothing of delight,
- 6 Softest clothing wooly bright;
- 7 Gave *thee* such a tender voice,
- 8 Making all the vales rejoice!
- 9 Little Lamb who made thee
- 10 Dost thou know who made thee
- 11 Little *Lamb I'*ll tell *thee*,
- 12 Little Lamb I'll tell thee!
- 13 He is called by thy name,
- 14 For he calls himself a Lamb:
- 15 He is meek & he is mild,
- 16 *He* became *a* little *child*:
- 17 I a child & thou a lamb,
- 18 We are called by his name.
- 19 Little Lamb God bless thee.
- 20 Little Lamb God bless thee

[Blake, 2004, p.106].

Маленький Агнец, кто создал тебя?

Ты знаешь, кто создал тебя,

Дал тебе жизнь и пищу,

Ручьем и медом

Одел тебя в восторг,

Дал мягкую одежду яркой шерсти,

Дал тебе нежный голос,

Который радует все долины?

Маленький Агнец, кто создал тебя?

Ты знаешь, кто создал тебя?

Маленький Агнец, я скажу тебе,

Маленький Агнец, я скажу тебе!

Его зовут твоим именем,

Поскольку он называет себя Агнец.

Он кроткий, как ягненок,

Он стал ребенком.

Я ребенок, а ты — агнец.

Нас зовут его именем.

Маленький Агнец, Бог с тобой.

Маленький Агнец, Бог с тобой.

- 2. Вычленение интертекстуальных единиц поэтического текста "The Lamb" сводится к определению типа используемых в произведении контекстов (эксплицитный ∨ имплицитный). В случае если контекст имплицитный, доминанта вычленяется по следующим критериям:
 - узнаваемость;
 - повторяемость;
 - автографичность;
 - конъюнкция контекстных значений;
 - отсутствие контекст-партнера;
 - энигматичность.
- 2.1. Определение типа контекстов поэтического текста "The Lamb".

Существительное Lamb стоит в эксплицитном контексте в первой строфе и в имплицитном контексте во второй, поскольку на протяжении рассматриваемого поэтического текста наблюдается изменение денотата данной лексемы. В первой строфе существительным Lamb обозначается собственно ягненок. Об этом свидетельствуют связанные с образом агнца и темами нежности, сладости, покоя существительное mead (мед), сравнение softest clothing wooly bright (мягкая одежда яркой шерсти), словосочетание а tender voice (нежный голос), существительное vales (долины). Во второй строфе рассматриваемого произведения наблюдается динамика смыслового комплекса Lamb — данным существительным обозначается не только ягненок, но и Бог. Подтверждение находим в словосочетании he calls himself a Lamb (он называет себя Агнец), идиоме He is meek & he is mild (он кроткий, как ягненок) и двух заключительных строках стихотворения. Контекст существительного Lamb во второй строфе — имплицитный, т. к. данная лексема ассоциируется автором не только с ягненком, но и с образом Бога. Представления о Боге являются открытым для интерпретации, субъективным и в какой-то степени интимным вопросом, поэтому в рамках данного анализа речь пойдет исключительно о взглядах У. Блейка и их влиянии на смысловой комплекс поэтического текста "The Lamb".

В первой строфе стихотворения между существительным *Lamb* и местоимением *thee* можно поставить знак равенства, однако во второй строфе лексема *Lamb* расширяет свой смысловой комплекс посредством отнесенности одновременно к двум разным объектам — *thee* (ягненок, агнец) и *he* (творец, Бог). Таким образом, местоимение *thee* требует уточнения. Контекст — имплицитный.

Местоимения who и he (his, himself) относятся к одному объекту — творцу, Богу. В силу энигматичности и семантической нелинейности понятия For контекст указанных местоимений можно считать имплицитным.

Прослеживается динамика смыслового комплекса существительного второй строфы child, поскольку им обозначаются как минимум три объекта: Бог (He became a little child / Oн $cman\ peбенком$) — ребенок — рассказчик (I a child / S — peбенок). В силу множественности денотатов лексемы child нельзя говорить о ее контекстной однозначности. Таким образом, контекст рассматриваемого существительного является имплицитным.

Итак, мы имеем дело с семью лексемами, стоящими в имплицитном контексте. Они семантически перекрещиваются друг с другом. Формально их можно разбить на три блока, каждый из которых является рядом взаимосвязанных лексем: блок Lamb (lamb - thee - he - Lamb - God), блок child (child - he - I - God), блок God (God - he - Lamb - child).

Остальные лексемы поэтического текста "The Lamb" находятся в эксплицитном контексте, поскольку могут быть интерпретированы только одним способом — словарно. К ним относятся качественные прилагательные little (маленький), tender (нежный), soft (мягкий), bright (яркий); относительное прилагательное wooly (шерстяной); герундий making (заставляя); глаголы

прошедшего времени made (создал), gave (дал), bid (предложил), became (стал); конкретные и абстрактные существительные life (жизнь), feed (пища), stream (ручей), mead (мед), clothing (одежда), пате (имя); архаизм Dost thou know (Do you know — вопросительная форма ты знаешь); предлоги by (посредством), over (через), of (выражение род. падежа); метафора clothing of delight (одежда восторга), vales rejoice (долины радуются); аллитерированная идиома теек & mild (кроткий как ягненок), идиома God bless you (Бог с тобой).

- 2.2. Критерии выделения интертекстуальных единиц поэтического текста.
- 2.2.1. Критерий выделения доминанты Lamb конъюнкция противоположенных контекстных значений. У. Блейк эксплицитно называет Агнцем одновременно Tsopya (Soca) и msopehue (schehka): who made thee < ... > he calls himself a <math>Lamb (kmo combopun meбя < ... > oh называет <math>ceбs Arhyem). Сюда же относятся и определители лексемы Lamb, выраженные местоимениями who и thee.
- 2.2.2. Критерий выделения доминант *child* и I— тот же. В восемнадцатой строке мы находим следующую фразу: *we are called by his name* (мы названы его именем). Композиция исследуемого стихотворения эксплицитно синтезирует образы *Бога, агнца* и *ребенка*. Таким образом, лирический герой утверждает: я ребенок агнец Бог.
- 2.2.3. Критерий выделения доминанты God энигматичность. Образ Бога является крайне широким общекультурным образом, трактуемым каждым человеком по-своему. Учитывая особенности поэтического наследия У. Блейка, можно с уверенностью заявить, что доминанта God яркий пример ИТ единицы, выраженной самоаллюзией.
- 2.3. Исследование интертекстуального потенциала доминант поэтического текста "The Lamb".

Интертекстуальный потенциал доминанты поэтического текста позволяет ей выступать в роли ссылки к какому-либо информационному

источнику. Онтологически интертекстуальный потенциал любой текстовой единицы равен 1, поскольку она является частью речи, текста, культуры, языка. В целях формализации анализа разделим интертекстуальный потенциал всех доминант на 0 — отсутствие потенциала; 1 — его наличие.

Интертекстуальный потенциал выступает оснований одним ИЗ полиинтерпретативной природы единиц поэтического текста. Любая из лексем, стоящих в имплицитном контексте, способна к взаимодействию со внешней средой — адресными текстами. Например, установленные базовые блоки (а также их семантические ряды, см. п. 2.1) Lamb, child, God являются, с одной стороны, автотекстуальными отсылками к мифологической системе У. Блейка, представленной в таких работах поэта, как "There is No Natural Religion" (Нет естественной религии) (1788), "All Religions are One" (Все религии одна) (1788), "Songs of Innocence" (Песни невинности) (1789), "Vala, or The Four Zoas" (Вала, или Четыре Зоа) (1797), "Jerusalem" (Иерусалим) (1804–1820) и др.; с другой стороны, данные лексемы выступают в роли интекстуальных отсылок к новозаветным Евангелиям (в период создания поэтического сборника "Songs of Innocence" (1789) У. Блейк находился под христианской культуры). Таким образом, сильным влиянием интертекстуальный потенциал рассматриваемых доминант равняется 1, следовательно, они являются ИТ единицами.

Обращаясь к лексемам анализируемого произведения, стоящим в эксплицитном контексте, отметим, что интертекстуальных реминисценций обнаружено не было. Следовательно, потенциал этих единиц равняется 0.

3. Поиск и определение интертекстуальных единиц в адресных текстах.

Последовательно рассмотрим каждую из выделенных интертекстуальных единиц, чтобы установить адресные тексты, разделить их на мета- и прототексты по отношению к анализируемому поэтическому тексту

"The Lamb", рассмотреть случаи ИТ и ИК взаимодействия на конкретных примерах и определить типы межтекстовых отношений.

3.1.1. Интертекстуальная единица Lamb.

В первой строке рассматриваемого стихотворения (Little Lamb who made thee / Маленький Агнец, кто создал тебя) доминанта Lamb выступает в роли автотекстуальной реминисценции (самоаллюзии в виде квазицитации) к другому стихотворению У. Блейка — "The Tyger" (Тигр) (1794):

```
<...> Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee? <...> [Blake, 2004, p. 125].
```

<...> Он улыбался, когда видел свое творение? Он, кто создал *Агнца*, создал и тебя? <...>.

В разделе "Preface" (Предисловие) поэмы У. Блейка "Milton" (Мильтон) (1804–1810) встречаем поэтический текст, в первой строфе которого присутствует идентичная ИТ единица *Lamb* в новом для нас контексте:

<...> And did those feet in ancient time
Walk upon England's mountains green,
And was *the holy Lamb of God*On England's pleasant pastures seen <...> [Blake, 2004, p. 514].

<...> И эти ноги в древние времена Гуляли по зеленым горам Англии? И видели *святого Агнца Божьего* На славных пастбищах Англии? <...>.

Адресные текстовые ИТ единицы *Lamb*, идентичные базовой доминанте, также встречаются в следующих стихах У. Блейка, входящих в поэтический сборник "Songs of Innocence": "Introduction" (Предисловие), "The Shepherd" (Пастух), "The Little Black Boy" (Маленький черный мальчик), "The Chimney Sweeper" (Трубочист), "Holy Thursday" (Святой четверг), "Night" (Ночь) и

"Spring" (Весна). Смысловой комплекс ИТ единицы Lamb не претерпевает никаких изменений в контексте указанных стихов, т. к. в поэтическом тексте "Introduction", который открывает сборник и задает общую тематику, У. Блейк акцентирует внимание читателя на образе І. В данном стихотворении поэт размышляет 0 музыкальном способе передачи информации, идеях вербализации музыки, которые представлены сборником "Songs of Innocence". Поэт отождествляет доминанту I с лирическим героем piper (дудочник), которому «ребенок с облака» (On a cloud I saw a child / Ha облаке я увидел ребенка) велел сочинить песню об агнце: Pipe a song about a Lamb! (Сыграй песню об Агние) [Blake, 2004, р. 104]. Таким образом, смысловой комплекс доминанты I стихотворения "Introduction" не способен актуализировать динамику смыслового комплекса ИТ единицы Lamb.

Лексема *Lamb*, указанная в остальных произведениях представленного списка, является своеобразной автотекстуальной шарадой, реализованной посредством лексического повтора с элементами аллитерации. В сущности, данные контексты не несут никакой дополнительной информации о смысловом комплексе ИТ единицы *Lamb*, поэтому в дальнейшем рассматриваться не будут.

Доминанта *Lamb* в 14 строке базового поэтического "The Lamb" (*For he calls himself a Lamb* / Поскольку он называет себя **Агнцем**) является интекстуальной аллюзией к библейским текстам Ветхого и Нового завета.

В Книге Исаии встречаем строки:

<...> 7 He was oppressed and afflicted, yet he did not open his mouth; *he was led like a lamb* to the slaughter, and as a sheep before its shearers is silent, so he did not open his mouth <...> [Isaiah 53:7].

<...>7 Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих <...> [Исаия 53:7].

В Евангелии от Иоанна находим слова, произнесенные Иоанном Крестителем:

<...> 29 The next day John saw Jesus coming toward him and said, "Look, *the Lamb of God*, who takes away the sin of the world! <...>" [John 1:29].

<...> 29 На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. <...> [от Иоанна 1:29].

В первом соборном послании апостола Петра также говорится об агнце:

<...> 19 He died like an unblemished, sacrificial *lamb* <...> [Peter 1:19].

<...> 19 но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Aгниа <...> [1 Петра 1:19].

В Откровении Иоанна Богослова агнец упоминается 34 раза (в английской версии текста): 5 раз в 5 главе (5:6, 8, 12, 13), 5 раз в 6 главе (6:1, 3, 5, 7, 16), 4 раза в 7 главе (7:9, 10, 14, 17), 1 раз в 12 главе (12:11), 3 раза в 13 главе (13:8, 11), 4 раза в 14 главе (14:1, 4, 10), 1 раз в 15 главе (15:3), 2 раза в 17 главе (17:14), 2 раза в 19 главе (19:7, 9), 5 раз в 21 главе (21:9, 14, 22, 23, 27) и 2 раза в 22 главе (22:1, 3) [Revelation 5:6–22:3]. Приведем один из примеров:

<...> 6 Then I saw *a Lamb*, looking as if it had been slain, standing at the center of the throne, encircled by the four living creatures and the elders. *The Lamb* had seven horns and seven eyes, which are the seven spirits of God sent out into all the earth <...> [Revelation 5:6].

< ... > 6 И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял *Агнец* как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю. < ... > [Откровение 5:6].

Таким образом, принципиально важными для анализа смыслового комплекса ИТ единицы *Lamb* являются адресный поэтический текст "The Tyger" (1794), фрагмент из поэмы "Milton" (1804–1810) и библейские тексты,

поскольку каждое из этих произведений сообщает новое контекстное значение исследуемой ИТ единице *Lamb*.

Примеров пара- и архитекстуальности при работе с доминантой *Lamb* обнаружено не было.

3.1.2. Интертекстуальная единица *child*.

В силу своей общеупотребительной природы ИТ единицы child встречается во многих произведениях У. Блейка, однако только в двух из них ee смысловой комплекс дополняется несловарными контекстными значениями, а именно — в рассмотренном выше адресном поэтическом тексте "Introduction" и в стихотворении "The Divine Image" (Святой образ) того же сборника "Songs of Innocence". ИТ единицей child в семнадцатой и восемнадцатой строках стихотворения "The Lamb" (He became a little child: I **a child** & thou a lamb / **Oн** стал маленьким **ребенком. Я ребенок,** а ты — агнец) обозначаются одновременно личное местоимение he и I. Образ child содержит идею богоподобия человека по У. Блейку, которая намечена поэтом в философских афоризмах "There is No Natural Religion" (1788), "All Religions Are One" (1788). В пятой строке раздела [k] адресного поэтического текста "The Everlasting Gospel" (Бесконечное Евангелие) (1788–1818) встречаем прямое указание на несловарные аспекты смыслового комплекса образа "child":

<...> Was *Jesus* Humble or did he Give any Proofs of Humility When but a *Child* he ran away And left his Parents in Dismay <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> Христос был Смиренным или он Дал повод считать себя Покорным, Когда *Ребенком* убежал, Оставив своих Родителей в Смятении <...>.

В представленном произведении ИТ единица *child* ассоциируется с Иисусом Христом.

В семнадцатой строке поэтического текста "The Lamb" лексема *child* играет роль интекстуальной ссылки (аллюзивного сюжета) к евангелическому образу воплощения Бога [от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна, Электронный ресурс].

Адресными текстами по отношению к базовой ИТ единице *child* выступают следующие произведения У. Блейка: "There is No Natural Religion" (1788), "All Religions Are One" (1788), "Intoduction" (1789), "The Divine Image" (1789) и "The Everlasting Gospel" (1788–1818). Сюда же можно отнести тексты Евангелия.

Примеров пара- и архитекстуальности при работе с ИТ единицей *child* обнаружено не было.

3.1.3. Интертекстуальная единица *God*.

Образ *God* является архитекстуальным включением, представляющим Бога в онтологическом понимании, однако учитывая христианские образы произведения, выраженные в лексемах *Lamb* и *child*, можно сделать вывод, что речь идет о библейском Боге или подобии данного образа в представлениях У. Блейка.

Понятие Бога (и человека) в мировоззренческой концепции У. Блейка имеет комплексную природу, для понимания которой необходимо рассмотреть массу других образов (помимо заявленных Lamb, child и God) творческого наследия поэта. В данном случае противоречие в понимании образа God заключается в том, что Бог как Иисус Христос для Блейка позитивный образ, в то время как Бог как творец мира — негативный. Эта идея неоднократно обозначается поэтом в его пророческих книгах, но наиболее ясно и однозначно она выражена в "Visions of the Daughters of Albion" (Видение дочерей Альбиона) (1793). В разное время поэт вкладывал в понятие Бога аспекты образов Диониса, Прометея, ветхозаветного Бога, Иисуса

Христа, что привело к появлению оригинальных персонажей авторской мифологии — Лоса, Уризена, Лувы, Орка etc. [Blake, 2004]. Особенности отличия евангелического Иисуса Христа от Иисуса Христа У. Блейка представлены поэтом в поэме "The Everlasting Gospel".

Таким образом, адресными текстами по отношению к ИТ единице *God* выступают произведения У. Блейка "Visions of the Daughters of Albion" (1793) и "The Everlasting Gospel" (1788–1818), поскольку они сообщают новые контекстные значения образу *God* базового поэтического текста "The Lamb".

Примеров ин-, пара-, архитекстуальности при работе с ИТ единицей *God* обнаружено не было.

3.2. Список адресных источников.

Очередность подачи информации и структура дальнейшего анализа будет строиться по следующей логической схеме: сначала рассматриваются адресные тексты, имеющие автотекстуальную природу, затем — паратекстуальную, после — интекстуальную и, наконец, — архитекстуальную (тексты в каждой из групп приводятся в хронологическом порядке).

ИТ единицу *Lamb* удалось обнаружить в трех адресных источниках, а именно — в стихотворении "The Tyger" (1794) и поэме "Milton" (1804–1810) У. Блейка, а также в текстах Ветхого и Нового завета.

ИТ единица *child* встретилась в шести источниках: афоризмы "There is No Natural Religion" (1788) и "All Religions Are One" (1788), стихотворения "Introduction" (1789), "The Divine Image" (1789) и "The Everlasting Gospel" (1788–1818) У. Блейка; тексты Евангелия от Матфея и от Луки.

Адресные произведения с ИТ единицей *God* составили группу из четырех текстов: афоризмы "All Religions Are One" (1788), стихотворение "The Tyger" (1794), поэмы "Visions of the Daughters of Albion" (1793) и "The Everlasting Gospel" (1788–1818).

4. Анализ контекстных значений интертекстуальных единиц *Lamb*, *child*, *God* в указанных адресных текстах.

Для удобства разобьем анализ каждой ИТ единицы на два этапа: анализ ИТ единиц адресных текстов, написанных У. Блейком (автотекстуальность), и исследование текстов, написанных другим авторами (интекстуальность). Единиц пара- и архитекстуальности в рамках базового поэтического текста "The Lamb" обнаружено не было.

4.1. Интертекстуальная единица Lamb.

ИТ единица *Lamb* вступает в межтекстовую связь с адресными ИТ единицами, выраженными идентичным существительным *lamb* в других произведениях У. Блейка.

4.1.1. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *Lamb* в адресных поэтических текстах "The Tyger" и "Milton".

Автотекстуальная самоаллюзия *Lamb* к стихотворению "The Tyger" встречается в четвертой строке пятой строфы этого стихотворения:

<...> Did *he* smile *his* work to see? Did *he* who made *the Lamb* make *thee?* <...> [Blake, 2004, p. 125].

<...> Он улыбался, когда видел *свое* творение? Он, кто создал *Агнца*, создал и *тебя*? <...>

Представленный текстовый фрагмент содержит вопросы, адресованные творцу, выраженному личным местоимением *he*, которое уже встречалось в этом смысле в базовом произведении "The Lamb". Местоимение *thee* относится к существительному *tyger* (*muzp*), что вносит смысловую нелинейность в сравниваемые У. Блейком поэтические образы *Lamb* и *Tyger*. Тематическая сопряженность этих образов, а также произведений, из которых они взяты, проявляется на уровне предложения, порядка слов, используемой лексики:

Little Lamb who made thee <...> [Blake, 2004, p. 106].

И

<...> Did he who made the Lamb make thee? <...> [Ibid., p. 125].

Представленные фрагменты имеют схожую вопросительную структуру. Автор выражает непонимание, почему у агнца и тигра один творец — he. Предложение Did he who made the Lamb make thee? является самоаллюзией к строкам базового поэтического текста "The Lamb", согласно которым агнца сотворил Бог. Делаем вывод, что в стихотворении "The Tyger" речь идет о том же Боге, что и в базовом тексте "The Lamb". Таким образом, личное местоимение thee и существительное tyger противопоставляются ИТ единице Lamb. Противопоставление прослеживается на лексическом уровне обоих произведений. В поэтическом тексте "The Lamb" при характеристике агнца автор использует лексические единицы, словарные значения которых вызывают у реципиента ассоциации спокойствия, жизни, радости, духовной чистоты, христианской любви: существительные life (жизнь), feed (пища), stream (ручей), mead (мед), delight (восторг), словосочетание wooly bright (яркая шерсть), глагол to rejoice (радоваться).

Tyger Tyger, burning bright,
In the forests of the night;
What immortal hand or eye,
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies *Burnt the fire* of thine eyes? On what wings dare he aspire? What the hand, dare seize the fire?

And what shoulder, & what art, Could twist the *sinews* of thy heart? And when thy heart began to beat, What dread hand? & what dread feet?

What the hammer? what the chain, In what *furnace* was thy brain? What the *anvil?* what *dread grasp*, Dare its *deadly terrors clasp!*

When the stars threw down their *spears* And water'd heaven with their tears: Did he smile his work to see? Did he who made the Lamb make thee?

Tyger Tyger burning bright,
In the forests of the night:
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?
[Blake, Electronic resource].

Тигр, Тигр, *горящий ярко* В ночных лесах;
Чья бессмертная рука или глаз
Могли создать твою *ужасающую симметрию?*

В каких далеких глубинах или небесах Зажегся огонь твоих глаз? На каких крыльях он посмел взлететь? Какой рукой посмел схватить огонь?

Чье плечо и чье мастерство Могли скругить *сухожилия* твоего сердца? И когда твое сердце начало биться, Чьей *ужасной рукой и ногами*,

Чьим молотом, чьей цепью, В чьей *печи* был создан твой разум? На чьей *наковальне?* Кто ужасной *хваткой* посмел *сжать ужасы* твоего разума!

Когда звезды метнули свои колья, А небеса залились слезами: Он улыбался своей работе? Он, кто создал Агнца, создал и тебя? Тигр, Тигр, *горящий ярко*В ночных лесах;
Какая бессмертная рука или глаз
Могли создать твою *ужасающую симметрию*?

У. Блейк противопоставляет лексемы, характеризующие образ *Tyger*, лексемам, описывающим образ *Lamb*. Тигр ассоциируется поэтом с огнем, страстью, мощью, страхом, ужасом, ночью. Рассмотрим некоторые противопоставления: wooly bright (яркая шерсть) — burning bright (горящий ярко), stream, mead (ручей, мед) — furnace, anvil (печь, наковальня как противопоставление зарождающейся индустриализации в Лондоне метафорически одушевленной природе), life (жизнь) — terrors (ужасы) etc.

В поэтическом тексте "The Tyger" прослеживаются качества творца Агнца и Тигра, свидетельствующие о его вечном существовании, могуществе и деспотизме. Они выражены словосочетаниями *immortal hand or eye* (бессмертная рука или глаз), dread hand (ужасная рука) etc.

Рассматривая образы Lamb, Tyger и he в интерконтексте произведений "The Lamb" и "The Tyger", становится понятно, почему У. Блейк задает вопрос Did he who made the Lamb make thee (Он, кто создал Агнца, создал и тебя)? Поэт хочет получить ответ, зачем Бог создал Агнца (свет, природу, чистоту, любовь) и его противоположность — Тигра (гнев, страсть, огонь, ночь, нечто неприродное, искусственное). Таким образом, адресное стихотворение "The Tyger" выражает идею дуализма: Тигр и Агнец противопоставлены друг другу У. Блейком так же, как им противопоставлены два библейских аспекта сущности Бога: деспотизм и любовь.

Оба стихотворения "The Lamb" и "Tyger" написаны хореем, что в совокупности с высокой частотностью аллитерации (little Lamb, He is meek & he is mild; Tyger, Tyger, burning bright etc.) подчеркивает взаимосвязь этих произведений также и на фоническом уровне. Ритм рассматриваемых текстов

создает эффект биения сердца, ощущения жизни, силы: And when thy heart began to beat (и когда начало биться твое сердце).

У. Блейк в период становления своих взглядов выделял два аспекта человеческого существа: поэтический (пророческий) аспект и философский (опытный). Об этом свидетельствует вывод, сформулированный поэтом в части a его афоризмов "There is No Natural Religion":

- <...> Conclusion. If it were not for the Poetic or Prophetic character, the Philosophic & Experimental would soon be at the ratio of all things, & stand still, unable to do other than repeat the same dull round over again <...> [Blake, 2004, p. 75].
- <...> Выводы. Не обладай человек поэтическим или пророческим даром, философия и эмпирические науки были бы сведены к изучению одних лишь материальных объектов и вскоре остановились бы в своем развитии, неспособные ни на что иное, кроме бесконечного повторения одних и тех навязших на зубах истин <...> [Чухно, Электронный ресурс].

Воображение (по У. Блейку — способность человека воспринимать действительность без участия органов чувств) противопоставляется опыту (восприятию действительности органами чувств и осмысление полученной информации) [Blake, 2004, р. 75] или, в сформированной мифологии У. Блейка, причине (блейковский термин reason), шире — рационализму. Данное аспектное разграничение человека легло в основу синтеза двух поэтических сборников У. Блейка "Songs of Innocence" и "Songs of Experience", получившего название "Songs of Innocence & of Experience Shewing the Two Contrary States of the Human Soul" (Песни невинности и опыта, показывающие два противоположенных состояния человеческой души) (1794). Ключевыми символами объединенного сборника выступили образы Lamb (символ поэтического начала) и Tyger (символ опытного начала).

ИТ единица *Lamb*, представленная в фрагменте из поэмы "Milton", является интекстуальной цитацией Евангелия от Иоанна (см. п. 4.1.2) [от Иоанна 1:29]:

<...> And was *the holy Lamb of God*On England's pleasant pastures seen <...> [Blake, 2004, p. 514].

<...> И видели *святого Агнца Божьего* На славных пастбишах Англии? <...>

Лексема *Lamb* стоит в эксплицитном контексте, который дает нам новое значение рассматриваемого образа: Агнец Божий — Иисус Христос.

Принципиальным для результатов проделанного анализа является фиксация семантики противоположенных образов *Lamb* и *Tyger*. Это позволяет расширить смысловой комплекс базовой ИТ единицы *Lamb* (Агнец как символ света, природы, чистоты, любви, поэтического начала).

Удалось установить авотекстуальную связь между базовой ИТ единицей *God* и доминантой *he* адресного стихотворения "The Tyger". Особенности этой взаимосвязи будут обсуждаться в п. 4.3 настоящего анализа.

- 4.1.2. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *Lamb* в адресных текстах Ветхого и Нового завета.
- В п. 3.1.1. отмечалось, что ИТ единица *Lamb* встречается в книге Исаии, Евангелии от Иоанна, первом соборном послании Петра, Откровении Иоанна Богослова. С христианской точки зрения, в текстах Ветхого завета присутствуют фрагменты, которые тем или иным способом проспективно отсылают к приходу в мир Иисуса Христа. Так, в книге пророка Исаии встречаем следующие строки:

<...> 7 He was oppressed and afflicted, yet he did not open his mouth; *he was led like a lamb* to the slaughter, and as a sheep before its shearers is silent, so he did not open his mouth <...> [Isaiah 53:7].

<...>7 Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих <...> [Исаия 53:7].

Иоанн Креститель прямо характеризует Иисуса Христа как агнца (Божьего):

<...> 29 The next day John saw Jesus coming toward him and said, "Look, the Lamb of God, who takes away the sin of the world!" <...> [John 1:29].

<...> 29 На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира <...> [от Иоанна 1:29].

Случаев подобных интертекстуальных включений в текстах Ветхого и Нового завета (английской версии) насчитывается порядка сорока. Их контекст эксплицитен. Образ Агнца понимается всегда одинаково: Иисус Христос — Бог. Учитывая, что творческий путь У. Блейка пропитан христианскими идеями (в той или иной форме), связь базового стихотворения "The Lamb" с библейскими текстами представляется логичной. В результате наблюдается динамика смыслового комплекса базовой ИТ единицы Lamb, которую можно представить следующим семантическим рядом: ягненок — агнец, которого создал Бог; ягненок — агнец Божий — Иисус Христос — Бог — творец агнца.

Интертекстуальных отсылок к «новым» адресным текстам (кроме взаимосвязанных ссылок внутри библейских текстов, которые всегда трактуются эксплицитно) обнаружено не было.

4.2. Интертекстуальная единица *child*.

Основными типами межтекстовых отношений ИТ единицы child выступают интекстуальность, позволяющие ей вступать авто-И в межтекстовую связь с подобными и идентичными единицами адресных текстов. Лексема child как подобная текстовая единица является автотекстуальной самоаллюзией к произведениям У. Блейка, в которых наблюдается идея богоподобия (ребенок — воплощенный Иисус). В новозаветных Евангелиях английской версии идентичная текстовая единица, выраженная существительным child, которым обозначается Иисус Христос, встречается 20 раз: 10 у Матфея [от Матфея 1–3], 10 у Луки [от Луки 1].

4.2.1. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *child* в адресных текстах "There is No Natural Religion", "All Religion Are One", "Introduction", "The Divine Image" и "The Everlasting Gospel".

В базовом поэтическом тексте "The Lamb" (Агнец) смысловой комплекс ИТ единицы *child* представлен многоаспектно, полиинтерпретативно. В шестнадцатой строке читаем слова: He became a little child (Он стал **ребенком**). Личным местоимением *he* У. Блейк обозначает творца — Бога. В следующей строке той же строфы находим: I a child & thou a lamb (я **ребенок**, а ты — агнец). Этот фрагмент стихотворения "The Lamb" является примером иерархичности смыслового комплекса ИТ единицы *child*. На уровне авторского замысла У. Блейк «наделяет» образ *child* божественными свойствами, а в следующей строке наблюдается процесс эмерджентного преобразования, в результате которого уровень авторского замысла приобретает новые смыслы: я — дитя — Бог. Таким образом, семантика ИТ единицы *child* в анализируемом тексте существенно отличается от словарного значения 'ребенок', поскольку это слово становится знаком, за которым закреплен широкий образ богоподобного человека. В этом смысле ИТ единица child (как образ Христа) является самоаллюзией к тематически подобным ей образам богоподобного человека, представленным местоимениями he (он), we (мы) и словосочетанием the True man (настоящий Человек) поэтических текстов У. Блейка "There is No Natural Religion" и "All Religions Are One".

В тексте "There is No Natural Religion" находим строки:

<...> He who sees the Infinite in all things sees God. He who sees the Ratio only sees himself only. Therefore God becomes as we are, that we may be as he is <...> [Blake, 2004, p. 75].

<...> Тот, кто видит во всем бесконечное, видит Бога. Тот, кто видит во всем только рациональное, видит только себя. Из этого следует, что Бог становится таким, каковы мы сами, для того, чтобы мы получили возможность стать такими, каков Oh <...>.

Идея человеческого богоподобия берет начало в ветхозаветной книге Бытия и является одной из главных тем творчества У. Блейка. В данном примере затрагивается противопоставление поэтического начала в человеке рациональному:

- <...> He who sees the Ratio only sees himself only <...> [Blake, 2004, p. 75].
- <...> Тот, кто видит во всем только рациональное, видит одного лишь себя <...>.

Таким образом, богоподобие, по У. Блейку, заключается в творческом, поэтическом начале человека. В поэтическом тексте "All Religions Are One" читаем следующее:

- <...> The true Man is the source he being the Poetic Genius <...> [Blake, 2004, p. 77].
- <...>Источником является Человек Поэтический Гений <...>.

Другой иллюстрацией идеи богоподобия служит восемнадцатая строка базового стихотворения "The Lamb":

- <...> We are called by his name <...> [Blake, 2004, p. 106].
- <...> Hac зовут *его именем* <...>.

Автотекстуальная связь базовой ИТ единицы *child* с тематически подобными ей единицам *he, we, man* текстов У. Блейка "All Religions are One" и "There is No Natural Religion" открывает новые контекстные значения анализируемой лексемы, а именно — 'ребенок-Бог', 'ребенок', 'подобный Богу'; 'Человек-Бог'; 'Человек, подобный Богу'. Именно эти контекстные

значения выступают важнейшими элементами авторской мифологии У. Блейка, а не лежащие на поверхности значения ИТ единицы *child*: 'ребенок', 'духовная чистота', 'невинность'.

Отметим, что в качестве адресных текстов рассматриваются именно "All Religions are One" (1788) и "There is No Natural Religion" (1788), поскольку хронологически они предшествуют поэтическому сборнику "Songs of Innocence" (1789), в который включен базовый поэтический текст "The Lamb", следовательно, являются его прототекстами.

При исследовании адресного текста "All Religions Are One" обнаруживаются новые контекстные значения ИТ единицы *God*. В данном случае речь идет не о Боге-любви или Боге-деспоте, а о *Poetic Genius* (Поэтическом Гении), тесно переплетенном с образом человека, а иногда тождественном ему:

- <...> the Poetic Genius is the true Man. And that the body or outward form of Man is derived from the Poetic Genius <...> [Blake, 2004, p. 77].
- <...> Поэтический Гений истинный человек. Тело или внешний облик Человека происходит от Поэтического Гения <...>.

И

- <...> The Religions of all Nations are derived from each Nations different reception of the Poetic Genius which is everywhere call'd the Spirit of Prophecy <...> [Blake, 2004, p. 77].
- <...> Религии всех Народов возникают от различий в восприятии Народами Поэтического Гения, которого везде называют Духом Пророчества <...>.

Рассматривая поэтический текст "Introduction" (Вступление) в качестве адресного текста, следует обратить внимание на контекстное значение доминанты *child*, являющееся схожим с рассмотренным выше значением 'дитя' — 'Бог'.

Piping down the valleys wild,
Piping songs of pleasant glee,
On a cloud I saw a child,
And he laughing said to me <...> [Blake, 2004, p. 104].

Я играл на дудочке в диких долинах, Играл песни наслаждения и ликования. На облаке я увидел дитя, И оно, смеясь, сказало мне <...>.

Выделенная лексема *child* поставлена автором в имплицитный контекст, поскольку может иметь несколько интерпретаций. Общим для всех возможных трактовок является божественная природа ребенка. Учитывая контекст базового поэтического текста "The Lamb", доминанту *child* можно определить значением 'Бог' или, ссылаясь на распространенный общекультурный образ, охарактеризовать ее контекстным значением 'ангел' (в библейском варианте — *Ангел*).

Поэтический текст "The Divine Image" — следующий адресный текст, который содержит важный для анализа контекст. Рассмотрим его вторую строфу:

```
<...> For Mercy, Pity, Peace, and Love, Is God our Father dear; And Mercy, Pity, Peace, and Love, Is man, His child and care <...> [Blake, 2004, p. 111].

<...> Поскольку Прощение, Сострадание, Мир и Любовь — Наш дорогой Бог-Отец.
Прощение, Жалость, Мир и Любовь — Человек, Его ребенок, о котором Он заботится <...>.
```

Учитывая христианскую тематику указанного отрывка, контекст лексемы *child* является эксплицитным: У. Блейк ясно дает понять, что образ человека, выраженный существительным *man*, тождественен образу ребенка, поскольку человек, согласно анализируемому фрагменту, — дитя Бога. На это

указывает притяжательное местоимение His, обозначающее объект God (об свидетельствует факт написания данного местоимения работах У. Блейка с прописной буквы, КТОХ В ЭТО не является образом, У. Блейк закономерностью). Таким развивает заложенные в рассмотренных выше философских афоризмах All Religions are One и There is No Natural Religion основы авторской мифологической концепции.

Итак, смысловой комплекс ИТ единицы *child* включает семантику блейковских образов: *ребенок, человек* и *Бог*, — которые, согласно представленным выше контекстам, тождественны. Рассматриваемый фрагмент затрагивает тему богоподобия, отождествляя образ человека через инфинитивную форму глагола *to be (быть)* с абстракциями, обозначенными существительными *Mercy (Прощение)*, *Pity (Сострадание)*, *Peace (Мир)* и *Love (Любовь)*.

В отрывке адресного поэтического текста "The Everlasting Gospel" У. Блейк отождествляет образ, обозначенный ИТ единицей *child*, с образом Иисуса Христа:

<...> Was *Jesus* Humble or did he Give any Proofs of Humility When but a Child he ran away And left his Parents in Dismay <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> Христос был Смиренным или он Дал повод считать себя Покорным, Когда *Ребенком* убежал, Оставив своих Родителей в Смятении <...>.

Представления У. Блейка о человеке выходят далеко за обозначенные границы. В этом можно убедиться, ознакомившись с последней пророческой книгой поэта "Jerusalem" (Иерусалим), наиболее полно раскрывающей его сложные поэтические образы человека и Бога. Частично данная многоуровневая система представлена У. Блейком в произведениях "The

Маггіаде of Heaven and Hell" (Бракосочетание Рая и Ада) (1791), "Visions of the Daughters of Albion" (Видения дочерей Альбиона) (1793), "America" (Америка) (1793), "Europe" (Европа) (1794), "The Book of Urizen" (Книга Уризена) (1794), "The Song of Los" (Песнь Лоса) (1795), "The Book of Ahania" (Книга Агании) (1795), "The Book of Los" (Книга Лоса) (1795), "Vala, or the Four Zoas" (Вала, или Четыре Зоа) (1797) и, наконец, "Jerusalem" (Иерусалим) (1802–1820) [Вlake, 2004]. На данном этапе анализа остановимся на идеях У. Блейка о человеке, прямо связанных со смысловым комплексом ИТ единицы *child*.

Для У. Блейка сущее является следствием работы воображения (поэтического, божественного начала) человека. Человек в словарном значении не то же самое, что человек в понимании У. Блейка. В поэме "Jerusalem" говорится о Eternal Man (Вечном Человеке) — гиганте Альбионе, который был единым бессмертным существом, олицетворяющим все человечество. Термин единый в мифологической системе У. Блейка следует понимать как 'бесполый' и 'неразделенный на аспекты'; при этом поэт подразумевает четыре аспекта: reason (причина), passion (страсть), sensitivity (чувства), instinct (инстинкт). Из-за падения Альбиона до Selfdhood (состояние Самости) аспекты отделяются как друг от друга, так и от Вечного Человека И в результате становятся самостоятельными сущностями — четырьмя Зоа, воюющими друг с другом и одновременно с Альбионом: причина — Urizen (Уризен), страсть — Luvah ($\Pi v в a$), чувства — Tharmas (Тармас), инстинкт — Urthona (Уртона) [Blake, 2004, р. 635]. На основе описанной мифологической модели строится развитие Конечная дальнейших представлений У. Блейка о человеке. цель существования мира и человечества представляется поэту в объединении четырех Зоа в каждом человеке, в результате чего он (человек) вернется к гармоническому существованию и сможет называться Человеком, Вечным Человеком, Альбионом.

4.2.2. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *child* в адресных текстах Евангелия от Матфея и от Луки.

Контекст фрагментов Нового завета, в который помещена базовая ИТ единица *child*, является эксплицитным: *дитя* — *Иисус Христос* — *Бог*.

- <...> 21 when eight days were accomplished for *the circumcising of the child, his name* was called JESUS, which was so named of the angel before he was conceived in the womb <...> [Luke 2:21].
- <...>21 По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве <...> [от Луки 2:21].

Благодаря эксплицитной лексеме *child* фрагмента Евангелия реализуется признак эмерджентности поэтического текста. Контекстное значение существительного *child* указанного примера выступает отправной точкой, которая позволяет этой же единице *child* базового стихотворения "The Lamb" расширить смысловой комплекс: дитя — Иисус Христос (*He became a little child* [Blake, 2004, p. 106]) — Бог (*God bless thee*) — человек — дитя — я (*I a child*) — мы (*We are called by his name* [Ibid.]).

4.3. Интертекстуальная единица God.

Интертекстуальные связи лексемы *God* базового поэтического текста "The Lamb" с адресными произведениями реализуются через признак подобия. В рамках мифологической системы У. Блейка подобие можно сравнить с денотативным качеством текстовой единицы. Образ *God* имеет разные контекстные значения (Бог Уризен в поэме "Visions of the Daughters of Albion"; Иисус Христос в поэме "Everlasting Gospel"), которые выражают образ Бога или аспекты этого образа.

Еще раз отметим, почему рассматриваются именно эти адресные тексты. Основным критерием выбора является вариативность контекстных значений доминанты *God*, а также идентичных и подобных ей текстовых единиц. Чем больше адресных текстов, в которых контекстные значения анализируемой

лексемы отличаются от контекстного значения той же лексемы в базовом поэтическом тексте, тем проще фиксировать динамику смыслового комплекса этой лексемы. Если рассмотреть все адресные тексты, содержащие образ *God*, то мы, ввиду общеупотребительного характера этого существительного, столкнемся с высокой повторяемостью данного образа и его смысла. Именно поэтому при выборке адресных текстов приоритетна вариативность контекстных значений анализируемой лексемы, а также соответствие адресного текста тематике и концепции базового стихотворения.

4.3.1 Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *God* в адресных текстах "Visions of the Daughters of Albion" и "Everlasting Gospel".

В п. 4.2.1 рассматривался образ человека, а также обсуждались аспекты Вечного Человека, среди которых были выделены разум и его воплощение — Уризен (Urizen). По мнению У. Блейка, Уризен является творцом мира и человека. Эта идея высказана эксплицитно в адресном тексте "Visions of the Daughters of Albion":

<...> O Urizen! Creator of men! mistaken Demon of heaven <...> [Blake, 2004, p. 196].

<...> О, Уризен! Творец людей! Заблудший демон небес <...>.

В представлениях У. Блейка Уризен замещает библейского Бога-творца, олицетворяя рационализм, закон, деспотизм. Этот образ встречался выше в ходе анализа поэтического текста "The Tyger". В результате было установлено, что Бог — творец и Агнца, и Тигра. Это является противоречием, поскольку Бог, создавший Агнца — позитивная фигура, а Бог, создавший Тигра — негативный образ. Апеллируя к мифологии У. Блейка, данное противоречие представляется неотъемлемым элементом общей концепции, позволяющим прийти к пониманию того, что Бог-Уризен (творец Тигра) и Бог – Иисус Христос (блейковский Лос, происходящий от Зоа Уртоны, творец

Агнца и одновременно Агнец, образ поэтического начала в человеке, его воображения, который постепенно был синтезирован поэтом с фигурой евангелического Иисуса Христа) — аспекты Вечного Человека Альбиона. Таким образом, можно говорить о многоуровневой семантической структуре, которая при пристальном наблюдении лишена противоречий, поскольку все олицетворяющие человеческие аспекты, быть сущности, не ΜΟΓΥΤ реализованы без самого человека, а человек, по мнению У. Блейка, стремится к согласию, гармонии с самим собой и своими аспектами с тем чтобы вернуться к блаженному состоянию единого Вечного Человека Альбиона. Таким образом, понятие Бога и человека в мировоззренческой концепции У. Блейка, рассмотренные на примере базовых ИТ единиц God и child, относятся больше к психическим аспектам человеческой личности, чем к вере или религии.

Рассмотрим контекст фрагмента другого адресного текста У. Блейка под названием "The Everlasting Gospel":

<...> Was Jesus Humble or did he
Give any Proofs of Humility
When but a Child he ran away
And left his Parents in Dismay <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> Христос был Смиренным или он Дал повод считать себя Покорным, Когда *Ребенком* убежал, Оставив своих Родителей в Смятении <...>.

В приведенном примере У. Блейк ставит под сомнение принципиально важное качество евангелического Иисуса Христа — смирение. В поэтическом тексте "The Everlasting Gospel" автор приводит схожие фрагменты, имеющие вопросительную структуру:

<...> Was Jesus Born of a Virgin Pure With narrow Soul & looks demure <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> Был ли Иисус рожден от Девы С узкой Душой, которая выглядит кротко <...>.

ИЛИ

<...> Was Jesus Chaste or did he Give any Lessons of Chastity <...> [Ibid.].

<...> Был ли Иисус Целомудрен или он Давал уроки Целомудренности <...>.

И

<...> Was Jesus gentle or did he Give any marks of Gentility <...> [Ibid.].

<...> Был ли Иисус учтив или он Показывал признаки Учтивости <...>.

В данных текстовых фрагментах поэт задает вопрос, действительно ли Иисус Христос был humble (смиренным), родился от Virgin Pure (Девы), был chaste (целомудренным). В этом смысле Иисус Христос У. Блейка противопоставлен Иисусу Христу евангелическому, поскольку поэт изображает Иисуса не как Бога или Бога-человека, а как человека. Таким образом, Иисус по У. Блейку является Богом (символом воображения, творчества, поэтического начала в человеке) и одновременно человеком (образом протеста, революции, нежелания подчиняться правилам). Вновь наблюдается дуализм: Иисус (воображение) — противоположность Уризена (рационализма) = Агнец-любовь — противоположность Тигра-гнева; и Иисус, и Уризен являются частями, аспектами человеческой личности.

В п. 4.3 рассматриваются только два адресных текста, т. к. в предыдущих пунктах, а именно — в п. 4.1.1 и п. 4.2.1 были разобраны дополнительные

контекстные значения ИТ единицы God: Бог-деспот в стихотворении "The Tyger"; Бог – Поэтический Гений в поэтическом тексте "All Religions Are One".

5. Синтез контекстных значений.

Подведем итоги контекстуального анализа межтекстовых отношений исследуемых ИТ единиц базового поэтического и адресных текстов. Далее будут учитываться только те контекстные значения, которые были освещены в ходе представленного анализа. Мнения исследователей творчества У. Блейка или информация, касающаяся творчества поэта, выходящая за пределы рассмотренных текстов, обсуждаться не будет. Результаты синтеза контекстных значений представлены в сводных таблицах (см. ниже).

5.1. Контекстные значения интертекстуальных единиц в рамках базового поэтического текста "The Lamb" и адресных произведений.

Тезисно систематизируем результаты анализа п. 2–4.

- 5.1.1. Контекстные значения интертекстуальной единицы Lamb.
- (1) Базовый поэтический текст (далее ПТ) "The Lamb" (1789) 'ягненок', 'Бог' (ИТ единица₁; далее ИТ₁).

Автотекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "The Tyger" (1794) 'поэтическое начало в человеке' (ИТ $_2$).
- (3) ПТ "Milton" (1810) 'Иисус Христос' (ИТ₃).

Интекстуальный тип связи:

(4) Тексты Ветхого и Нового завета — 'Иисус Христос' (ИТ₄).

Из указанного материала видно, что значения п. 3 и 4 идентичны. В дальнейшем не будет учитываться именно п. 3, т. к. библейские тексты играют роль прототекстов по отношению к фрагменту из поэмы "Milton", который в этом смысле копирует их контекстное значение.

5.1.2. Контекстные значения интертекстуальной единицы child.

- (1) Базовый ПТ "The Lamb" (1789) 'ребенок', 'Бог' (ИТ₁). Автотекстуальный тип связи:
 - (2) ПТ "There is No Natural Religion" (1788) 'богоподобный человек' (ИТ₂).
 - (3) ПТ "All Religions Are One" (1788) 'богоподобный человек' (ИТ₃).
 - (4) ПТ "Introduction" (1789) 'ребенок', 'ангел', 'Бог' (ИТ₄).
 - (5) ПТ "The Divine Image" (1789) 'ребенок (человек) = Бог' (ИТ₅).
 - (6) ПТ "Jerusalem" (1804) 'Вечный Человек Альбион' (ИТ₆).
- (7) ПТ "The Everlasting Gospel" (1818) 'Иисус Христос' (ИТ₇). Интекстуальный тип связи:
 - (8) Тексты Евангелия от Матфея и от Луки 'Иисус Христос' (ИТ₈).

Значение, представленное в п. 2 и 3, а также в п. 7 и 8, идентичны. Не будем учитывать п. 4, т. к. хронологически поэтический текст "There is No Natural Religion" написан раньше, чем "All Religions Are One"; не будем учитывать п. 7, т. к. поэма "The Everlasting Gospel" является метатекстом по отношению к текстам Евангелия.

- 5.1.3. Контекстные значения интертекстуальной единицы единицы *God*.
- (1) Базовый ПТ "The Lamb" (1789) 'милосердие', 'забота', 'невинность', 'любовь' (ИТ $_1$).

Автотекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "All Religions Are One" (1788) 'Поэтический Гений' (ИТ₂).
- (3) ПТ "Visions of the Daughters of Albion" (1793) 'Уризен, символ рационализма' (ИТ₃).
 - (4) ПТ "The Tyger" (1794) 'закон', 'суровость', 'деспотизм' (ИТ₄).
- (5) ПТ "The Everlasting Gospel" (1818) 'Иисус Христос Бог как символ поэтического начала'; 'Иисус Христос человек как символ иррационализма, протеста, революции' (ИТ₅).

5.2. Зависимость динамики смыслового комплекса анализируемой интертекстуальной единицы от контекста употребления.

Обозначив контекстные значения анализируемых ИТ единиц каждого из рассмотренных текстов, представим результаты анализа в виде сводной таблицы (для удобства будем работать с присвоенными в п. 5.1 порядковыми номерами: ИТ₁, ИТ₂, ИТ₃ etc.).

ИТ Lamb	Базовый ПТ "The Lamb"	контекстные значения адресных текстов / тип ИТ связи		
		автотекстуальность	интекстуальность	
		ПТ "The Tyger"	Тексты Ветхого и Нового завета	
ИТ1	ягненок, Бог			
ИТ2		поэтическое начало		
ИТ3			Иисус Христос	

В таблице 6 представлена вариативность смыслового комплекса рассматриваемой ИТ единицы Lamb базового поэтического текста "The Lamb". Пустые ячейки таблицы (пересечение ИТ $_2$ – ПТ "The Lamb"; ИТ $_3$ – ПТ "The Lamb") выражают потенциально возможные, дополнительные, импровизированные варианты контекстных значений образа Lamb, которые способны реализоваться только через интерконтекстуальные взаимодействия рассматриваемой лексемы с подобными или идентичными ей лексемами адресных текстов.

 Таблица 7

 Синтез контекстных значений интертекстуальной единицы Lamb

	ИТ Lamb	Базовый ПТ "The Lamb"	контекстные значения адресных текстов / тип ИТ связи		
			автотекстуальность	интекстуальность	
			ПТ "The Tyger"	Тексты Ветхого и	
				Нового завета	
ИК связь	VT_1	ягненок, Бог			
	ИТ2	поэти			
	ИТ3	Иисус Христос			

ИТ единица *Lamb* вступает в интерконтекстуальные отношения с адресным стихотворением "The Tyger" и библейскими текстами, заимствуя их контекстные значения. В результате актуализируется динамика смыслового комплекса анализируемой ИТ единицы: лексема *Lamb* определяется сразу тремя значениями (два из которых — несловарные) в рамках одного контекста базового поэтического текста "The Lamb". Связность произведения при этом сохраняется. Данный феномен фиксирует расширение семантики ИТ единицы *Lamb*: образ *ягненок* становится символом поэтического начала в человеке, отождествляется с Иисусом Христом.

Рассмотрим особенности динамики смыслового комплекса ИТ единицы *child* на примере таблицы 8 (таблица указана с учетом объединенных контекстных значений ИТ единиц адресных текстов с базовым поэтическим текстом, см. таблицы 7 и 6):

 Таблица 8

 Синтез контекстных значений интертекстуальной единицы child

ИТ	Базовый ПТ	контекстные значения адресных текстов / ти	значения адресных текстов / тип ИТ связи		
child "The Lamb"	автотекстуальность	интекстуальность			

			IIT "There is No Natural Religion"	ПТ "Introduction"	ПТ "The Divine Image"	ПТ "Jerusalem"	Тексты Евангелия от Матфея и от Луки
	ИТ1	ребенок, Бог					
	ИТ 2	человек подо	бен Богу				
ИК	ИТ 3	ребенок, ангел, Бог					
связь	ИТ 5	ребенок (человек) = Бог					
	ИТ 6	Вечный Человек Альбион					
	ИТ 8	Иисус Христос					

Пять указанных адресных поэтических текстов представлены в хронологическом порядке. Базовое стихотворение указывается первым, затем идет поэтический текст "There is No Natural Religion" — самый ранний из приведенных произведений; завершает адресных список поэма "Jerusalem" — наиболее позднее творение У. Блейка. Евангелические тексты представлены последними, т. к. являются прототекстом. В таблице 8 прослеживается динамика смыслового комплекса ИТ елиницы *child*. Благодаря интерконтекстуальным отношениям с адресными текстами смысл ИТ единицы *child* переходит от образа ребенка к сложному многоаспектному Вечному Человеку, включающему в себя образ Бога. Контекстное значение Иисус Христос объединяет все остальные значения, поскольку выступает в роли прообраза не только по отношению к ИТ единицы *child*, но и к творчеству У. Блейка в целом. Факт того, что лексема *child*, пребывая в имплицитном контексте базового стихотворения "The Lamb", семантически разворачивается в группу адресных текстов и способна заимствовать, вбирать в себя их контекстные значения, не нарушая при этом связности базового произведения, свидетельствует о динамике смыслового комплекса анализируемой ИТ единицы.

Выстроим очередность адресных текстов, содержащих ИТ единицы *God*, в хронологическом порядке. Тексты и феномены общекультурного

характера не буду учитываться, поскольку понятие Бог обсуждается исключительно в рамках творчества У. Блейка и тех источников, на которые ссылался поэт.

	ИТ "God"	Базовый ПТ "The Lamb"	контекстные значения адресных текстов / тип ИТ связи					
			автотекстуальность					
			ПТ "All Religions Are One"	ПТ "Visions of the Daughters of Albion"	ПТ "The Tyger	ПТ "Jerusalem"		
ИК связь	ИТ1	милосердие, забота, невинность, любовь						
	ИТ2	Поэтический Гений						
	ИТ3	творец мира Уризен, символ рационализма						
	ИТ4	воплощение закона, суровости, деспотизма						
	ИТ5	Иисус Христос как символ поэтического начала, иррационализма, протеста, революции				онализма,		

Смысловой комплекс ИТ единицы *God* интересен не только своей общекультурной нелинейностью, но и тем, что смысловой комплекс данной лексемы включает разнообразные контекстные значения: в базовом поэтическом тексте "The Lamb" Бог выражает спокойствие, милосердие, любовь; в адресном стихотворении "The Tyger" — закон и деспотизм; в поэме "Visions of the Daughters of Albion" Богом называется символ рационализма Уризен (вероятно, от *you* — *reason* / *mы* — *причина*). Все перечисленные аспекты присущи Богу У. Блейка и сочетаются поэтом в образе единого Вечного Человека Альбиона (см. п. 4.2.1 и п. 4.3). Из общей канвы выбивается

образ Иисуса Христа, который в поэме "The Everlasting Gospel" (важен факт того, что это произведение было закончено в 1818 г., поэтому является одним из последних творений У. Блейка) выступает в роли идейного революционера, противника Уризена. Образ Христа, являясь самым широким, многоаспектным образом поэзии У. Блейка, определяется им в тех или иных произведениях по-разному.

Проследив формирование философской системы У. Блейка хронологически и убедившись в ее детально проработанном финальном состоянии, можно сделать вывод, что чем дальше адресный текст находится от базового произведения во временном промежутке, тем разнообразнее и многоаспектнее будут контекстные значения ИТ единиц адресного текста.

Между базовой ИТ единицей *God* и прочими ИТ единицами адресных текстов, представленными в таблице, наблюдается интерконтекстуальное взаимодействие. В результате образ *God* определяется одновременно всеми указанными в таблице значениями в рамках базового контекста стихотворения "The Lamb".

Использование представленной модели анализа и синтеза смыслового комплекса ИТ единиц является перспективным способом интерпретации художественного произведения. Анализ строится на выделении доминант в поэтическом тексте, являющихся маркированной/немаркированной единицей интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений, и определении их контекстных значений в базовом и адресных текстах. Критерии выделения единиц анализа строятся на основе феномена имплицитного контекста. К ним относятся узнаваемость, повторяемость, автографичность, конъюнкция контекстных значений, отсутствие контекст-партнера, энигматичность.

Разработанная модель помогает проследить динамику смыслового комплекса ИТ единиц через их интерконтекстуальное взаимодействие с лексемами адресных текстов, которое обеспечивает обмен контекстными значениями между ними. Модель позволяет исследователю проникнуть

глубже в структуру и суть поэтического текста, определить спектр литературных и культурных источников, влияющих на смысл рассматриваемого стихотворения, наблюдать семантическое становление и развитие ключевых образов анализируемого произведения.

5.2. Комплексный анализ поэтического текста Э. Дикинсон "Parting"

Творческий путь Э. Дикинсон (1830–1886) в большей степени остается загадкой для современных исследователей. При жизни поэта было опубликовано только одиннадцать ее стихотворений. Никто из окружения не знал, что Э. Дикинсон пишет стихи. После ее смерти в личных вещах было обнаружено около 1800 рукописей стихов. Одной из главных тем поэзии Э. Дикинсон является тема смерти. Она очень чувствительно реагировала на смерть своих знакомых, немногочисленных друзей и родных, в результате чего стала замкнутым человеком, предпочитающим переписку живому общению.

Отличительными чертами поэтического наследия Э. Дикинсон являются высокая степень энигматичности и архитекстуальности как апелляции к общеизвестным культурным реалиям, понятиям, феноменам. В отличие от поэзии У. Блейка, направленной на понимание, структурирование, описание, мифологизацию основных поэтических тем (смерти, жизни, любови, Бога etc.), поэзию Э. Дикинсон онжом охарактеризовать как чувственную, ассоциативную. Говоря Э. Дикинсон творениях c позишии интертекстуальных отношений, следует отметить, что интекстуальность представлена в творчестве поэта намного меньше, чем автотекстуальность, паратекстуальность и архитекстуальность.

При работе со смысловым комплексом ИТ единиц поэтического текста "Parting" (Разлука) учитывались работы известных исследователей творчества и жизни Э. Дикинсон (К. Г. Вольф, Д. Фус, А. Хэбеггер, Р. Б. Сиола, У. Мартина, Л. Коски). Всего изучено 1777 стихотворений [The Complete

Poems of Emily Dickinson, 1955] и 93 письма Э. Дикинсон [Letters of Emily Dickinson, 1997].

Текст анализа, представленный в данном разделе, является выборкой основных результатов и положений проделанного исследования.

Анализ поэтического текста "Parting" (Разлука)

1. Фрагментация поэтического текста "Parting".

Стихотворение "Parting" (год создания неизвестен) представлено двумя строфами по четыре строки каждая, написанными ямбом (первая и третья строка каждой строфы выполнены тетраметром, вторая и четвертая — триметром). Структура поэтического текста не обнаруживает повторяющихся элементов и является продуманно выстроенным, графически сбалансированным стихотворением. Пунктуация несвойственна стилю Э. Дикинсон, т. к. тире встречается всего один раз за все стихотворение (поэт часто использует тире в своем творчестве). В рамках анализа поэтический текст "Parting" рассматривается в полном объеме.

- 1 My life closed twice before its close —
- 2 It yet remains to see
- 3 If *Immortality* unveil
- 4 A third event to me
- 5 So huge, so hopeless to conceive
- 6 As these that twice befell.
- 7 Parting is all we know of heaven,
- 8 And all we need of hell [Dickinson, 1955, p. 702].

Моя жизнь закончилась дважды раньше времени.

Остается посмотреть,

Устроит ли Бессмертие

Для меня и третье такое событие.

Едва ли можно понять,

Как это могло случиться дважды.

Разлука — все, что нам известно о рае,

И все, что нам нужно от ада.

- 2. Вычленение доминант поэтического текста "Parting" сводится к определению типа используемых в произведении контекстов (эксплицитный ∨ имплицитный). В случае, если контекст имплицитный, доминанта вычленяется по следующим критериям:
 - узнаваемость;
 - повторяемость;
 - автографичность;
 - конъюнкция контекстных значений;
 - отсутствие контекст-партнера;
 - энигматичность.
- 2.1. Определение типа контекстов поэтического текста "Parting".

Первая строфа анализируемого произведения насчитывает три случая имплицитного контекста. Первая строка стихотворения является афоризмом, выражающим открытую для интерпретации мысль: *My life closed twice before it close (Моя жизнь закончилась дважды раньше времени)*.

(Бессмертие) Контекст существительного *Immortality* также имплицитный. Отметим, *Immortality* — единственная что лексема которая написана Э. Дикинсон с прописной стихотворения, буквы. Полиинтерпретативность выделенного существительного обусловлена его архитекстуальной природой: образ бессмертие, вечная жизнь, подобно рассмотренному выше образу Бог, является отсылкой к общекультурным понятиям (см. анализ "The Lamb" У. Блейка, раздел 5.1). Контекстное значение Immortality базового стихотворения "Parting" сводится к варианту словарных значений существительного бессмертие — 1. The ability to live forever; eternal life. 2. The quality of deserving to be remembered for a long time; timelessness. [Oxford Living Dictionary, Electronic resource] (1. Способность жить вечно; вечная жизнь. 2. Качество, благодаря которому кого-то или что-то помнят долгое время; вневременная актуальность).

Контекстное значение словосочетания третьей строки *third event* (третье событие) напрямую зависит от варианта контекстного значения афоризма *My life closed twice before it close*, который, как было отмечено выше, открыт для интерпретации. Таким образом, оба образа семантически взаимозависимы. Они находятся в имплицитном контексте.

Вторая строфа поэтического текста "Parting" включает афоризм, стоящий в имплицитном контексте: Parting is all we know of heaven, and all we need of hell (Разлука — все, что нам известно о рае, и все, что нам нужно от ада). Поэзии Э. Дикинсон свойственны афоризмы и энигматические образы. Без дальнейшего интертекстуального анализа определить аспекты смыслового комплекса выделенного фрагмента не представляется возможным, т. к. он включает сразу три открытых полиинтерпретативных существительных parting (разлука), heaven (рай) и hell (ад). На данном этапе ограничимся базовыми словарными значениями указанных существительных: parting — The action of leaving or being separated from someone [Oxford Living Dictionary, Electronic resource] (Жизнь без кого-то или разлука с кем-то); heaven — A place regarded in various religions as the abode of God (or the gods) and the angels, and of the good after death, often traditionally depicted as being above the sky [Ibid.] (Место, традиционно помещающееся многими религиями над небом и отождествляющееся ими с обителью Бога (или богов) и ангелов, а также блаженства, приходящего после смерти); hell - A place regarded in various religions as a spiritual realm of evil and suffering, often traditionally depicted as a place of perpetual fire beneath the earth where the wicked are punished after death [Ibid.] (Место, традиционно отождествляющееся многими религиями с духовным миром зла и страдания и помещающееся ими под землю. Представляет собой обитель вечного огня, где грешники несут наказание после смерти).

Остальные текстовые единицы, встречающиеся в поэтическом тексте "Parting", стоят в эксплицитном контексте, т. к. являются однозначными

логическими связками между открытыми для интерпретации фрагментами стихотворения: It yet remains to see (остается посмотреть); характеризуют, подчеркивают, поясняют имплицитные образы произведения эпитетами huge (огромный), hopeless (безнадежный), наречиями twice (дважды), so (так), союзами as (как), yet (еще не, все еще), местоимениями all (все), it (это), те (мне), we (мы), определяющим словом these (эти), глаголами to see (видеть), to conceive (понять), to befall (случаться), to know (знать), to need (нуждаться).

- 2.2. Критерии выделения доминант поэтического текста.
- 2.2.1. Критерий выделения доминанты *My life closed twice before its close* энигматичность, автографичность. Фраза жизнь закончилась дважды раньше конца (и все еще продолжается) является загадкой. Исследователю остается только предполагать, что означает данный афоризм в контексте рассматриваемого произведения. Возможно, имеется в виду личная потеря или потери автора стихотворения, кардинально повлиявшие на жизнь поэта.
- 2.2.2. Критерии выделения доминанты *Immortality* энигматичность, узнаваемость, повторяемость, автографичность. Широкий образ *бессмертие* является полиинтерпретативной отсылкой к философскому, религиозному, мифологическому и прочим аспектам данного понятия. В поэтическом пространстве Э. Дикинсон доминанта *Immortality* встречается еще в тридцати шести стихотворениях, а также упоминается в письмах поэта.
- 2.2.3. Критерии выделения доминанты *Parting* энигматичность, отсутствие контекст-партнера, повторяемость, автографичность. Лексема *Parting* лишена контекст-партнера. Из композиции стихотворения не ясно, кто разлучается, с кем/чем разлучается, из-за чего, как коррелирует образ разлуки с раем и адом. При этом связность произведения сохраняется. Лексема *Parting* встречается еще в четырнадцати стихотворениях Э. Дикинсон, а также упоминается в письмах поэта.

- 2.2.4. Критерии выделения доминант *Heaven* и *Hell* энигматичность, узнаваемость, повторяемость. Архитекстуальная природа образов *рай* и *ад* очевидна. Данные понятия являются архетипами человеческого сознания. Лексемы *Heaven* и *Hell* часто встречаются в творениях Э. Дикинсон. Более того, в пяти из них данные образы употребляются в паре.
- 2.3. Интертекстуальный потенциал доминант поэтического текста "Parting".

Интертекстуальный потенциал выражает вариативность контекстных значений анализируемой доминанты, возникающую в результате интерконтекстуального взаимодействия этой доминанты (ИТ единицы) с адресными текстами.

Интертекстуальный потенциал доминант *My life closed twice before its close, Immortality, a third event, parting, heaven, hell* равен 1, т. к. они являются примерами авто-, пара-, ин- и архитекстуальных связей поэтического текста "Parting" с другими произведениями Э. Дикинсон, творениями У. Шекспира, широкими общекультурными образами бессмертия, вечности, рая и ада. Другими словами, данные доминанты являются ИТ единицами.

Интертекстуальный потенциал лексем, стоящих в эксплицитном контексте, равен 0, т. к. эти единицы выполняют роль каркаса поэтического текста, а также являются связующими звеньями полиинтерпретативных образов стихотворения.

3. Поиск и определение интертекстуальных единиц в адресных текстах.

Последовательно рассмотрим каждую из вычлененных ИТ единиц с тем чтобы установить подобные или идентичные ей ИТ единицы в адресных текстах, разделить обнаруженные тексты на мета- и прототексты, установить случаи интертекстуального и интерконтекстуального видов взаимодействия на конкретных примерах, а также определить типы межтекстовых отношений исследуемых лексем.

3.1.1. Интертекстуальная единица My life closed twice before its close.

Семантика рассматриваемой ИТ единицы имеет автотекстуальный характер, поскольку она напрямую связана с биографией Э. Дикинсон. Поэт прямо говорит, что испытала две смерти (потери?) при жизни. На лексикосемантическом уровне рассматриваемый афоризм коррелирует с образом parting. Последний в своем контекстном значении символизирует разлуку. Словами My life closed twice before its close Э. Дикинсон могла выразить горечь утраты близких людей (но не обязательно смерти или тяжелой болезни), траур по ним, глубокую печаль. Об этом также свидетельствуют пятая и шестая строки стихотворения "Parting" so hopeless to conceive as these that twice befell (Безнадежно пытаться понять, как это могло случиться дважды). В связи с этим возникает вопрос, почему речь идет именно о близких людях, а не о комто или чем-то другом. К. Г. Вольф в книге "Emily Dickinson" пишет о том, что из-за смерти близких людей у поэта развилась тяжелая форма меланхолии [Wolff, 1988]. В статье "Interior Chambers: The Emily Dickinson Homestead" (Внутренние комнаты: дом Эмили Дикинсон) Д. Фус пишет о том, что на почве сильных переживаний смерти друзей у Э. Дикинсон развилась агорафобия, в результате чего она стала крайне замкнутым человеком [Fuss, 1998]. В книге A. Хэбеггер "My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson" (Моя война сокрыта в книгах: жизнь Эмили Дикинсон) читаем об адвокате отца Э. Дикинсон Б. Ф. Ньютоне, который познакомил юного поэта с творчеством У. Вордсворта. Скорая смерть Б. Ф. Ньютона стала настоящей трагедией для молодой Э. Дикинсон. А. Хэбеггер также упоминает смерть друга по переписке Э. Дикинсон — О. Ф. Лорде, и описывает острые переживания поэта, связанные со смертью родителей [Habegger, 2002]. В книге Р. Б. Сиола "The Life of Emily Dickinson" (Жизнь Эмили Дикинсон) читаем о смерти двадцатипятилетнего директора Амхерстской академии Л. Хамфри, друга Э. Дикинсон [Sewall, 1998]. По мнению У. Мартина, особенно тяжело поэту далась свадьба ее лучшей подруги С. Гилберт — она вышла замуж за О. Дикинсона, брата Э. Дикинсон [Martin, 2002]. Известный факт биографии Э. Дикинсон заключается в том, что она общалась с людьми преимущественно посредством переписки. Так, в письме 1852 г., адресованном С. Гилберт, читаем строки, которые, по мнению Л. Коски, следует трактовать как подтверждение их любовной связи:

Susie, will you indeed come home next Saturday, and be my own again, and kiss me ... I hope for you so much, and feel so eager for you, feel that I cannot wait, feel that now I must have you — that the expectation once more to see your face again, makes me feel hot and feverish, and my heart beats so fast... <... > [Dickinson, Electronic resource].

Сьюзи, ты действительно придешь домой в следующую субботу и снова станешь моей, и поцелуешь меня... Я надеюсь на тебя так сильно, и мне так не терпится встретиться; чувствую, что не могу ждать; чувствую, что я должна быть с тобой прямо сейчас — мысль, что я еще раз увижу твое лицо, вызывает у меня жар и лихорадку, и сердце бьется слишком быстро... <...>.

Режиссер М. Олнек изложила данную точку зрения в биографической картине 2018 г. "Wild Nights with Emily" (Дикие ночи с Эмили Дикинсон).

Таким образом, доминанта *My life closed twice before its close* является автотекстуальной ссылкой на биографию и творчество поэта в целом. Рассмотренный материал предлагает более двух (в поэтическом тексте "Parting" речь идет именно о двух потерях) случаев, которые были болезненными для Э. Дикинсон: смерть Б. Ф. Ньютона, Л. Хамфри, О. Ф. Лорда, родителей поэта; замужество подруги С. Гилберт etc. Установить личности тех, о ком именно идет речь, не представляется возможным, поэтому ограничимся одним из аспектов смыслового комплекса ИТ единицы *My life closed twice before its close* — утрата, горечь, траур по близкому человеку, близким людям.

Рассматриваемая ИТ единица также является самоаллюзией к стихотворению Э. Дикинсон "I never lost as much but twice" (Я все теряла дважды):

I never lost as much but twice, And that was in the sod; Twice have I stood a beggar Before the door of God!

Angels, twice descending, Reimbursed my store. Burglar, banker, father, I am poor once more! [Dickinson, 1955, p. 27]. Я все теряла дважды У смертного порога, Стояла дважды нищей Перед дверями Бога!

И ангел — дважды падший — Мне возмещал потери. Отец! Банкир! Грабитель! Я вновь стою у двери! [Ситник, Электронный ресурс].

Связь представленного поэтического текста с базовым стихотворением "Parting" можно проследить по признаку семантического подобия, а именно — по образу двойной потери чего-то или кого-то: *I never lost as much but twice* (Я все теряла только дважды); twice have I stood a beggar (дважды я была нищей); angels, twice descending (ангелы, падшие дважды). Семантическое подобие выражается в схожих контекстах и образности ИТ единицы My life closed twice before its close, наречия twice (дважды) базового текста "Parting", а также в схожих лексемах "I never lost as much but twice", выраженных глаголом lost (потеряла), наречием twice (дважды); первой, третьей, пятой строками стихотворения. Авотекстуальная взаимосвязь указанных произведений рассматривается более подробно в п. 4.1.

Среди выделенных в предыдущих пунктах доминант базового поэтического текста "Parting" было указано словосочетание *a third event*. Оно находится в семантической зависимости от ИТ единицы *My life closed twice before its close*. «Третье событие» продолжает логическую цепочку двух предыдущих трагических потерь, расставаний. Таким образом, выделенные

доминанты имеют общий смысловой комплекс, поэтому образ *a third event* обсуждаться отдельно не будет.

3.1.2. Интертекстуальная единица Immortality.

Существительное *Immortality* может быть рассмотрено с точки зрения, несвойственной для общеупотребительных случаев данной лексемы. Основанием для этого служит паратекстуальная взаимосвязь *Immortality* с текстом письма Э. Дикинсон, адресованного ее другу Б. Ф. Ньютону:

<...> When a little Girl, I had a friend, who taught me *Immortality* — but venturing too near, himself — he never returned <...> [Dickinson, Electronic resource].

<...> Когда я была маленькой, у меня был друг, который научил меня *Бессмертию*, но сам он подошел слишком близко к краю — и никогда не вернулся <...>.

В представленном примере прослеживается идентичность выделенной лексемы с базовой лексемой *Immortality*. Употребление существительного *Immortality* (написанного с прописной буквы) в связке с глаголом *taught* (научил) поднимает ряд вопросов, которые будут рассмотрены в рамках анализа контекстных значений ИТ единицы *Immortality* в п. 4.

Лексема *Immortality* встречается тридцать шесть раз в следующих произведениях Э. Дикинсон: "Ambition cannot find him" (Амбиции не могут найти его) (1859), "The Soul's Superior instants" (Лучшие мгновения души) (1862), "Some — Work for Immortality" (Сколько-нибудь — работа для Бессмертия) (1862), "I live with Him — I see His face" (Я живу с Ним — я вижу Его лицо) (1862), "I am alive — I guess" (Я думаю — я жива) (1862), "It's thoughts — and just One Heart" (Его мысли — и только Одно Сердце) (1862), "That I did always love" (Все, что я делала, всегда было любовью) (1862), "An ignorance a Sunset" (Невежество Заката) (1862), "Conscious am I in my Chamber" (Сознание, я в своей камере) (1863), "Suspense — is Hostiler than Death" (Беспокойство — враждебнее Смерти) (1863), "Because I could not stop for Death" (Из-за того, что я не могла остаться на Смерть) (1863), "Behind

Me — dips Eternity" (Позади меня Вечность) (1863), "We thirst at first — 'tis Nature's Act" (В начале мы жаждем — это закон Природы) (1863), "Ву ту Window have I for Scenery" (За моим окном декорации) (1863), "The Only News I know" (Единственная новость, которую я знаю) (1864), "The Soul's distinct connection" (Ясная связь души) (1864), "So large my Will" (Моя воля столь сильна) (1865), "That Such have died enable Us" (То, что Такое умерло, дает нам "Satisfaction — Is (1865),Agent" возможность) the (Удовлетворение — посредник) (1865), "A Spider sewed at Night" (Паук соткал Ночь) (1869), "Lest any doubt that we are glad that they were horn Today" (Чтобы не сомневаться, что мы рады, что они родились Сегодня) (1870), "To disappear enhances" (Чтобы скрыть сигналы) (1872), "If my Bark sink" (Если моя Барка пойдет ко дну) (1872), "Because that you are going" (Из-за того, что ты уходишь) (1873), "Take all away" (Забери все с собой) (1876), "Such are the inlets of the mind" (Это входы в разум) (1877), "With Pinions of Disdain" (С Перьями Презрения) (1877), "He lived the Life of Ambush" (Он прожил Жизнь в Укрытии) (1881), "No Brigadier throughout the Year" (Никаких Бригадиров в этом году) (1883), "Who abdicated Ambush" (Кто отказался от Укрытия) (1884), "Extol thee — could I? Then I will" (Превозносить тебя — могла ли? Тогда превознесу) (1885), "Why should we hurry — why indeed?" (Зачем нам спешка — зачем?) (1885), "The immortality she gave" (Она дала бессмертие) (1886), "Summer begins to have the look" (Лето начинается, чтобы осмотреться) (?), "The butterfly obtains" (Бабочка получает) (?), "Is Immortality a bane" (Бессмертие — отрава?) (?), "The reticent volcano keeps" (В молчаливом вулкане) (?) [Dickinson, 1955]. Во всех указанных текстах существительное Immortality написано с прописной буквы. Результаты предварительного анализа контекстных значений Immortality в указанных произведениях показывают, что смысловой комплекс обсуждаемой ИТ единицы наиболее явно дополняется интересующими нас новыми несловарными аспектами в трех стихотворениях: "Behind Me — dips Eternity" (Позади меня Вечность),

"The Only News I know" (Единственная новость, которую я знаю) и "The reticent volcano keeps" (В молчаливом вулкане). Данные произведения подробно рассмотрены в п. 4.2 настоящего анализа.

3.1.3. Интертекстуальная единица *Parting*.

Лексема **Parting** встречается четырнадцать раз В следующих произведениях Э. Дикинсон: "Sic transit gloria mundi" (Так проходит мирская слава) (1852), "If I should die" (Если мне лучше умереть) (1858), "A throe upon the features" (Мука на чертах) (1859), "One dignity delays for all" (Одно достоинство на всех) (1859), "The daisy follows soft the sun" (Маргаритка мягко следует за солнцем) (1859), "My first well Day — since many ill" (Мой первый хороший день после многих невзгод) (1862), "Ah, Teneriffe!" (Ax, Тенериф!) (1863), "When One has given up One's life" (Когда кто-то оставил чью-то жизнь) (1864), "That is solemn we have ended" (Мы расстались торжественно) (1864), "We'll pass without the parting" (Мы справимся без расстояния) (1865), "I send you a decrepit flower" (Я посылаю тебе увядающий цветок) (1874), "The Auctioneer of Parting" (Продавец разлуки) (1884), "Parting with Thee reluctantly" (Heoxoтное расставание с тобой) (1884), "Some say goodnight — at night (Ктото скажет «спокойной ночи» на ночь) (?) [Dickinson, 1955]. На этом список адресных текстов, к которым отсылает анализируемая ИТ единица, не исчерпывается. Parting также выступает в роли интекстуальной аллюзии к трагедии У. Шекспира "Romeo and Juliet" (Ромео и Джульетта) (1594–1595). Во второй сцене второго акта встречаем слова, содержащие идентичную единицу parting, использующуюся в схожем контексте:

<...> Good night, good night! *parting is such sweet sorrow*,
That I shall say good night till it be morrow <...> [Shakespeare, Electronic resource].

<...> Спокойной ночи, спокойной ночи! Pазлука — такая сладкая печаль, что я буду говорить «спокойной ночи», пока не наступит завтра <...>.

3.1.4. Интертекстуальная единица *Heaven*.

Доминанта Heaven будет рассматриваться вместе с доминантой Hell, поскольку обе эти единицы являются элементами общекультурного, мифологического, религиозного пространства человеческой жизни. Рассматривать их по отдельности не имеет смысла, поскольку базовые словарные аспекты их смыслового комплекса хорошо известны. Лексемы Heaven и Hell, помимо базового поэтического текста "Parting", встречаются еще в пяти произведениях Э. Дикинсон: "A Tooth upon Our Peace" (Зуб на наш мир) (1862), "I cannot live with You" (Я не могу жить с тобой) (1862), "How far is it to Heaven" (Как далеко до рая) (1864), "Because that you are going" (Из-за того, что ты уходишь) (1873), "So give me back to Death" (Поэтому отдай меня обратно смерти) (1884). На примере указанных адресных представляется возможным рассмотреть смысловой комплекс образов *Heaven* и Hell в новых контекстах. Анализ представлен в п. 4.4.

3.2. Список адресных источников.

ИТ единица *My life closed twice before its close* через самоаллюзию связывается с адресным поэтическим текстом "I never lost as much but twice" (1858). Рассматриваемая ИТ единица также вступает в аллографическую паратекстуальную связь с фактами биографии Э. Дикинсон, представленными в трудах К. Г. Вольф, Д. Фус, А. Хэбеггер, Р. Б. Сиола, У. Мартина, Л. Коски (см. п. 3.1.1), а также в автографическую связь с многочисленными письмами поэта.

ИТ единица *Immortality* встречается в тридцати шести стихотворениях Э. Дикинсон. Из них отдельно будут рассмотрены три поэтических текста (см. п. 3.1.2): "Behind Me — dips Eternity" (1863), "The Only News I know" (1864) и "The reticent volcano keeps" (?). ИТ единица *Imortality* также является автографической паратекстуальной ссылкой к письму 1862 г., написанному другу поэта Б. Ф. Ньютону.

Автотекстуальные самоаллюзии связывают ИТ единицу *Parting* с четырнадцатью произведениями Э. Дикинсон (см. п. 3.1.3) и трагедией У. Шекспира "Romeo and Juliet" (1594–1595).

ИТ единицы *Heaven* и *Hell* рассматриваются вместе. В предыдущем пункте удалось выделить пять произведений Э. Дикинсон, а именно — "A Tooth upon Our Peace" (1862), "I cannot live with You" (1862), "How far is it to Heaven" (1864), "Because that you are going" (1873), "So give me back to Death" (1884), в тексте которых присутствуют обе обозначенные ИТ единицы.

4. Анализ контекстных значений интертекстуальных единиц My life closed twice before its close, Immortality, Parting, Heaven и Hell в адресных текстах.

Разделим анализ каждой ИТ единицы на четыре аспекта: обсуждение автотекстуальных средств связи, затем — пара-, интекстуальных и, наконец, — архитекстуальных.

Адресные тексты были подобраны по признаку идентичности и подобия. Обсуждая произведения Э. Дикинсон, необходимо отметить, что анализируемым ИТ единицам свойственна идентичность и богатая авто- и паратекстуальная природа (ин- и архитекстуальность выражены в меньшей степени).

4.1. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы My life closed twice before its close в адресном поэтическом тексте "I never lost as much but twice".

ИТ единица *My life closed twice before its close* согласуется с лексемами и группами лексем адресных текстов по признаку семантического подобия. Для того, чтобы обнаружить новые несловарные контекстные значения рассматриваемой ИТ единицы, необходимо исследовать творческое наследие Э. Дикинсон с тем, чтобы выявить похожие по контексту или лексическим элементам произведения. Тема потери, расставания, смерти часто возникает в творчестве поэта, однако о потере, которая случилась дважды, Э. Дикинсон

сообщает только в одном стихотворении — "I never lost as much but twice" (Я все теряла только дважды). В данном поэтическом тексте автор говорит о двух значительных тяжелых потерях в своей жизни, однако, в отличие от базового стихотворения "Parting", поэт конкретизирует качества, характер потерь посредством существительного sod (noчва), свидетельствующего о том, что речь идет о смерти близких людей, которые теперь в земле. С другой стороны, в общем культурологическом и философском смысле допустим другой вариант интерпретации упомянутых потерь — потеря любви, вдохновения, смысла жизни, веры etc.

Обратим внимание на рассмотренные в п. 3.1.1 факты биографии Э. Дикинсон. Вслед за К. Г. Вольф, Д. Фус, А. Хэбеггер, Р. Б. Сиолом, У. Мартином, Л. Коски выделим следующих людей, сыгравших ключевую роль в жизненном пути Э. Дикинсон: родители поэта — Эдвард и Эмили Дикинсон, Б. Ф. Ньютон, Л. Хамфри, О. Ф. Лорд, С. Боулз, С. Гилберт. С каждым из указанных людей Э. Дикинсон пережила болезненное расставание по причине их смерти (за исключением С. Гилберт — она вышла замуж за брата Э. Дикинсон, в результате чего в их общении возникли трудности). Таким образом, смысловой комплекс ИТ единицы My life closed twice before its close и ИТ единицы I never lost as much but twice обогащается новыми несвойственными до этого вариантами значений. Абстрактные образы потери любви, смерти, разлуки, горя преобразуются в конкретные исторические личности, символизирующие данные образы. Установить, кого именно из своего окружения имела в виду Э. Дикинсон, не представляется возможным из-за высокой степени персонализации и энигматичности строк двух рассмотренных поэтических текстов.

4.2. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *Immortality* в адресных поэтических текстах "Behind Me — dips Eternity", "The Only News I know" и "The reticent volcano keeps".

Базовая ИТ единица *Immortality* связывается через самоаллюзию с идентичными ей лексемами адресных стихотворений Э. Дикинсон. Каждое из трех выделенных произведений содержит новое контекстное значение ИТ единицы *Immortality*, расширяющее ее смысловой комплекс.

Рассмотрим фрагмент поэтического текста "Behind Me — dips Eternity" (Позади меня лежит Вечность):

```
Before Me — Immortality —
Myself — the Term between —
Death but the Drift of Eastern Gray,
Dissolving into Dawn away,
Before the West begin —
'Tis Kingdoms — afterward — they say —
In perfect — pauseless Monarchy —
Whose Prince — is Son of None —
Himself — His Dateless Dynasty —
Himself — Himself diversify —
In Duplicate divine <...> [Dickinson, 1955, p. 253].
За мною — распростерлась Вечность —
Передо мною — Бесконечность —
Я — между ними — Интервал —
Смерть — только смена умершего дня,
Сбежала от лучей Востока
На Запад, на исходе дня —
Потом — по слухам — будут Царства —
Монархия — без края и конца —
Чей Царь — ничейный Сын династий —
Чья Родословная пуста —
Кто сам себе — Разнообразье —
Божественная сирота <...> [Постников, Электронный ресурс].
```

Behind Me — *dips Eternity* —

В первой и второй строке данного произведения Э. Дикинсон разграничивает образы *Eternity (вечность)* и *Immortality (бессмертие)*.

Согласно находится позади, бессмертие — впереди поэту, вечность лирического героя стихотворения. Исследователь творчества поэта Д. Вандерслайс в статье "Dickinson's BEHIND ME — DIPS ETERNITY" (Стихотворение Дикинсон «Позади меня лежит Вечность») пишет о том, что образы вечности и бессмертия служат для Э. Дикинсон средством передачи чувственного восприятия онтологического понятия времени и роли, места человека в нем: Myself — the Term between (Я — между ними) [Vanderslice, 2010].

Во второй строфе рассматриваемого стихотворения читаем строки: 'Tis Kingdoms — afterward — they say — In perfect — pauseless Monarchy — Whose Prince — is Son of None. Оксюморон Son of None (ничейный сын) является интекстуальным аллюзивным сюжетом, отсылающим к евангелическому образу непорочного зачатия, рождению Иисуса Христа, шире — к царствию Божьему [от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна, Электронный ресурс]. В этом случае, согласно христианской догматике, образ Immortaity выражает бессмертие души после смерти тела, воскрешение из мертвых, вечную жизнь.

Поэзия Э. Дикинсон особенна не только строгостью внешних атрибутов: краткостью, знаками препинания, строгой рифмой, но, в большей степени, предметом поэзии. Автор пишет о вещах неизвестных и непознаваемых, делится с читателем своими ощущениями, образами, ассоциациями, касающимися тем жизни, смерти, любви, Бога. В связи с этим необходимо обратить внимание на собственно тематику и предмет поэзии в творчестве Э. Дикинсон.

Э. Дикинсон была человеком замкнутым. Она общалась с людьми преимущественно посредством переписки. Паратекстуальные связи в ее творческом наследии развиты до такой степени сильно, что способны влиять на смысловой комплекс доминант стихов поэта. В письме 1862 г. к Б. Ф. Ньютону (написано после его смерти) встречаем следующие строки:

<...> When a little Girl, I had a friend, who taught me Immortality — but venturing too near, himself — he never returned <...> [Dickinson, Electronic resource].

<...> Когда я была маленькой, у меня был друг, который научил меня Бессмертию, но сам он подошел слишком близко к краю — и никогда не вернулся <...>.

Выделенный фрагмент существенно обогащает смысловой комплекс ИТ единицы *Immortality*. По мнению А. Хэббегер, именно Б. Ф. Ньютон открыл юной Э. Дикинсон двери в поэзию, познакомив ее с работами У. Вордсворта и Р. У. Эмерсона [Habegger, 2002]. Таким образом, бессмертие отождествляется Э. Дикинсон с поэзией, уже — с бессмертием стихов поэта. Сравнивая текст письма (1862) с поэтическим текстом "Behind Me — dips Eternity" (1863) по году создания, становится ясно, что письмо играет роль прототекста, следовательно, контекстное значение образа *Immortality* (бессмертие — поэзия) может учитываться в том числе и по временному признаку.

Рассмотрим отрывок адресного стихотворения "The Only News I know" (Единственная новость, которую я знаю):

The Only News I know Единственная Новость —

Is bulletins all day Каждый день

From Immortality. Из Вечности приходит бюллетень.

The only shows I see, Единственное Шоу —

Tomorrow and Today, Бесконечность —

Perchance *Eternity* <...> Случайно выходящая

[Dickinson, 1955, p. 401]. Навстречу <...>

[Постников, Электронный ресурс].

Э. Дикинсон вновь разграничивает образы *Immortality* и *Eternity*. Метафора *bulletins from Immortality (бюллетени Бессмертия)* на лексикосемантическом уровне связывает бессмертие с бюллетенем, текстом, печатным изданием, языком. Данный пример метафорической сочетаемости образов подкрепляет указанное выше контекстное значение ИТ единицы

Immortality: бессмертие — поэзия. В контексте данного поэтического текста улавливается тема одиночества: единственное, что происходит с Э. Дикинсон, — написание, чтение, корректировка стихов или переписка с узким кругом друзей (тоже работа с текстом).

Вторая строфа повествует о вечности как единственном объекте наблюдения поэта. Вечность в этом случае может быть рассмотрена как человеческая личность, сознание, душа, скрытые неуловимые аспекты человеческого существа, которые способна описать, исследовать, номинировать поэзия. На примере интертекстуального взаимодействия лексем **Eternity** наблюдается *Immortality* И семантическая эмерджентность — взаимообогащение смысловых комплексов данных образов. Бессмертие и вечность являются предметом и объектом единого исследования человеческого существования.

Завершает обозначенный список адресных текстов отрывок стихотворения "The reticent volcano keeps" (Спящий вулкан хранит):

<...> If nature will not tell the tale Jehovah told to her Can human nature not survive Without a listener?

Admonished by her buckled lips Let every babbler be The only secret people keep Is Immortality [Dickinson, 1955, p. 708].

<...> Но если б мы таили все, Что нашептал нам Бог, Как мог бы выжить Человек — Как не погибнуть мог?

И мы болтаем тыщи лет, Переступив запрет. *Одну лишь Тайну мы храним* — *Бессмертия секрет* [Гаврилов, Электронный ресурс].

строфы Выделенные строки первой обозначают важную Э. Дикинсон проблему читателя и собеседника. Автор задает вопрос, может ли остаться, сохраниться, выжить человеческая природа без собеседника. Из истории литературы и биографии Э. Дикинсон известно, что не существует прижизненных изданий поэта (при жизни было опубликовано только одиннадцать ее стихотворений). Первое полное собрание сочинений с оригинальным авторским текстом (без изменений редактора Т. У. Хиггинсона) вышло в 1955 г. [Dickinson, 1955], первое полное собрание текстов писем — в 1958 г. [Dickinson, 1958].

Вторая строфа рассматриваемого поэтического текста содержит ИТ единицу *Immortality*. Образ бессмертия — все, что по мнению Э. Дикинсон хранит человек; все, что останется после него. Данная идея кажется логичной, если понимать под бессмертием творческое наследие поэта, шире — память о человеке. После смерти Э. Дикинсон в ее комнате нашли около девятисот страниц чистовых вариантов стихов, подшитых в шестьдесят тетрадей. Никто кроме малочисленных друзей по переписке не знал о том, что она пишет стихи.

В результате можно говорить о многоаспектном смысловом комплексе ИТ единицы *Immortality*, включающем базовые словарные значения существительного, образы христианского бессмертия души, обозначенные в поэтическом тексте "Behind Me — dips Eternity", а также новый семантический ряд: бессмертие – поэзия – память.

4.3. Интертекстуальная единица Parting.

В поэтическом наследии Э. Дикинсон ИТ единица *Parting* встречается в пятнадцати стихотворениях (с учетом базового стихотворения "Parting"). Контекстные значения этой лексемы в адресных текстах можно разделить на три основные группы: первая — прощание, расставание, разлука: стихи "Sic transit gloria mundi" (1862), "We'll pass without the parting" (1865), "I send you a decrepit flower" (1874), "Parting with Thee reluctantly" (1884), "Some say goodnight — at night" (?); вторая — образы смерти: стихи "If I should die"

(1858), "A throe upon the features" (1859), "One dignity delays for all" (1859), "Ah, Teneriffe!" (1863), "When One has given up One's life" (1864), "That is solemn we have ended" (1864); третья группа — прочие словарные значения: стихи "The daisy follows soft the sun" (1859; прямое словарное значение существительного parting — день, склоняющийся к вечеру); "My first well Day — since many ill" (1862; метафора parting grace — уходящая грация); "The Auctioneer of Parting" (1884; в значении property parting — раздел имущества после развода). Результаты анализа показывают, что ни в одном из четырнадцати указанных поэтических текстов не присутствуют новые для нашего исследования контекстные значения ИТ единицы Parting. Таким образом, динамику смыслового комплекса этой единицы зафиксировать не удается.

Высокая частотность употребления существительного *parting* в установленных лексических значениях обосновывается автотекстуально. Известно, что Э. Дикинсон тяжело переносила разлуки со своими друзьями, а их смерти или страх их смерти переживались ей настолько болезненно, что со временем она практически перестала общаться с людьми. Так, К. Г. Вольф в книге "Emily Dickinson" приводит строки записки, написанной Э. Дикинсон С. Боулзу, который посетил ее дом в 1862 г. после семимесячной поездки в Европу. Во время его визита Э. Дикинсон оставалась в своей комнате, из которой так и не вышла. В записке было написано следующее:

I cannot see you. You will not less believe me. That you return to us alive, is better than a Summer <...> [Wolff, 1988, p. 399].

Я не могу встретиться с тобой. Ты не поверишь мне. Твое возвращение живым лучше, чем Лето <...>.

В книге писем Э. Дикинсон "Open me Carefully" (Открывай меня аккуратно) приводятся строки записки, адресованной ее близкой подруге С. Гилберт (на тот момент уже — С. Дикинсон), которая вернулась после двухнедельной поездки:

I cannot see you for a few days. You are too momentous. But remember it is idolatry and not indifference [Selinger, 1998, p. 71].

Я не смогу встретиться с тобой несколько дней. Ты слишком важна для меня. Но помни, что это поклонение, а не безразличие.

Подобные случаи не ограничиваются приведенными примерами. В поэтическом наследии Э. Дикинсон тема смерти и разлуки занимает главенствующее место.

4.3.1. Анализ контекстного значения интертекстуальной единицы *Parting* в адресном поэтическом тексте "Romeo and Juliet".

Некоторые исследователи творчества Э. Дикинсон связывают фрагмент базового поэтического текста, содержащий доминанту *Parting*, с фрагментом трагедии У. Шекспира "Romeo and Juliet" (Ромео и Джульетта). Так, Т. Макги в рамках лекции, посвященной поэзии Э. Дикинсон, указывает на интекстуальную связь (аллюзию) стихотворения "Parting" со знаменитыми словами трагедии У. Шекспира [McGee, Electronic resource]:

<...> Good night, good night! *Parting is such sweet sorrow*,
That I shall say good night till it be morrow <...> [Shakespeare, Electronic resource].

<...> Спокойной ночи, спокойной ночи! Pазлука — mакая cладкая nечаль, что я буду говорить «спокойной ночи», пока не наступит завтра <...>.

тексте оригинала Джульетта говорит данные слова Ромео, подчеркивая сильные переживания оксюмороном sweet sorrow (сладкая печаль), который является своеобразной манифестацией любви, катализатором чувств, усиливающихся из-за вынужденного расставания и одновременно остающихся светлыми благодаря предвкушению скорой подобном в О чем-то своих стихах пишет Э. Дикинсон, переворачивая, однако, смысл классических строк У. Шекспира. Э. Дикинсон всегда ждет встречи (взаимодействия, общения, ответа в письме) со своим возлюбленным или другом, однако из-за своих страхов и опасений не решается встреться с ним, когда представляется такая возможность (см. предыдущий пункт). Образ *Parting* выступает в роли ИТ единицы, аспекты смыслового комплекса которой близки друг другу и делятся на два основных контекстных значения: расставание и смерть. Разница в семантических оттенках лексемы *Parting* актуальна не столько для реципиента, сколько для автора, поскольку в каждом из четырнадцати рассмотренных адресных текстов (см. п 4.3) отличия связаны с ситуациями, известными только Э. Дикинсон.

4.4. Анализ контекстных значений интертекстуальных единиц *Heaven и Hell* в адресных поэтических текстах "A Tooth upon Our Peace", "I cannot live with You", "How far is it to Heaven", "Because that you are going", "So give me back to Death".

Лексема *Heaven* встречается в произведениях Э. Дикинсон свыше ста семидесяти раз, а лексема *Hell* — только одиннадцать раз. Основываясь исключительно на статистических параметрах, говорить о важности образов *Heaven* и *Hell* для Э. Дикинсон нельзя, однако очевидно, что количество потенциально новых контекстных значений образа *Hell* ниже. Учитывая это, будет целесообразно рассматривать только те поэтические тексты, в которых указанные лексемы встречаются вместе. Таких стихотворений всего шесть: "А Тооth upon Our Peace" (Зуб на наш мир) (1862), "My Portion is defeat — today" (Моя доля поражение — сегодня) (1862), "I cannot live with You" (Я не могу жить с тобой) (1862), "How far is it to Heaven" (Как далеко до Рая) (1864), "Весаuse that you are going" (Из-за того, что ты уходишь) (1873), "So give me back to Death" (Поэтому верни меня смерти) (1884).

Обсудим поэтический текст "A Tooth upon Our Peace" (Зуб на наш мир):

A Tooth upon Our Peace
The Peace cannot deface —
Then Wherefore be the Tooth?
To vitalize the Grace —

The Heaven hath a Hell —
Itself to signalize —
And every sign before the Place
Is Gilt with Sacrifice [Dickinson, 1955, p. 221].

Зуб на Наш Мир
Мир не может причинить вред —
Тогда зачем Зуб?
Чтобы оживить грацию —

В Рае есть часть Ада—
Чтобы ознаменовать—
Каждая вывеска перед домом
Позолочена Жертвами.

Указанное стихотворение написано на тему Гражданской войны в США (1861–1865). *А Tooth upon Our Peace* является распространенным фразеологизмом, уходящим корнями в 20 стих 24 главы ветхозаветной книги Левит:

19 And if a man cause a blemish in his neighbour; as he hath done,

20 so shall it be done to him; breach for breach, eye for eye, tooth for tooth < ... > [Leviticus 24:19–20].

19 Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал:

20 перелом за перелом, око за око, зуб за зуб [Левит 24:19–20].

В контексте Гражданской войны строки Э. Дикинсон приобретают смысл убийства соотечественниками друг друга, шире — бессмысленных жертв войны. Вторая строфа рассматриваемого поэтического текста содержит образы *Heaven* и *Hell*, которые в совокупности формируют эксплицитный контекст через следующий семантический ряд: в небесах (раю) есть ад — в радости есть горе — в победе есть жертвы. Последние две строки стихотворения обнаруживают итог: *every sign before the Place is Gilt with*

Sacrifice (Каждая вывеска перед домом позолочена Жертвами). Образы цели, победы, справедливости (Гражданская война разгорелась на почве рабовладения), рая (логически-синонимический ряд может быть продолжен), которые характеризуют ИТ единицу Heaven, выражают некий знак, напоминание, метафорически «позолоченное» неоправданными жертвами людей. В этом смысле образ Hell приобретает новое контекстное значение: личный ад, раскаяние, угрызения совести. Лексема Heaven также может быть характеризована несвойственными ей ранее контекстными значениями: стремление к благу, счастью, справедливости, победе, достижению цели.

Рассмотрим фрагмент следующего адресного стихотворения "I cannot live with You" (Я не могу жить с тобой):

```
<...> And were You lost, I would be —
Though My Name
Rang loudest
On the Heavenly fame —

And were You — saved —
And I — condemned to be
Where You were not —
That self — were Hell to Me — <...>

<...> They'd judge Us — How —
For You — served Heaven — You know,
Or sought to —
I could not <...> [Dickinson, 1955, p. 317].
```

<...> Уйдешь, останусь я, Меня во все уста Ославят всуе *На райских небесах*.

Спасешься ты, Меня приговорят, Жизнь без тебя, Мне будет сущий ад. <...> <...> Судить нас как?
Ты Господу служил, ведь так,
Или пытался.
Не то, что я <...> [Савин, Электронный ресурс].

В силу невозможности быть и оставаться с возлюбленным, поэт (вновь видим тему разрыва, потери, выраженную в рассмотренной выше ИТ единице *Parting*) сравнивает свою любовь с христианскими образами рая и ада (спасением во Христе), одновременно с этим придавая им новые контекстные значения. В первой из указанных строф Э. Дикинсон пишет, что если ее возлюбленный не спасется, то спасется она; во второй строфе наблюдается противоположенный смысл.

Выделенным словосочетанием served Heaven (служил небесам) Э. Дикинсон намекает на причастность ее возлюбленного к служению Богу, возможно — к служению церкви. Вероятно, это еще одна причина (помимо указанных в поэтическом тексте тем замужества, ограничения свободы and Life is over there — behind the Shelf (а жизнь вон там за шкафом), боязни увидеть смерть мужа или жены I could not die — with You — for One must wait to shut the Other's Gaze down — You-could not (Я не могу умереть с тобой, поскольку кто-то из нас однажды закроет глаза другому — и ты бы не смог), по которой влюбленные не могут быть вместе. В связи с этим актуализируется тема запрета и спасения. Если возлюбленный Э. Дикинсон «спасется», то есть в контексте данного стихотворения — расстанется с возлюбленной, т. к. их совместная жизнь невозможна, его «спасение» превратится для Э. Дикинсон в ад — намеренную и осознанную жизнь без любви. Таким образом, смысловой комплекс ИТ единиц Heaven и Hell пополняется новыми контекстными значениями: рай на земле как жизнь в любви, ад на земле как жизнь без любви.

Рассмотрим третий адресный поэтический текст "How far is it to Heaven" (Как далеко до Рая):

How far is it to Heaven?
As far as Death this way —
Of River or of Ridge beyond
Was no discovery.

How far is it to Hell?
As far as Death this way —
How far left hand the Sepulchre
Defies Topography [Dickinson, 1955, p. 436].

Как далеко до Неба?
Так же, как и до смерти —
В реке и горном кряже на той стороне
Не было открытия.

Как далеко до Ада? Так же, как и до смерти— Как сильно левая рука гробницы Пренебрегает Топографией.

Доминанты *Heaven* и *Hell* в представленном стихотворении стоят в имплицитном контексте, поскольку открыты для интерпретации. Реципиент может ограничиться словарными дефинициями указанных существительных (см. п. 2.1).

Другой вариант интерпретации рассматриваемых образов представлен выше (рай/ад здесь и сейчас; личный рай/ад; достижение рая через ад) в рамках обсуждения адресных текстов "A Tooth upon Our Peace" и "I cannot live with You".

Четвертый способ прочтения стихотворения "How far is to Heaven" сводится к его интекстуальному взаимодействию с «Божественной комедией» Д. Алигьери. Выделенные строки представляют собой имплицитные аллюзивные элементы, намекающие на творения Д. Алигьери. С другой стороны, интекстуальная связь с «Божественной комедией» не обеспечивает смысловой комплекс ИТ единиц *Heaven* и *Hell* новыми контекстными значениями. Словосочетание *defies Topology (пренебрегает Топографией)*

прямо указывает на топологические особенности пути героя Данте в тексте «Божественной комедии» (на момент написания поэтического текста Э. Дикинсон энциклопедические данные, заложенные в «Божественной комедии», были устаревшими). М. Кошкин в статье «Тропой "Божественной комедии"» (2011)пишет: <<...> Среди огромного количества дантологического материала, теологического, философского И литературоведческого характера, наросшего за годы и века комментирования Данте, мы выделяем топологическую тему, — почему герой Данте и его спутники двигались именно таким маршрутом и никаким другим? Мы "откусить" по кусочку от литературной, астрономической, пробуем метафизической лабораторий Данте, чтобы понимать логику пути, по которому поэта ведут в "Комедии" приставленные к нему свыше вожди <...>» [Кошкин, Электронный ресурс]. Таким образом, расположение строф и резонность вопросов How far is it to Heaven? (как далеко до Рая?) и How far is it to Hell? (как далеко до Ада?) кажутся оправданными. Согласно сюжету «Божественной комедии», Данте сначала побывал в аду, чистилище и только потом в раю. Он шел путем смерти через круги ада. Интекстуальная взаимосвязь рассматриваемых произведений не раскрывает новых аспектов ИТ Heaven Hell. смыслового комплекса единиц И Единственный дополнительный семантический аспект, который онжом принять (учитывая заинтересованность Э. Дикинсон рассмотрению наукой научными достижениями), — представление Данте рая как космоса, а ада как подземной воронки (на момент написания «Божественной комедии» некоторые из его идей имели статус научных, а некоторые являются таковыми до сих пор).

Следующим адресным текстом, который рассматривается в рамках данного раздела, является стихотворение "Because that you are going" (Из-за того, что ты уходишь). Произведение представляет собой переплетение образов смерти и жизни, веры в Бога, вопросов бессмертия и вечности, что

делает его, как и большинство других творений Э. Дикинсон, энигматичным и полиинтерпретативным. Образы *Heaven* и *Hell* играют роль вспомогательных элементов, которые являются теологическими концепциями рая и ада, а не просто образными выражениями данных понятий. Рассмотрим фрагмент поэтического текста "Because that you are going", в котором встречаются указанные ИТ единицы:

<...> Of Heaven and Hell I also yield The Right to reprehend To whoso would commute this Face For his less priceless Friend <...> [Dickinson, 1955, p. 552].

<...> Рай и Ад также дают мне Право порицать Того, кто заменит это Лицо На своего ничего не стоящего Друга <...>

Представленное стихотворение написано на тему ухода из жизни близкого для Э. Дикинсон человека. Существительные Heaven и Hell находятся в семантико-логической связке с существительным this Face (это Лицо). Выше по тексту встречаем словосочетание ту Redeemer's Face (Лицо моего Спасителя), что позволяет интерпретировать существительное Face как лицо Христа, шире — понимать под данным образом веру в Бога. Интересным является омофонное сходство существительных face (лицо) и faith (вера). Таким образом, в рассматриваемом отрывке выражен момент противления, неприятия наступившей или наступающей смерти близкого человека, претензия к Богу. С высоты теологических концепций рая и ада Э. Дикинсон осуждает тех, кто отказывается от веры, из-за невозможности пережить, принять смерть друга или возлюбленного. В качестве средства выражения этой идеи поэт использует скрытый сарказм Of Heaven and Hell I yield the Right to reprehend whose (современное whoever) would commute this Face for his Friend (Рай и Ад дает мне право осуждать всех, кто заменяет это Лицо

своим другом). Э. Дикинсон рассуждает на тему выбора между верой в Бога и человеческой концепцией справедливости — обоснованности, адекватности событий, которые приводят к смерти человека. Поэт подчеркивает незначительность жизни человека в сравнении с концепцией Бога эпитетом priceless Friend (ничего не стоящий Друг).

Рассмотрим последний из выделенных адресных текстов "So give me back to Death" (Поэтому верни меня смерти):

So give me back to Death —
The Death I never feared
Except that it deprived of thee —
And now, by Life deprived,
In my own Grave I breathe
And estimate its size —
Its size is all that Hell can guess —
And all that Heaven was [Dickinson, 1955, p. 670].

Так возврати мне Смерть — Ее я не боялась Хотя нас разлучить пыталась — Теперь, расставшись с Жизнью, Я дышу И План могилы проверяю — Ее размер — все, что мог Ад придумать — И все, что я от Рая жду [Постников, Электронный ресурс].

В анализируемом поэтическом тексте читается тематика смерти — give me back to Death (верни меня Смерти), потери близкого человека — it deprived of thee (она разлучила нас), образы личного ада — Its size is all that Hell can guess (ее размер — это все, что Ад может) и рая — all that Heaven was (все, чем был Рай). Контекстные значения лексем Heaven и Hell обсуждаемого стихотворения не являются новыми для нашего анализа. Понимание ада и рая как невозможности (ада) или радости (рая) общения с близким другом, возлюбленным было неоднократно рассмотрено выше. Данный поэтический

текст еще раз подчеркивает важность и высокую частотность использования Э. Дикинсон существительных *Heaven* и *Hell* в значении чувственного состояния, реакции на случающиеся потери и смерти близких для поэта людей.

5. Синтез контекстных значений.

Подведем итог обсуждению ИТ единиц базового и адресных поэтических текстов. Тезисно сформулируем неповторяющиеся контекстные значения каждой из рассмотренных лексем. Такая формализация семантики ИТ единиц позволяет проследить динамику их смыслового комплекса на примере интерконтекстуального вида межтекстового взаимодействия — наслоения контекстных значений базовой и адресных единиц анализа. Синтез контекстных значений представлен сводной таблицей для каждой из рассмотренных ИТ единиц.

5.1. Контекстные значений интертекстуальных единиц в рамках базового поэтического текста "Parting" и адресных (по отношению к ним) текстов.

Тезисно систематизируем результаты анализа п. 2-4.

- 5.1.1. Контекстные значения интертекстуальной единицы My life closed twice before its close.
- (1) Базовый поэтический текст (далее ΠT) "Parting" (?) 'две значительные потери, изменившие жизнь Э. Дикинсон' (ИТ единица₁; далее ΠT_1).

Автотекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "I never lost as much but twice" (1858) 'смерть двух близких для поэта людей' (ИТ $_2$).
- 5.1.2. Контекстные значения интертекстуальной единицы Immortality.
 - (1) Базовый ПТ "Parting" (?) 'бессмертие' (ИТ₁).

Автотекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "Behind Me dips Eternity" (1863) 'бессмертие в христианском смысле' (ПТ $_2$).
- (3) ПТ "The Only News I know" (1864) 'общение посредством письма/чтения' (ПТ $_3$).
 - (4) ПТ "The reticent volcano keeps" (?) 'память о человеке' (ИТ₄). Паратекстуальный тип связи:
 - (5) Письмо Э. Дикинсон к Б. Ф. Ньютону (1862) 'поэзия' (ИТ₅).
- 5.1.2. Контекстные значения интертекстуальной единицы *Parting*.
- В п. 4.3 было отмечено, что смысловой комплекс ИТ единицы *Parting* не дополняется новыми контекстными значениями. Другими словами, она может быть определена только одним словарным значением в рамках заданного контекста базового поэтического текста "Parting". Динамика смыслового комплекса ИТ единицы *Parting* в настоящем разделе рассматриваться не будет.
- 5.1.3. Контекстные значения интертекстуальных единии *Heaven* и *Hell*.
 - (1) Базовый ПТ "Parting" (?) 'рай и ад' (ИТ₁).

Автотекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "A Tooth upon Our Peace" (1862) 'стремление к благу и раскаяние' (ИТ $_2$).
- (3) ПТ "I cannot live with You" (1862) 'личный рай (жизнь в любви)'; 'личный ад (жизнь без любви)' (ИТ_3).
- (4) ПТ "How far is it to Heaven" (1864) 'благо через страдание'; 'рай и ад как «научные» концепции' (ИТ₄).
- (5) ПТ "Because that you are going" (1873) 'рай и ад как теологические концепции' (ИТ $_5$).
- (6) ПТ "So give me back to Death" (1884) частично повторяет значение, указанное в ПТ "I cannot live with You", поэтому в таблице представлен не будет.

5.2. Зависимость динамики смыслового комплекса анализируемой интертекстуальной единицы от контекста употребления.

Представим выделенные контекстные значения анализируемых ИТ единиц в виде сводной таблицы (для удобства будем работать с присвоенными им в п. 5.1 порядковыми номерами: UT_1 , UT_2 , UT_3 etc.).

Таблица 10 Контекстные значения интертекстуальной единицы My life closed twice before its close

HT My life closed twice before its close	Базовый ПТ "Parting"	контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи
		автотекстуальность
		ПТ "I never lost as much but twice"
	две значительные потери,	
ИТ1	изменившие жизнь	
	Э. Дикинсон	
MT_2		смерть двух близких для поэта
		людей

Контекстные значения анализируемой ИТ единицы *My life closed twice before its close* адресных текстов наслаиваются на ее базовое значение. Таким образом, смысловой комплекс ИТ единицы представляет собой языковое и культурное единство, которое может быть представлено и интерпретировано реципиентом через обмен контекстных значений. Благодаря этому обмену актуализируется динамика смыслового комплекса ИТ единицы, реализуется ее полиинтерпретативность, то есть потенция иметь несколько значений (в том числе несловарных) в рамках одного контекста.

Таблица 11 Синтез контекстных значений интертекстуальной единицы My life closed twice before its close

	ИТ "My life		контекстные значения адресных текстов / тип
	closed twice	Базовый ПТ "Parting"	интертекстуальной связи автотекстуальность
	before its close"		ПТ "I never lost as much but
			twice"

	***	две значительные		
	VT_1	потери, изменившие		
ИК связь		жизнь Э. Дикинсон		
ии связь	ИТ2	смерть двух близких для поэта людей		

В таблице 11 объединяются контекстное значение рассматриваемой ИТ единицы в адресном тексте и базовом произведении с тем чтобы зафиксировать контекстно-семантическое наслоение, благодаря которому реализуется динамика смыслового комплекса. В дальнейших примерах и таблицах будем указывать только объединенные контекстные значения.

 Таблица 12

 Синтез контекстных значений интертекстуальной единицы Immortality

			контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи				
			автот	екстуалы	паратекстуальность		
	HT Immortality	Базовый ПТ "Parting"	ПТ "Behind Me — dips Eternity"	IIT "The Only News I know"	ΠΤ "The reticent volcano keeps"	Письмо Э. Дикинсон к Б. Ф. Ньютону	
	ИТ1	бессмертие					
ИК связь	ИТ2	бессме христианск	=				
	ИТ3		общение посредством письма/чтения				
	ИТ4		память о че				
	ИТ5			поэ	ВИЯ		

Синтез контекстных значений носит иерархический характер. Чем дальше адресный текст хронологически расположен от базового произведения, тем на большее число текстов окажут влияния контекстные значения его доминант. Так, UT_5 имеет общее контекстное значение сразу с четырьмя текстовыми единицами: UT_1 , UT_2 , UT_3 , UT_4 .

Главным инструментом синтеза контекстных значений является интерконтекстуальный вид связи. Благодаря интерконтекстуальности ИТ единица *Immortality*, стоящая в контексте базового поэтического текста, может быть определена не только словарными лексическими значениями, но и контекстными значениями адресных текстов. В результате актуализируются новые несловарные значения: образ *Immortality* символизирует не только *бессмертие* (вечную жизнь), но и поэзию в широком и узком смысле.

Синтез контекстных значений реализуется также благодаря эмерджентности поэтического текста и его единиц. Реципиент имеет дело с смыслом, который формируется на основе синергии эмерджентным выявленных контекстных значений ИТ единицы Immortality. Рассматриваемая единица анализа If Immortality unveil a third event to me (если Бессмертие приготовило для меня третье такое событие) предстает в новом свете как некая субстанция, сила, энергия, которая приготовила для Э. Дикинсон еще одну потерю, чтобы пропитанный невыносимо острыми переживаниями поэт продолжал творить — идти к бессмертию в памяти людей. На данном этапе анализа исследователь вступает в сферу субъективной интерпретации, основанной на апперцепции (восприятии предметов и явлений в тесной взаимосвязи; восприятии, основанном на личном накопленном опыте).

Пара ИТ единиц *Heaven* и *Hell* завершает анализ поэтического текста Э. Дикинсон "Parting". Рассмотрим таблицу 13.

. $\ensuremath{\textit{Таблица 13}}$ Синтез контекстных значений интертекстуальных единиц $\ensuremath{\textit{Heaven}}$ и $\ensuremath{\textit{Hell}}$

	ИТ Heaven и Hell	Базовый ПТ	контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи
		"Parting"	автотекстуальность

			ПТ "A Tooth upon Our Peace"	ПТ "I cannot live with You"	ΠΤ "How far is it to Heaven"	ПТ "Because that you are going"
	MT_1	рай и ад				
ИК связь	ИТ2	стремлени (рай) и ра (ад	скаяние			
	ИТ3			ь в любви); без любви)		
	ИТ4	paì	й и ад как н	пции		
	ИТ5		рай и ад	ад как теологические концепции		

Указанные в таблице 13 ИТ единицы *Heaven* и *Hell* рассматриваются в паре по двум причинам: во-первых, оба этих существительных являются архетипами культурных концепций И представляют собой противоположенных по смыслу образов; во-вторых, среди произведений Э. Дикинсон было обнаружено шесть стихотворений (включая базовый "Parting"), поэтический В текст которых автор использует существительные в паре. Другими словами, в каком значении или смысле ни бы ИТ использовались данные единицы автором, они выражают Из противоположенные стороны одного предмета. всех указанных контекстных значений наиболее часто употребляемым и коррелирующим с остальными рассмотренными доминантами стихотворения "Parting" является MT_3 (личный рай / личный ад). С одной стороны, это контекстное значение является не единственным из-за широкой полиинтерпретативности поэзии Э. Дикинсон. С другой стороны, оно замыкает смысловую связку образов бессмертия, разлуки, переживания смерти близких людей или общения с ними. ИТ единицы Heaven и Hell выражают состояние поэта, граничащее с отчаянием, адом или, напротив, одухотворенностью, радостью, раем. Таким образом, финальные строки базового поэтического текста "Parting" Parting is all we know of heaven, and all we need of hell (Разлука — это все, что мы знаем о рае, и все, что нам надо от ада) могут быть прочитаны так: рай для Э. Дикинсон — символ надежды на новую жизнь, в которой люди смогут вновь воссоединиться, однако личный рай общения с близкими становится адом на всю оставшуюся жизнь после того, как они умирают.

5.3. Комплексный анализ поэтического текста Л. Коэна "Elegy"

Творчество канадского поэта Л. Коэна (1934–2016) относится к эпохе постмодернизма. Особенностями поэзии Л. Коэна являются простая лексика, малая стихотворная форма, богатая образность и яркая архитекстуальная природа. Отдельную часть творчества канадского поэта занимает обращение к многочисленным античным мифам и библейским сюжетам, что свойственно литературе XX в. в целом.

Несмотря на то, что анализ проводится строго по разработанной модели, индивидуальность поэтов и полиинтерпретативность их образов оказывают сильное влияние на исследование. С этой точки зрения изучение поэзии Л. Коэна требует отличного от изучения стихов У. Блейка и Э. Дикинсон подхода. Характер анализа, представленного в данном разделе работы, в большей степени основан на обсуждении адресных текстов с позиции архитектоники культурного пространства.

Поэтический текст "Elegy" (Элегия) открывает первый поэтический сборник Л. Коэна "Let Us Compare Mythologies" (Давайте сравним мифологии) (1956). Общий объем сборника — 44 текста. При работе со стихотворением "Elegy" были учтены труды известных исследователей творчества и жизни Л. Коэна (Р. Алана, Н. Весселова, И. Р. Вольфсона, С. Симмонс, А. Лайт, А. Надела, Ш. Робинсон, Э. Рейнольдс и др.). Мы проанализировали 232 стихотворения, опубликованные поэтом в период с 1956 г. по 1968 г. [Leonard Cohen, Selected Poems 1956–1968].

Текст анализа, представленный в данном разделе, является выборкой основных результатов и положений проделанного исследования.

Анализ поэтического текста "Elegy"

1. Фрагментация поэтического текста "Elegy".

Анализируемое стихотворение открывает первый поэтический сборник Л. Коэна "Let Us Compare Mythologies" (1956). В этом сборнике представлены стихи, написанные на мифологические, религиозные и философские темы. Л. Коэн обращается к классическим античным сюжетам, текстам английской поэзии XVII–XX вв., продолжает развивать направления мысли, заданные в канадской поэзии XIX–XX вв. (в частности — тему пейзажной лирики как средства описания внешнего и внутреннего миров поэта). Анализируемый поэтический текст "Elegy" (Элегия) состоит из тринадцати строк, выполнен верлибром. В тексте стихотворения лексема, выраженная личными местоимениями he (он), his (его), him (ему, его), повторяется шесть раз:

1 Do not look for him

2 In brittle mountain streams:

3 They are too cold for any *god*;

4 And do not examine the angry rivers

5 For *shreds* of *his* soft *body*

6 Or turn the shore stones for *his blood:*

viooa;

7 But in the warm salt *ocean*

8 He is descending through cliffs

9 Of slow green water

10 And the hovering coloured fish

11 Kiss his snow-bruised body

12 And build their secret nests

13 In his fluttering winding-sheet

[Cohen, Electronic resource].

Не ищи его

В хрупких горных ручьях:

Они слишком холодны для богов;

И не ищи в злых реках

Лохмотья его мягкого тела.

Не ищи его кровь под камнями на берегу;

Он спускается по утесам Медленных зеленых вод Теплого соленого океана,

И летучие цветные рыбы

Целуют его снежное покалеченное тело

И плетут свои тайные гнезда

В его раздувающемся на ветру саване.

2. Вычленение единиц анализа поэтического текста "Elegy". сводится к определению типа используемых в произведении контекстов (эксплицитный ∨ имплицитный). В случае если контекст имплицитный, доминанта вычленяется по следующим критериям:

[—] узнаваемость;

- повторяемость;
- автографичность;
- конъюнкция контекстных значений;
- отсутствие контекст-партнера;
- энигматичность.
- 2.1. Определение типа контекста единиц поэтического текста "Elegy".

Лексема, выраженная личным местоимением *he* (он), встречается в рассматриваемом поэтическом тексте шесть раз (строки 1, 5, 6, 8, 11, 13). Местоимение стоит в имплицитном контексте, поскольку Л. Коэн не называет того, к кому обращается посредством данной лексемы. В третьей строке поэт косвенно связывает местоимение he с существительным god (бог), однако, в силу архитекстуальной природы понятия Бог (широкой многоаспектной трактовки данного образа в различных мифологиях, религиях и культурах), это не придает ясности. В пятой строке встречаем словосочетание shreds of his body (лохмотья его тела), которое намекает на то, что человек был лишен жизни насильственным способом. Шестая строка наделяет местоимение he новым контекстным значением: фраза turn the shore stones for his blood (не ищи его кровь под камнями на берегу) имеет мифологический подтекст, отсылающий к древнегреческому поэту, певцу и музыканту Орфею $(he - Op\phi e \check{u})$. Восьмая строка анализируемого стихотворения поднимает тему тонущего человека: He is descending through cliffs of slow green water (Он спускается по утесам медленных зеленых вод). Образ тонущего человека — известный поэтический образ, встречающийся в творениях, например, английского поэта Дж. Мильтона и канадских поэтов Д. К. Скотта А. М. Кляйна. Одиннадцатая строка логически И семантически переплетается с пятой строкой, акцентируя внимание реципиента на теме насильственной смерти his snow-bruised body (его снежное покалеченное *тело*). В двенадцатой и тринадцатой строках Л. Коэн связывает образ океана с образом неба, рыб и птиц, погружение на дно — с полетом: *in his fluttering* winding-sheet (В его раздувающемся на ветру саване). Таким образом, контекст лексемы he (либо ее словоформ his, him) — имплицитный, т. к. не дает единого представления о том, кого имеет в виду Л. Коэн и что произошло с лирическим героем поэтического текста "Elegy".

Следующая лексема, стоящая в имплицитном контексте, выражена существительным god. Выше отмечалось, что некоторые лексемы имплицитны априори ввиду своей архитекстуальной природы: понятия, смертью, жизнью, любовью, Богом, верой, религией, связанные с мировоззрением и пр. Л. Коэн пишет существительное god со строчной буквы, поэтому при определении контекстного значения данной лексемы кажется уместной следующая словарная дефиниция: 'A greatly admired or influential person' [Oxford Living Dictionary, Electronic resource] (Очень почитаемый или влиятельный человек).

Принимая во внимание семантическую размытость лексемы *осеан* (океан), возникающую из-за сравнения океана с небом, а рыб с птицами (the hovering coloured fish build their secret nests / летучие цветные рыбы плетут их тайные гнезда), контекст данного существительного можно считать имплицитным. Другим основанием для этого является идея Л. Коэна, выраженная в сборнике "Let Us Compare Mythologies" (1956), заключающаяся в противопоставлении жестокости внешнего мира искусству, внутреннему творческому, поэтическому пространству человека. Рассматривая поэтический текст "Elegy" в целом как автотекстуальную единицу, можно предположить, что существительное *осеан* является образом внутреннего поэтического мира человека.

Еще одной лексемой, стоящей в имплицитном контексте, является существительное *fish* (рыба) или the hovering fish (летучая рыба). Сравнение Л. Коэном рыб с вьющими гнезда птицами не позволяет однозначно интерпретировать существительное *fish* исследуемого стихотворения "Elegy".

Остальные лексемы стоят в эксплицитном контексте. Они играют роль текстового каркаса, выполняют описательную функцию, обеспечивают общую связность текста и формируют базовый контекст произведения. В "Elegy" тексте встречаются поэтическом однозначные глаголы повелительного наклонения: do not look for (не ищи), do not examine (не проверяй), turn (переворачивай); существительные, эпитеты и стилистические фигуры, характеризующие место действия стихотворения, описывающие особенности ландшафта: прилагательные cold (холодный), soft (мягкий), shore (береговой), warm (теплый), salt (соленый), slow (медленный), coloured (цветной), secret (тайный), fluttering (развевающийся); существительные mountain (гора), body (тело), stones (камни), cliffs (утесы), water (вода), nests (гнезда); оксюморон brittle streams (хрупкие потоки), олицетворение angry rivers (злые реки).

- 2.2. Критерии выделения интертекстуальных единиц поэтического текста.
- 2.2.1. Критерий выделения доминанты he отсутствие контекстпартнера. В тексте рассматриваемого стихотворения "Elegy" лексема he не
 связана ни с одним объектом, который она могла бы обозначать. Поэтический
 текст написан так, словно читателю уже известно, кого или что обозначает
 обсуждаемое местоимение.
- 2.2.2. Критерий выделения доминанты god энигматичность. Природная архитекстуальность образа god свидетельствует о том, что данная лексема является доминантой практически во всех поэтических текстах, в которых она встречается (за исключением случаев употребления лексемы god в составе, например, таких идиом: *Oh my God (о Боже)*, *God bless you (будьте здоровы)* и пр.).
- 2.2.3. Критерий выделения доминанты *ocean* конъюнкция контекстных значений. Л. Коэн ассоциирует семантику существительного

ocean с образом неба, в результате образ тонущего человека преобразуется в образ летящего человека.

- 2.2.4. Критерий выделения доминанты *fish* конъюнкция контекстных значений. В рамках рассматриваемого поэтического текста Л. Коэн ассоциирует лексему *fish* одновременно с образами рыбы и птицы: *the hovering coloured fish build their secret nests*.
- 2.3. Исследование интертекстуального потенциала доминант поэтического текста "Elegy".

Наличие интертекстуального потенциала у доминанты поэтического текста преобразует ее в интертекстуальную единицу.

Выделенные в п 2.2 доминанты *he, god, ocean, fish* являются авто-, ин- и архитекстуальными отсылками к стихотворениям сборника "Let Us Compare Mythologies" (1956) и другим произведениям Л. Коэна, к древнегреческой мифологии (миф об Орфее), английской и канадской поэзии (поэма Дж. Мильтон "Lycidas" (Люсидас) (1637), поэме Д. К. Скотта "The Piper of Arll" (Флейтист из Арлла) (1911), христианской символике, астрономии. Интертекстуальный потенциал рассматриваемых единиц анализа равняется 1.

Интертекстуальный потенциал лексем поэтического текста "Elegy", которые стоят в эксплицитном контексте, равняется 0. Их значения продиктованы контекстом базового произведения, поэтому они не допускают открытой интерпретации. Интертекстуальных или интерконтекстуальных связей между данными текстовыми единицами и единицами адресных текстов обнаружено не было.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного в п. 2.1–2.3. исследования, можно сказать, что доминанты поэтического текста "Elegy" *he, god, ocean, fish* — интертекстуальные единицы.

3. Поиск и определение интертекстуальных единиц в адресных текстах.

Данный раздел посвящен установлению авто-, ин-, пара- и архитекстуальных связей между ИТ единицами базового поэтического текста "Elegy" и подобными/идентичными им ИТ единицами адресных текстов.

3.1.1. Интертекстуальная единица he.

Выступает в роли автотекстуальной реминисценции к образу, формирующемуся на основе совокупности контекстных значений всех идентичных лексем he, найденных в поэтических текстах сборника Л. Коэна "Let Us Compare Mythologies" (1956). Рассмотрим отрывок стихотворения "For Wilf And His House" (Для Уилфа и его дома):

<...> I have learned my elaborate lie of soaring crosses and poisoned thorns and how *my fathers nailed him* <...> [Cohen, Electronic resource]

<...> Я выучил свою продуманную ложь о парящих крестах и ядовитых шипах и о том, как мой отец пригвоздил его <...>

В поэтическом тексте "Twilight" (Сумерки) читаем строки:

<...> When he made love to strangers
And he would struggle through old words
Unable to forget he once created new ones
And fumble at their breasts with broken hands <...> [Ibid.].

<...> Когда он занимался любовью с незнакомцами. Теперь он с трудом пробирается через старые слова. Он не может забыть, что когда-то создавал новые слова — теперь он ищет на ощупь их груди сломанными руками <...>.

В стихотворении "Rites" (Ритуалы), который также входит в данный сборник, обнаруживаем следующие строки:

<...> and stood about *his bed* while *he lay* on a blood-sopped pillow, *his heart* half rotted and *his throat* dry with regret. <...>
[Ibid.]

<...> и остановилась около *его кровати*. Он лежал на окровавленной подушке. *Его сердце* прогнило наполовину. *Его горло* пересохло от сожаления <...>.

В "Item" (Вещь) находим идентичную лексему *he*:

Let the still-born eagle demonstrate

How he avoided the arrow

With his predicament of death <...> [Cohen, Electronic resource]

Пусть обреченный орел покажет, Как он уклонился от стрелы, Не взирая на близкую смерть <...>

В трех из четырех указанных поэтических текстах Л. Коэн использует лексему *he* в эксплицитном контексте. В "For Wilf And His House" поэт говорит об Иисусе Христе, обозначая христианский аспект «мифологий» поэтического сборника "Let Us Compare Mythologies". В "Rites" речь идет об отце Л. Коэна. Стихотворение "Item" раскрывает парадоксальную историю орла, в которого выпущена стрела охотника. В поэтическом тексте "Twilight" лексема *he* употребляется в имплицитном контексте, поскольку ее контекст-партнер отсутствует.

Отдельно следует отметить паратекстуальные особенности сборника "Let Us Compare Mythologies" (1956). Л. Коэн посвящает сборник стихов своему отцу. На первой странице книги читаем: *To the memory of my father Nathan B. Cohen (Памяти моего отца Натана Б. Коэна)* [Cohen, Electronic resource]. Посвящение перекликается с рассмотренным выше фрагментом стихотворения "Rites". Также в сборнике присутствует эпиграф, взятый из рассказа У. Фолкнера "The Bear" (Медведь):

<...> His father returned with the book and sat down again and opened it. "Listen," he said. He read the five stanzas aloud, his voice quiet and deliberate in the room where there was no fire now because it was already spring. Then he looked up. The boy watched him. "All right," his father said. "Listen." He read again, but only the second stanza this time, to the end of it, the last two lines, and closed the book and put it on the table beside him. "She cannot fade, though thou hast not thy bliss, forever wilt thou love, and she be fair," he said. <...> [Faulkner, Electronic resource].

<...> Его отец вернулся с книгой, сел и снова открыл ее. «Послушай», — сказал он. Он прочитал пять строф вслух. Его тихий задумчивый голос заполнил комнату. В комнате уже не топили печь, поскольку наступила весна. Затем он перевел взгляд на мальчика. Мальчик посмотрел на него. «Ну ладно, — сказал отец. Слушай». На этот раз он прочитал только вторую строфу. Затем закрыл книгу, положил ее на стол рядом с собой и повторил две последние строки: «Ее краса не знает увядания, тебе — любить, а быть прекрасной ей» <...>.

Представленный эпиграф играет роль двойного интекстуального цитирования. Л. Коэн ссылается на У. Фолкнера, который, в свою очередь, ссылается на Дж. Китса. Выделенные строки she cannot fade, though thou hast not thy bliss, forever wilt thou love, and she be fair (ее краса не знает увядания, тебе — любить, а быть прекрасной ей) являются цитатой из оды Дж. Китса "Ode on a Grecian Urn" (Ода греческой вазе) (1819) [Keats, 2014, р. 312]. По мнению Н. Весселовой, канадского исследователя творчества Л. Коэна, двойной цитации обусловлена реализация этой идеологическими представлениями автора. Л. Коэн обращается к идеям поэтов-романтиков, согласно которым творчество, искусство и поэзия являются результатом противопоставляются страдания человека, смерти [Vesselova, Рассматривая вопрос с такой точки зрения, обратимся к двум незатронутым ранее темам: греческой мифологии (следует из названия оды Дж. Китса) и мотивам творчества Дж. Китса: красота — истина, поэзия как бессмертие.

В контексте древнегреческой мифологии лексема *he* является интекстуальной ссылкой (аллюзивным сюжетом, аллюзией) к мифу об Орфее, который обессмертил себя поэзией и музыкой. Согласно древнегреческому географу и писателю Павсанию, убитый Орфей был похоронен в Дионе. Убившие его менады пытались отмыть руки от крови Орфея в реке Геликон, после чего она ушла глубоко под землю. В базовом стихотворении "Elegy" находим схожий аллюзивный сюжет, выраженный строками *or turn the shore stones for his blood (не ищи его кровь под камнями на берегу)*. По версии Овидия, представленной в поэме "Меtamorphoses" (Метаморфозы), Орфей не

смог вернуть Эвридику и, разочаровавшись в женской любви, стал первым греческим гомосексуалистом, за что был жестоко убит менадами. Овидий пишет о том, что убить Орфея было не просто, т. к. камни и палки отказывались причинить ему вред из-за красоты его музыки и пения [Ovid, Electronic resource]. В базовом поэтическом тексте "Elegy" встречается тема природы. Л. Коэн описывает горные реки и камни, «непричастные» к смерти героя стихотворения: do not look for him in brittle mountain streams (не ищи его в хрупких горных ручьях). Во всех случаях упоминания природы в стихотворении "Elegy" используются эпитеты негативной окраски: too cold streams (слишком холодные ручьи), the angry rivers (злые реки). Возможно, этим Л. Коэн хотел подчеркнуть тоску природы по убитому поэту. По мнению древнегреческого писателя и грамматика Аполлодора Афинского, Орфей был богоподобным (в базовом поэтическом тексте "Elegy" существительное god (бог) написано со строчной буквы) человеком — сыном речного бога Эагра (обратим внимание на высокую частотность употребления связанных с водой существительных в тексте "Elegy") и музы поэзии Каллиопы [Pseudo-Apollodorus, Electronic resource].

Лексема *he* является интекстуальной аллюзией к поэме Дж. Мильтона "Lycidas" (Люсидас) (1637). Эта связь может быть установлена через семантическое подобие И тематическую близость рассматриваемых произведений. Дж. Мильтон (поэтическом) пишет o перерождении утонувшего Люсидаса после его смерти. Таким образом, поэтический текст "Elegy" и поэма "Lycidas" пересекаются в темах смерти, образах воды, поэзии, идее противопоставления поэзии смерти.

3.1.2. Интертекстуальная единица *god*.

Несмотря на архитекстуальную природу лексемы *god* и ее полиинтерпретативность, смысловой комплекс данного существительного характеризуется немногочисленными аспектами. Контекст лексемы *god* является имплицитным, однако ввиду обнаруженной интекстуальной

взаимосвязи стихотворения "Elegy" с текстами об Иисусе Христе и текстами, отсылающими к богоподобному мифологическому образу поэта Орфея, семантика анализируемой текстовой единицы представляется ограниченной. Учитывая вышеизложенное, объединим лексемы *god* и *he*, поскольку смысловой комплекс *god* входит в смысловой комплекс *he*.

3.1.3. Интертекстуальные единицы ocean и fish.

Лексема *ocean* представляется семантически зависимой от лексемы *he*. В рамках интекстуального взаимодействия с поэмой Дж. Мильтона "Lycidas" и евангелическими историями про Иисуса Христа смысловой комплекс существительного осеан приобретает статус неводного пространства. Рассматривая образ *ocean* с этой точки зрения, делаем вывод, что в стремлении выразить поэзию как внутренний мир Л. Коэн вводит бинарный образ океаннебо, на котором находятся два созвездия: созвездие лебедя (его белые крылья как fluttering winding-sheet / раздувающийся на ветру саван) и летучей рыбы (hovering fish / летучая рыба). Греческий астроном Эратосфен (Псевдо-Эратосфен) пишет о катастеризме (превращении богов, людей, животных и предметов в объекты звездного неба), в результате которого лира Орфея была превращена Зевсом в созвездие лиры, а сам Орфей в созвездие лебедя [Псевдо-Эратосфен, Электронный ресурс]. Созвездие летучей рыбы имеет косвенное отношение к христианству. Существительное рыба, или по-древнегречески $T\chi\theta\dot{\nu}\varsigma$ (Ихтис), является анаграммой, состоящей из начальных букв слов: Ίησο \tilde{v} ς Χριστός, Θεο \tilde{v} Υίός, Σωτήρ (Μисус Χρистос Божий Сын Спаситель). Именно поэтому рыба считается аллегорическим образом Иисуса Христа.

Образы *ocean* и *fish* как элементы образа воды, в которой наблюдается перерождение поэта, являются аллюзией к поэме Д. К. Скотта "The Piper of Arll" (Флейтиста из Арлла) (1911) [Scott, 1926, р. 40]. Д. К. Скотт был одним из первых канадских поэтов, который ввел данный образ в поэзию своей страны.

3.2. Список адресных источников.

Лексема *he* автотекстуально взаимодействует со следующими поэтическими текстами сборника "Let Us Compare Mythologies" (1956): "For Wilf And His House", "Twilight", "Rites", "Item" (порядок текстов приведен по мере их появления в сборнике). Рассматривая местоимение *he* с точки зрения пара- и интекстуальных отношений, выделяем следующие адресные тексты: поэма Дж. Мильтона "Lycidas" (1637); ода Дж. Китса "Ode on a Grecian Urn" (1819); тексты, связанные с мифом об Орфее; евангелические тексты.

Образ god отождествляется с образом he, поскольку является аспектом смыслового комплекса данного местоимения. В дальнейшем эти ИТ единицы будут рассматриваться вместе.

Говоря о лексемах *ocean* и *fish*, необходимо отметить, что они являются аспектами образа поэтического перерождения, поэтому рассматриваются в паре. К адресным текстам, единицы которых взаимодействуют с существительными *ocean* и *fish* через ИТ отношения, можно отнести любые поэтические тексты, в которых вода рассматривается как некоторое сверхъестественное пространство (в частности поэтический текст "The Piper of Arll", тексты, связанные с мифом об Орфее; евангелические тексты; общекультурные сведения по астрономии и языкознанию).

4. Анализ контекстных значений базовых интертекстуальных единиц *he, ocean u fish* в адресных текстах.

Порядок рассмотрения ИТ и ИК отношений исследуемых лексем с адресными текстами строится следующим образом: прежде других обсуждается автотекстуальный тип связи, затем — паратекстуальный, после останавливаемся на интекстуальности и, наконец, подходим к архитекстуальным отношениям.

4.1. Интертекстуальная единица he.

Поиск и определение ИТ единиц в адресных текстах основывается на признаках идентичности и подобия. Идентичность отвечает за количественное

употребление ИТ единиц в текстах и выделение тех лексем, план выражения которых совпадает. К адресным поэтическим текстам, определенным по признаку идентичности, относятся "For Wilf And His House", "Twilight", "Rites", "Item" и "The Hypnotist". В каждом из указанных стихотворений присутствует лексема *he*, которая раскрывает новые аспекты смыслового комплекса базового образа *he*.

Признак подобия подразумевает семантическую близость текстовых единиц при различии их графической и фонетической формы. В узком смысле подобию синонимию текстовых К онжом отнести единиц. широком — образную и тематическую пересекаемость. По признаку подобия были обнаружены мифологические тексты, повествующие о греческом поэте Орфее (см. п. 3.1). Связь лексемы *he* с образом Орфея реализуется через интекстуальные отношения, основанные на особенностях элементов базового поэтического текста "Elegy", сборника "Let Us Compare Mythologies" и творчества Л. Коэна в целом. К этим элементам можно отнести собственно название сборника (однозначная связь с мифологией) и мифологическую тематику поэтических работ Л. Коэна периода 1956–1968 гг. Поднимаемая в стихотворении "Elegy" тема поэтического бессмертия и перерождения отсылает к перерождению Орфея в образе созвездия лебедя (см. п. 3.1.1); ландшафтная тематика поэтического текста "Elegy", представленная образами камней и рек, фигурирующими в мифах об Орфее, укрепляет ИТ связь между базовым произведением и древнегреческой мифологией. В результате прослеживается семантическое подобие лексемы he и многоаспектного образа Орфея.

Интертекстуальная единица *he* также связана с образом Иисуса Христа через признак подобия.

4.1.1 Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *he* в адресных поэтических текстах Л Коэна "For Wilf And His House", "Twilight", "Rites", "Item".

Рассмотрим фрагмент стихотворения "For Wilf And His House":

<...> Then let us compare mythologies. I have learned my elaborate lie of soaring crosses and poisoned thorns and how my fathers nailed him like a bat against a barn <...>
[Cohen, Electronic resource].

<...> Тогда сравним мифологии. Я выучил свою продуманную ложь о парящих крестах и ядовитых шипах и о том, как мой отец пригвоздил его к амбару как летучую мышь <...>.

представленном произведении автор предлагает пересмотреть, сравнить мифологию с действительностью: let us compare mythologies По (давайте сравним мифологии). мнению Л. Коэна, мифы противоречат здравому смыслу и историческим фактам. Он обращается к распятию Христа «евреями» (не конкретными лицами, а еврейским народом). Поэт продолжает данное общеизвестное заблуждение цепочкой событий, которая приводит к единственному возможному в рамках стихотворения "For Wilf And His House" заключению, которое доводит всю цепочку рассуждения до абсурда. Л. Коэн выводит силлогизм, содержащий осознанно допущенную логическую ошибку: евреи распяли Христа; отец Л. Коэна — еврей; отец Л. Коэна распял Христа. Данный ложный вывод приводится поэтом в следующих строках: I have learned my elaborate lie, my father nailed him (Я выучил свою продуманную ложь, мой отец пригвоздил его). Поэзия Л. Коэна, в отличие от лексико-синтаксической энигматичности творений Э. Дикинсон и очевидной перегруженной интертекстуальности произведений У. Блейка, сочетает лексическую и семантическую простоту с небольшим объемом авто-, пара-, ин- и автотекстуальных включений. Такой эффект достигается неуловимой имитацией, заимствованием, копированием общеизвестных образов и объектов, после чего их смысловой комплекс искажается по воле Возвращаясь анализу ИТ единицы he.К отметим, рассматриваемом отрывке прослеживается эксплицитный контекст, в рамках

которого Л. Коэн однозначно соотносит местоимение he с образом Иисуса Христа.

Обсудим поэтический текст "Twilight":

Those days were just the twilight
And soon the poems and the songs
Were only associations
Edged with bitterness
Focussed into pain
By paintings in a minor key
Remembered on warm nights
When he made love to strangers
And he would struggle through old words
Unable to forget he once created new ones
And fumble at their breasts with broken hands

When finally *he* did become very old
And nights were cold because
No one was a stranger
And there was little to do
But sift the years through his yellow fingers
Then like fire-twisted shadows of dancers
Alternatives would array themselves
Around *his* wicker chair

And he regretted everything [Cohen, Electronic resource].

Те дни стали просто сумерками.

Вскоре стихи и песни
Превратились в воспоминания,
Окруженные горечью,
Несущие боль.

Теплыми вечерами он с грустью
Вспоминал времена,
Когда он занимался любовью с незнакомцами.
Теперь он с трудом пробирается через старые слова
Он не может забыть, что когда-то создавал новые слова —
Теперь он ищет на ощупь их груди сломанными руками

Когда *он* наконец постарел Ночи стали холодными, потому что Больше не было незнакомцев

И нечем было заняться,
Кроме просеивания прожитых годов через желтые пальцы.
Тогда вопросы «что если бы»
Как сплетенные огнем тени танцоров
Выстраивались у его плетеного кресла,
И он сожалел обо всем.

По мнению Р. Аллана, исследователя поэзии Л. Коэна. ланное стихотворение является интекстуальным продолжением мифа об Орфее после того, как он потерял смысл жизни — Эвридику, музу, вдохновение, любовь и пр. [Allan, 1970]. Л. Коэн смешивает в семантике *he* образ Орфея, образ своего отца, собственный образ и, вероятно, другие неизвестные реципиенту образы. В результате достигается высокая степень энигматичности рассматриваемой ИТ единицы. Строки первой строфы стихотворения "Twilight" (soon the poems and the songs were only associations / вскоре стихи и песни превратились в воспоминания) могут относиться к древнегреческому Орфею. Орфей был автором песен и поэтом. Боги, люди, природа любили его. По мнению Овидия, разочарованный в любви Орфей меняет сексуальную ориентацию [Ovid, Electronic resource]; последнюю мысль можно трактовать шире — потеря веры, отказ от прежней жизни, отказ от творчества, поэтического дара и пр. Во второй строфе анализируемого поэтического текста Л. Коэн дописывает историю греческого героя по своему усмотрению (remembered on warm nights when he made love to strangers / вспоминал времена, когда он занимался любовью с незнакомцами; unable to forget he once created new ones / он не может забыть, что когда-то создавал новые слова), благодаря чему вариации поэтических образов формируют следующую парадигму: он $no \ni m - Op \phi e \ddot{u} - no \ni m - o H$. Важным для смыслового комплекса ИТ единицы he является последняя строка стихотворения "Twilight": and he regretted everything (и он сожалел обо всем). В ней Л. Коэн однозначно дает понять, что главным является не то, кто загадочный he, а то, что он чувствует, к какому выводу приходит. В данном случае это разочарование, сожаление, раскаяние и т. д. Таким образом, при анализе ИТ единицы *he* и поэтического наследия Л. Коэна основным инструментом выступают не столько филологические и лингвистические средства анализа (как, например, в случае работы с произведениями Э. Дикинсон и У. Блейка), сколько фоновые знания реципиента, посвященность в мировую культуру, герменевтическое чутье. Теория ИТ и лингвосинергетические основы исследования выполняют роль инструмента поиска и определения ИТ единиц, а когезия их смысловых комплексов и контекстных значений во многом реализуется благодаря исследовательской интуиции реципиента. Завершая анализ поэтического текста "Twilight", остановимся на вариантах, при которых под *he* понимается Орфей, шире — поэт.

Рассмотрим ИТ единицу he в адресном стихотворении "Rites":

Bearing gifts of flowers and sweet nuts
the family came to watch the eldest son,
my father; and stood about his bed
while he lay on a blood-sopped pillow,
his heart half rotted
and his throat dry with regret.
And it seemed so obvious, the smell so present,
quiet so necessary,
but my uncles prophesied wildly,
promising life like frantic oracles;
and they only stopped in the morning,
after he had died
and I had begun to shout [Cohen, Electronic resource].

С цветами и сладкими орехами в подарок семья приехала навестить старшего сына, моего отца, и остановилась около его кровати. Он лежал на окровавленной подушке, его сердце прогнило наполовину, его горло пересохло от сожаления. Все казалось таким очевидным, запах — естественным, Тишина — необходимой. Только мои дядюшки без конца пророчествовали, как фанатики-оракулы,

обещая, что он поправится; Они замолчали только утром, после того, как он умер. *И я начал кричать*.

Эксплицитное содержание представленного поэтического текста резко отличается от энигматичности предыдущего рассмотренного стихотворения "Twilight". В "Rites" Л. Коэн описывает смерть своего отца, отождествляя лексему he со своим отцом: my father; he lay on a blood-sopped pillow (мой отец; он лежал на окровавленной подушке). Л. Коэну было 9 лет, когда умер его отец. По словам поэта, именно потеря отца заставила его начать писать [Cohen, Electronic resource]. Рассматривая смысловой комплекс ИТ единицы he с такой позиции, становится понятно, почему Л. Коэн связывает образ своего отца с образом поэзии, бессмертия в поэзии, перерождения в поэзии и пр. Л. Коэн отмечал, что чувствовал связь со своим отцом, когда писал стихи [Ibid.]. Финальная строка стихотворения I had begun to shout (я начал кричать) выражает не только ужас, страх, отчаяние от смерти близкого, но и момент перемены бытия, рождения перерождения, плана поэта, появление поэтического голоса.

Следующим выделенным адресным произведением является поэтический текст "Item". Рассмотрим фрагмент данного стихотворения:

Let the still-born eagle demonstrate

How he avoided the arrow

With his predicament of death: his closed eyes,
His half-formed feathers.

Let him teach how wise

Was his early death, how the hunter

Paused only a moment in the narrow path
And would not waste his arm

To cool the quick dying warmth.

And let the heroes with their promised swords Consider the darker battle: *The unthinking steel*, the old difficult flesh, The thrust and the regret.

And let them speculate

On their chipped skeletons

Moving on the dry field of death,

How very painful and loud and brittle.

Then let them remember the still-born eagle

And the young bird bones which do not hurt or rattle [Cohen, Electronic resource].

Пусть обреченный орел покажет Как уклониться от стрелы Несмотря на близкую смерть И поредевшее оперение. Пусть он научит, что умирать молодым — Мудро. Когда охотник Замешкался на миг в узком проходе И не подал руки, Чтобы охладить быстро уходящее тепло.

И пусть герои с их обещанными мечами
Готовятся к более тяжелой битве:
Бездумная сталь, старая сложная плоть,
Удар и сожаление.
И пусть они рассуждают о том,
Как их потертые скелеты
Двигаются в сухую долину смерти.
О том, как будет больно и шумно, и ненадежно.
Пусть они вспомнят обреченного орла
И кости молодой птицы, которые не ранят и не трещат.

Смысловой комплекс ИТ единицы he в данном произведении представлен эксплицитно: he — eagle (open). Важным в этом случае является то, что символизирует орел. В рассматриваемом поэтическом тексте "Item" выражена идея Л. Коэна о перерождении, о смерти как двери в другой мир, о поэтическом бессмертии. Реципиенту открывается не просто образ противопоставления жизни и смерти, а образ избавления, преодоления насилия через смерть. Орел легко расстается с жизнью, поскольку познал ее горечь. Строки let him teach how wise was his early death (nycmb oh hayuum, umo ymupamb monodom — mydpo) вызывают не жалость или ужас от осознания

скорой смерти, а радость, мудрость ее преодоления, переход в «другой мир» (в контексте базового стихотворения "Elegy" речь идет о поэтическом бессмертии, мире искусства). Таким образом, смерть орла должна стать примером, убедить тех, кто боится смерти (let them speculate on their chipped skeletons Moving on the dry field of death, how very painful and loud and brittle / U пусть они рассуждают о том, как их потертые скелеты двигаются в сухую долину смерти. О том, как будет больно и шумно, и ненадежно), осознать простую мудрость, которой учит орел: смерть болезненна и страшна, если человек живет насилием мира. В данном случае образы охоты, убийства, иссушенных полей, выраженные существительными hunter (охотник), battle (битва), regret (сожаление), олицетворением unthinking steel (бездумная сталь), метафорой dry field of death (сухие поля смерти), символизируют невежество, ограниченность, насилие, зло и другие негативные аспекты человеческого существования, которые противопоставляются бессмысленной смерти молодого орла, благодаря чему он возвышается над материальным миром не только физически, но и метафизически. Таким образом, ИТ единица he представляется орлом — символом духовного перерождения, перехода от материального смертного существования в мир поэтический, бессмертный.

4.1.2. Анализ контекстных значений интертекстуальной единицы *he в* адресных поэтических текстах "Lycidas" и "Ode on a Grecian Urn".

Тема воды и смерти от утопления широко распространена в мировом поэтическом наследии. В качестве адресного поэтического текста приводится поэма Дж. Мильтона "Lycidas", т. к. она является наиболее известным произведением, раскрывающим данную тематику. Дж. Мильтон посвятил "Lycidas" своему университетскому другу Э. Кингу, который утонул в 1637 г. при кораблекрушении. В данной поэме прослеживается мотив перерождения после смерти в новом, ином мире (на небе, в раю, поэзии, памяти, искусстве и пр.), который неоднократно обсуждался. Тематическая близость поэмы

Дж. Мильтона и базового поэтического текста "Elegy" реализует семантическое подобие этих двух произведений и их лексем: ИТ единица *he* ассоциируется с ИТ единицей *Lycidas*. В финале поэмы "Lycidas" читаем строки:

<...> Weep no more, woeful shepherds, weep no more,

For Lycidas, your sorrow, is not dead,

Sunk though he be beneath the wat'ry floor;

So sinks the day-star in the ocean bed,

And yet anon repairs his drooping head,

And tricks his beams, and with new spangled ore

Flames in the forehead of the morning sky:

So Lycidas sunk low, but mounted high

Through the dear might of him that walk'd the waves;

Where, other groves and other streams along,

With nectar pure his oozy locks he laves,

And hears the unexpressive nuptial song,

In the blest kingdoms meek of joy and love <...> [Milton, Electronic resource].

<...> Но, пастухи, смахните слезы с глаз.
Довольно плакать, ибо друг наш милый
Жив, хоть и скрылся под водой от нас.
Так в океане дневное светило,
Когда оно урочный путь свершило,
Скрывается, дабы в свой срок и час
С чела небес опять сверкнуть алмазом.
Уйдя на дно, наш друг вознесся разом
По милости творца земли и вод
К нездешним рекам и нездешним кущам,
Где хор святых угодников поет
Хвалу перед престолом присносущим <...> [Корнеев, Электронный ресурс].

Эпиграф, открывающий поэтический сборник Л. Коэна "Let Us Compare Mythologies", через паратекстуальный способ связи (см. п. 3.1.1) отсылает реципиента к поэтическому тексту Дж. Китса "Ode on a Grecian Urn" (1819). Главной для Дж. Китса была красота, которую он воспевал в своих творениях.

В поэтических мирах Дж. Китса именно красота — истина, она приводит к бессмертию, и именно красоте поэзия обязана своим существованием:

<...> When old age shall this generation waste,
Thou shalt remain, in midst of other woe
Than ours, a friend to man, to whom thou say'st,
"Beauty is truth, truth beauty" — that is all
Ye know on earth, and all ye need to know [Keats, 2014, p. 316].

<...> Вернешь потомков к отлетевшим дням Среди тревожных дней иной годины, — Им будешь другом, как была давно, И им промолвишь, что твердила нам: «Прекрасное и Истина едины, — Вот все, что на земле вам знать дано» <...> [Покидов, 2014, с. 317].

Идея красоты является принципиальной для реализации смыслового комплекса ИТ единицы *he*. Изучив контексты поэмы Дж. Мильтона и оды Дж. Китса, приходим к выводу, что *he* приобретает новый смысловой аспект: *он (he)* — *поэт (певец красоты, истины, вечности и пр.)*.

Аспекты смыслового комплекса *he* (Орфей, Иисус Христос) были подробно рассмотрены при поиске адресных текстов. В качестве аргументов, подтверждающих связь ИТ единицы *he* с древнегреческой мифологией и христианской культурой, были использованы паратекстуальные отношения, реализующиеся в рамках базового поэтического текста "Elegy" (соотнесенность темы стихотворения, его заглавия, названия сборника, содержания эпиграфов); результаты лексического анализа лексем базового текста "Elegy"; результаты анализа контекстных значений существительного *god*, а также отождествление данной лексемы с рассматриваемой ИТ единицей *he* (см. п. 3.1.1–3.1.2).

4.2. Интертекстуальные единицы *ocean* и *fish* находятся в состоянии контекстно-семантического взаимообогащения. В ходе предварительного ИТ анализа указанных лексем было выяснено, что, с одной

стороны, образ fish из рыбы-существа переходит в статус созвездия летучей рыбы (это также связывает существительное ocean с образом неба), с другой — символизирует Иисуса Христа (см. п. 3.1.3), шире — воскресение из мертвых (fish — Христос, ocean — небо). Именно воскресение из мертвых (при всем многообразии трактовок этого парадоксального образа) является смысловым ядром базового текста "Elegy". ИТ единица *ocean* является местом действия воскресения, перерождения, приобретенного неатрибутивным бессмертия — неизъяснимым, поэтическим пространством — вечностью, красотой, истиной. В смысловом комплексе ИТ единицы *ocean* сплетаются ИТ связи базового поэтического текста "Elegy" с адресными произведениями, а также результаты осмысления Л. Коэном мирового поэтического, мифологического и религиозного наследия. На основании многоаспектного нелинейного процесса динамики смыслового комплекса рассматриваемых ИТ единиц актуализируется наиболее точное контекстное значение существительного ocean — внутренний поэтический мир (личное поэтическое пространство, конец земной жизни — начало жизни вечной, мир красоты, мир истины, мир ненасилия и т. д.).

Отдельно отметим глубокие познания Л. Коэна в мировой культуре, мифологии, религии, поэзии. В тринадцати строках базового стихотворения "Elegy" поэт последовательно укладывает мифологические образы Древней Греции, христианские мотивы и, что самое важное для настоящего исследования, большую многовековую поэтическую традицию использования образа перерождения. В этом смысле Л. Коэн, вслед за канадским поэтом Д. К. Скоттом, продолжает не только мировую, но и канадскую поэтическую традицию.

В стихотворении "The Piper of Arll" Д. К. Скотт одним из первых канадских поэтов обращается к тематике романтизма, в частности — к образу перерождения как противопоставления взглядов и чувств человека окружающей действительности. В "The Piper of Arll" встречается образ воды:

<...> And there, unmarked of any chart, In unrecorded deeps they lie, Impearled within the purple heart Of the great sea for aye and aye.

Their eyes are ruby in the green

Long shaft of sun that spreads and rays,

And upward with a wizard sheen

A fan of sea-light leaps and plays.

Tendrils of or and azure creep,
And globe of amber light are rolled,
And in the gloaming of the deep
Their eyes are starry pits of gold <...> [Scott, Electronic resource].

<...> Они лежат в неведомых глубинах, Непомеченных на картах. Украшенные жемчугом лилового сердца Великого моря.

Их глаза — рубины зеленого Длинного древкового солнца, которое распространяет лучи, И поднимается вверх магическим сиянием Веер играющих скачков морского света.

Кружатся витки голубых мурашек, И шар янтарного света. В глубине вечерних сумерек Их глаза кажутся звездными пятнами золота <...>.

Важным в данном отрывке являются многочисленные эпитеты, сравнения, метафоры, описывающие внешность человека: the purple heart of the great sea (жемчуг лилового сердца великого моря), their eyes are ruby (их глаза — рубины), their eyes are starry pits of gold (их глаза кажутся звездными пятнами золота) и пр. Признак семантического подобия, по которому был связан базовой поэтический текст "Elegy" и стихотворение "The Piper of Arll", способен открыть много больше, чем просто играть роль аргумента тематической и образной пересекаемости интересующих читателя

произведений. Использование пейзажной лексики, выраженной в лексемах базового текста "Elegy", расширяет смысловой комплекс его ИТ единиц (см. п. 3.1.1). Посредством пейзажной лексики представляется возможным сформировать универсальную (по отношению к "Elegy") семантическую сеть, аспекты которой позволяют связать ИТ единицы *he* с мифом об Орфее, *fish* — с созвездием, *ocean* — с мотивом перерождения.

5. Синтез контекстных значений.

Финальный этап исследования поэтического текста Л. Коэна "Elegy" предполагает обобщение полученных результатов. Контекстные значения ИТ единиц адресных текстов, рассмотренные в предыдущих пунктах, объединяются в сводные таблицы формализации смыслового комплекса текстовых единиц. Синтез контекстных значений направлен на исследование глобальной ИТ и ИК пересекаемости лексем, текстов, текстовых корпусов и культурных явлений.

5.1. Контекстные значения интертекстуальных единиц в рамках базового поэтического текста "Elegy" и адресных (по отношению к ним) текстов.

Тезисно систематизируем результаты анализа п. 2–4.

- 5.1.1. Контекстные значения интертекстуальной единицы he.
- (1) Базовый ПТ "Elegy" (1956) энигматический образ 'он' (ИТ $_1$). Автотекстуальный тип связи:
- (2) ПТ "For Wilf And His House" (1794) 'Иисус Христос' (ИТ_2).
- (3) ПТ "Twilight" (1956) '«бывший» поэт как образ разочарования' (ИТ $_3$).
 - (4) ПТ "Rites" (1956) 'отец Л. Коэна' (ИТ₄).
 - (5) ПТ "Item" (1956) 'орел как символ перерождения' (ИТ₅).

Интекстуальный тип связи:

- (6) ПТ "Lycidas" (1637) 'поэт как певец красоты' (И T_6).
- (7) ПТ "Ode on a Grecian Urn" (1819) 'поэт как певец красоты' (ИТ₇).

Архитекстуальный тип связи:

- (8) Древнегреческая мифология 'Орфей' (ИТ₈).
- (9) Христианская культура 'Иисус Христос' (ИТ₉).

Годы создания произведений, в которых встречаются ИТ₁-ИТ₅, совпадают, т. к. все они включены в сборник "Let us Compare Mythologies". Установить год написания каждого отдельно взятого поэтического текста не представляется возможным, поэтому порядок появления стихотворений организован в соответствии с порядком их появления в сборнике. Контекстные значения UT_2 и UT_9 , UT_6 и UT_7 совпадают, поэтому в таблице будут представлены только значения ИТ₂ (из-за эксплицитного контекста фрагмента поэтического текста "For Wilf And His House", в котором встречается ИТ единица he) и ИТ₇ (т. к. в сборнике "Let us Compare Mythologies" представлена однозначная паратекстуальная отсылка к поэтическому тексту Дж. Китса "Ode on a Grecian Urn"). Если прототекстом выступает общеизвестный архетип, собирательный образ или персонаж, и одновременно с этим реципиент находит однозначные ИТ связи с тем же персонажем в метатексте, за основу принимается контекстное значение метатекста. Так, вариант интерпретации ИТ единицы $he - Mucyc \ Xpucmoc$ (автотекстуальный тип связи), четко обозначенный Л. Коэном в "For Wilf And His House", имеет больший приоритет, чем ИТ единица *he* как архитекстуальный, общеизвестный Иисус Христос.

- 5.1.2. Контекстные значения интертекстуальной единицы ocean.
 - (1) Базовый ПТ "Ocean" (1956) 'океан' (ИТ₁).

Интекстуальный тип связи:

- (2) ПТ "Lycidas" (1637) 'океан как место перехода из жизни в вечность, образ перерождения' (ИТ₂).
 - (3) ПТ "The Piper of Arll" (1911) 'океан как образ поэта' (ИТ₃).

- 5.1.3. Контекстуальные значения интертекстуальной единицы *fish*.
 - (1) Базовый ПТ "Ocean" (1956) 'летучая рыба' (ИТ₁). Архитекстуальный тип связи:
- (2) Христианская культура 'Иисус Христос как символ перерождения, бессмертия, вечной жизни' (ИТ₂).
 - (3) Астрономия 'созвездие Летучей Рыбы' (ИТ₃).
- 5.2. Зависимость динамики смыслового комплекса анализируемой интертекстуальной единицы от контекста употребления.

Определив контекстные значения анализируемых ИТ единиц каждого из рассмотренных текстов, представим результаты анализа в виде таблицы:

		контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи						
ИТ he		базовый ПТ "Elegy"	ан	зтотекст	интексту альность	архи текстуаль ность		
ne	ПТ "For Wilf And His House"		ПТ "Twili ght"	ПТ "Rites"	ПТ "Item"	ПТ "Ode on a Grecian Urn"	мифо- логия	
	ИТ1	энигматич еский						
		образ «он»						
ИК	$ИТ_2$	Иисус Х	ристос					
связь	ИТ3	образ р	образ разочарования					
	ИТ4	отец Л. Коэна						
	ИТ5	op	орёл как символ перерождения					
	ИТ7	поэт как певец красоты						
	ИТ8				Орфей			

Таблица 14 наглядно показывает многоаспектность смыслового комплекса ИТ единицы he. Благодаря ИК виду отношений — наслоению

контекстов адресных произведений на базовый поэтический текст "Elegy", актуализируется динамика смыслового комплекса ИТ единицы he. Данная единица способна определяться не только одним из словарных значений, но и новыми несловарными значениями, выделенными из адресных произведений благодаря ИТ и ИК видам межтекстового взаимодействия, а также лингвосинергетическим текстовым признакам незамкнутости, неустойчивости, эмерджентности, иерархичности, идентичности и подобия. Более того, интерпретация ИТ единицы he сводится не просто к выбору связной имеюшихся значений, a К актуализации семантической пересекаемости. Поэтические образы перетекают один в другой под влиянием ИК связей. Так. ИТ he единица ИЗ «неинтерпретируемой» общеупотребительной лексемы, выраженной личным местоимением *он*, становится образом отца поэта, Орфея, Христа, поэзии, вечности, красоты. Если отец, Орфей или Христос представляются логичными вариантами интерпретации, то поэзия, вечность и красота могут быть реализованы только на образном, интерконтекстуальном уровне прочтения произведения. Все контекстные значения являются аспектами одного универсального нелинейного, иерархического смыслового комплекса ИТ единицы he.

 Таблица 15

 Синтез контекстных значений интертекстуальной единицы ocean

			контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи		
	ИТ ocean	базовый ПТ "Elegy"	ИНТ	екстуальность	
	III ocean		ПТ "Lycidas"	ПТ "The Piper of Arll"	
	ИТ1	океан			
ИК связь	ИТ2	океан как место пе в вечность, образ	•		
ик связь	ИТ3		поэта		

Контекстные значения ИТ единицы *ocean* организованы в таблице 15 иерархически с тем, чтобы продемонстрировать высокую ИТ и ИК пересекаемость рассматриваемых лексем. Контекстное значение ИТ₃ реализуется в базовом поэтическом тексте "Elegy", адресных поэме "Lycidas" и стихотворении "The Piper Arll".

Практически В любом тексте встречается какое-либо личное местоимение. Как правило обусловлено грамматически, это реже — концептуально. Если предположить, что смыслообразование или синтез контекстных значений языковых единиц и их комбинаций также подвержен определенным законам, принципам или правилам, то можно утверждать, что существует и некоторая частотность контекстов, благодаря которой функционирует ИТ способ передачи информации. В этом случае наиболее актуальными будут выступать те контексты, которые максимально приближены к так называемому «t₀» [Кузьмина, 1999, с. 27] — настоящему Это обусловлено тем, что именно новейшие контексты, возникающие на основе классических, архетипических контекстов, несут в себе информацию о последних. Примером может служить подробно рассмотренная образная преемственность океан – перерождение, которая сводится к инверсной хронологической схеме: Л. Коэн – Д. К. Скотт – Дж. Китс – Дж. Мильтон. Таким образом, универсальность контекста и динамика смыслового комплекса ИТ единиц в целом напрямую зависят от времени и объема накопленной информации.

 $\begin{tabular}{l} $\it Taблицa~16$ \\ \begin{tabular}{l} \it Cunter Kontekethux 3 начений интертекстуальной единицы \it fish \it fish$

	ИТ	базовый ПТ	контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи		
			автотекстуальность		
		fish "Elegy"	Христианство	Астрономия	

	ИТ1	рыба		
ИК связь	ИТ2	Иисус Христос		
	ИТ3	созвездие Летучая Рыба		

Таблица 16 завершает представленный список контекстных значений ИТ единиц поэтического текста Л. Коэна "Elegy". Основываясь на полученных результатах исследования, представляется возможным предложить свой вариант или варианты интерпретации фрагментов или общего содержания базового стихотворения "Elegy": поэт (он) погиб (утонул) и переродился (через Бога, богов, внешние/внутренние силы, поэтическую энергию; в тексте эта мысль выражена в образе летучих рыб) в поэзии (океане), в своих стихах, остался в памяти, стал бессмертным, попал в рай и т. д. Выбор или поиск одного/нескольких вариантов понимания анализируемого ПТ видится избыточным, поскольку задача исследования — обсуждение динамики смыслового комплекса ИТ единиц, то есть фактической способности иметь несколько значений (в том числе несловарных) в рамках одного и того же контекста и быть понятой, интерпретированной, определенной не одним значением из множества, а общим многоуровневым смысловым комплексом, формирующимся в результате ИТ и ИК видов межтекстового взаимодействия.

Выводы

представлены результаты В практического главе исследования интертекстуальных единиц в англоязычных поэтических текстах XVIII-XX вв. Приведен комплексный анализ стихотворений "The Lamb" (Агнец) английского поэта У. Блейка (три интертекстуальные единицы Lamb, child, "Parting" (Разлука) американского поэта Э. Дикинсон (четыре интертекстуальные единицы My life closed twice before its close, parting, Heaven, *Hell*) "Elegy" (Элегия) канадского Л. Коэна (четыре поэта интертекстуальные he, fish). Указанные единицы god, ocean, поэты — представители различных стран, жившие в разное время, а их

творческое наследие несопоставимо по своей тематике, лексике, стилистике и выразительным средствам. Разнообразие материала исследования подкрепило достоверность и убедительность полученных результатов.

Исследование произведений осуществлялось по представленной модели анализа и синтеза смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте. Работа велась в два этапа. На первом этапе проводилась фрагментация текста, выделялись единицы анализа, устанавливались адресные тексты, определялись и обсуждались контекстные значения выделенных доминант. На втором этапе было реализовано синтезирование наработанных контекстных значений в единую смысловую совокупность, выражающую динамику смыслового комплекса ИТ единиц.

Полиинтерпретативность ИТ единицы реализуется благодаря синтезу интертекстуального интерконтекстуального взаимодействия, И видов дополненным лингвосинергетическими признаками незамкнутости, неустойчивости, нелинейности, иерархичности, эмерджентности смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте. Лексема, стоящая в эксплицитном контексте, интерпретируется однозначно, из-за чего не может вступать в интертекстуальные связи с адресными текстами. Другими словами, она семантически замкнута. ИТ единица же пребывает в имплицитном контексте, что позволяет ей быть семантически незамкнутой, то есть вступать в межтекстовые отношения единицами адресных cтекстов. Интертекстуальность позволяет реципиенту определять адресные тексты, руководствуясь узнаваемостью образов, тематической и близостью произведений, частотностью употребления анализируемых лексем. После определения и анализа контекстных значений в установленных интертекстуальный вид отношений адресных текстах сменяется интерконтекстуальным. Адресные контекстные значения наслаиваются на контекстное значение базовой ИТ единицы. В результате базовая ИТ единица интерпретируется не только одним или несколькими словарными значениями в заданном контексте, но и несловарными значениями единиц адресных текстов. Так, ИТ единица Lamb стихотворения У. Блейка "The Lamb" из агнца преобразуется в Бога, поэтическое начало, евангелического Иисуса Христа; ИТ единица child из ребенка становится Вечным Человеком Альбионом; ИТ единица God интерпретируется как Любовь, Поэтический Гений, Уризен, Иисус Христос У. Блейка.

Исследуемому стихотворению "Parting" и поэзии Э. Дикинсон в целом свойственны авто- и паратекстуальные типы отношений. В отличие от У. Блейка, который часто ссылается на библейские прототексты, творчество Д. Алигьери, Дж. Мильтона и других поэтов через единицы интекстуальности (аллюзию, имена собственные, цитацию), а также видоизменяет известные образы, Э. Дикинсон общекультурные заключает элементы единого гипертекста в своих произведениях и письмах. Контекстные значения идентичных образов согласуются друг другом cчерез единицы автотекстуальности (самоаллюзию и самоцитацию), образуя интерконтекст и шире — единый текст. Так, образ *Immortality* от узкого словарного значения бессмертие становится образом поэзии, Heaven и Hell из религиозных понятий преобразуются в образы личного счастья, жертвенности и любви.

Особенную роль в динамике смыслового комплекса ИТ единиц в поэтическом тексте "Parting" играет признак эмерджентности, позволяющий определенным контекстным значениям, наслаивающимся друг на друга в сознании реципиента, рождать новые, вербально невыраженные смыслы. Так, ИТ единица *My life closed twice before its close* через совокупность авто- и паратекстуальных связей с адресными произведениями способна не просто расширить свой смысл, но конкретизировать энигматичные образы закончившейся жизни: частица Э. Дикинсон умирает дважды вместе с ее близкими людьми.

Отличительной чертой поэзии Л. Коэна выступает ярко выраженная архитекстуальность его творений, лексическая простота, во многом — краткость, ассоциативность образов.

В ходе анализа поэтического текста "Elegy" Л. Коэна были последовательно рассмотрены интертекстуальные и интерконтекстуальные отношения исследуемых образов. Совокупность этих отношений актуализировала динамику смыслового комплекса всего произведения в целом.

Так, смысловой комплекс образа *ocean* способен вмещать одновременно несколько несловарных значений, выделенных в ходе анализа адресных текстов: *oкeaн* – *noэзия* – *внутренний мир noэта* – *небо*.

Особенности выделения ИТ единиц из исследуемого поэтического текста, а также установления межтекстовых связей меду ним и адресными произведениями, помимо предложенных критериев также основываются на лингвосинергетических текстовых признаках. Так, признак незамкнутости обеспечивает связь поэтического текста с внешней средой (адресными неустойчивости И нелинейности текстами); признаки реализуют полиинтерпретативность текстового смыслового комплекса, идентичности и подобия выступают в роли критериев подбора адресных текстов.

Образ *he* стихотворения "Elegy" вступает в автотекстуальную связь с четырьмя идентичными ему образами произведений, включенных в один поэтический сборник со стихотворением "Elegy". В произведениях "Rites" и "Item" автор прямо определяет личное местоимение *he* как *отец* и *орел* соответственно. В стихотворениях "For Wilf And His House" и "Twilight" Л. Коэн помещает лексему *he* в имплицитный контекст, благодаря чему реализуются автотекстуальные связи с идентичными ей лексемами адресных произведений (в данном случае — других произведений Л. Коэна) и обмен контекстными значениями между ними.

Лексема *fish* связывается с подобными, то есть тематически и семантически близкими ей лексемами через архитекстуальный тип отношений. *Рыба* как символ Иисуса Христа и *рыба* как Созвездие Летучей Рыбы органично вписываются в общую канву базового стихотворения "Elegy", не нарушая связности произведения.

Синтез текстоведческих и лингвосинергетических основ исследования позволил обосновать феномен полиинтерпретативности ИТ единиц поэтического текста через интерконтекстуальный вид межтекстовых отношений. Установленная способность базовой интертекстуальной единицы обмениваться контекстными значениями с интертекстуальными единицами адресных текстов подкрепляет актуальность поэзии как человеческого мышления, самоопределения, творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1.

В работе предложен комплексный подход к исследованию природы смысловых комплексов интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Данный подход разработан с позиций значимых для языкознания научных парадигм: текстоведческой и лингвосинергетической.

1. С точки зрения текстоведения, исследование объекта диссертации, поэтического текста, выстроено на основе идейно-образных, лексикостилистических и фонических особенностей стихотворных произведений. В результате поэтический текст определен в узком смысле как ритмически организованная обычно рифмованная речь, характеризующаяся большим количеством стилистических фигур, выражающих авторскую эстетику.

Исследование стихотворных произведений с позиции выполняемых ими функций позволило характеризовать поэтический текст в широком смысле как результат языковой деятельности человека (выраженный, как правило, в стихотворной форме), задачей которой является передача преимущественно этико-эстетической и духовной информации.

Выделены и рассмотрены признаки поэтического текста. За основу взята многоаспектная типология текстовых признаков, качеств и свойств, разработанная учеными Уральской семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Указанная типология дополнена признаком интертекстуальности.

2. Интертекстуальность в широком смысле — генеральный признак поэтического текста, выражающийся в глобальной интеграции поэтических произведений как единиц словесной традиции и культуры.

Интертекстуальность в узком смысле — дифференциальный признак поэтического текста, актуализирующийся в способности единиц базового

текста ссылаться на единицы адресных текстов, встречающиеся в творчестве того же автора, смежном искусстве или предшествующей литературе.

Признак интертекстуальности позволил взглянуть на системность поэтического текста в новом свете. Установлено, что основой организации смыслового комплекса стихотворных произведений и их интертекстуальных единиц выступает именно межтекстовое взаимодействие, обеспечивающее семиотическую связь элементов одного текста с элементами других литературных произведений и феноменов культуры.

Типология интертекстуальных отношений основана на модифицированной модели Н. С. Олизько, которой согласно интертекстуальность рассмотрена cпозиций синтагматики паратекстуальность) (автотекстуальность, И парадигматики (интекстуальность, архитекстуальность).

ходе исследования метатекстовой функции межтекстового взаимодействия было выявлено, что семантика интертекстуальной единицы формируется результате синтеза противоположных двух видов отношений, межтекстовых a именно — интертекстуального И интерконтекстуального.

Понятие интерконтекстуальности введено впервые. Интерконтекстуальность — вид межтекстового взаимодействия, выстроенный на обмене контекстными значениями между лексемами или группами лексем, которые входят в состав текстов — участников этого взаимодействия.

Единицы интертекстуальности и интерконтекстуальности — общие. Интертекстуальность и интерконтекстуальность отличаются функциональной направленностью: первая выполняет метатекстовую функцию, направлена от читателя к тексту; вторая — функцию смыслообразования, направлена от текста к читателю.

3. Исследование обширного практического материала показало, что совокупность функционально различных видов межтекстовых отношений формирует смысловой комплекс интертекстуальной единицы. Этот комплекс включает контекстные значения обсуждаемой единицы, выявленные во всех текстах, в состав которых она входит. Важно отметить, что смысловой комплекс интертекстуальной единицы может актуализироваться в каждом содержащем ее тексте.

Особенности смыслового комплекса интертекстуальной единицы исследованы с позиции лингвосинергетической научной парадигмы. Выявлены следующие признаки смыслового комплекса:

- незамкнутость как открытость смыслового комплекса контекстным значениям адресных текстов;
- нелинейность как многогранность и непоследовательность связей смыслового комплекса с контекстными значениями адресных текстов;
- неустойчивость как способность смыслового комплекса к динамике обогащению контекстными значениями адресных текстов;
- иерархичность как структурированность, последовательность процесса семантического обогащения;
- эмерджентность как потенция смыслового комплекса порождать новые смыслы, не присущие отдельным иерархическим уровням системы, а проявляющиеся только при их совместном функционировании.

Синтез текстоведческого, интертекстуального и лингвосинергетического аспектов диссертации позволил разработать концепцию текстовой гиперсферы — собрания всех существующих текстов; множества, элементы которого (художественные, поэтические, научные и прочие тексты) связаны интертекстуально.

Текстовая гиперсфера — теоретическая модель межтекстового взаимодействия, выстроенного на основе интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений. На примере данной модели рассмотрен

процесс динамики смыслового комплекса интертекстуальной единицы с позиции метатекстовой и смыслообразующей функций межтекстового взаимодействия.

Процесс интертекстуальных отношений направлен от реципиента к тексту. Реципиент, опираясь на фоновые знания или внешние источники информации, связывает между собой тексты одного или разных авторов через выполняемую интертекстуальностью метатекстовую функцию. реципиент определил все возможные для себя адресные тексты, он изучает контекстные значения анализируемой интертекстуальной единицы в каждом из этих текстов. В результате актуализируется интерконтекстуальный вид отношений, который «передает» контекстные значения от текста к Наслоение контекстных реципиенту. значений на рассматриваемую интертекстуальную единицу формирует ее смысловой комплекс. Этот комплекс динамичен, т. к., с одной стороны, определить все адресные тексты — задача практически невыполнимая, с другой — новые адресные тексты появляются постоянно.

2.

Теоретические воззрения, представленные в диссертации, подкрепляются широкой методологической базой исследования.

1. Все интертекстуальные единицы разделены на маркированные и немаркированные.

Маркированным интертекстуальным единицам свойственна графичность, выражающаяся кавычками, прописными буквами, курсивом и прочими авторскими пометками.

Признаком немаркированных интертекстуальных единиц является полиинтерпретативность в рамках заданного контекста. Графичность же им не свойственна.

С точки зрения лингвосинергетики, интертекстуальные единицы разделены на идентичные и подобные.

Идентичные интертекстуальные единицы — графически/фонетически тождественные текстовые единицы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения. Идентичность близка омонимии, а идентичные интертекстуальные единицы — омонимам. Разница между ними заключается в том, что смысл омонимов определяется контекстом, задающим подходящее словарное значение. Работая же со смысловым комплексом идентичных интертекстуальных единиц, реципиент имеет дело с несловарными контекстными значениями.

Подобные интертекстуальные единицы объединены близостью контекстных значений. Графическая и фонетическая формы подобных интертекстуальных единиц различаются. В то время как идентичность ассоциируется с омонимией, подобие близко синонимии. Интертекстуальные единицы, которые не являются словарными синонимами, могут быть подобными, то есть близкими по смыслу в рамках индивидуально-авторской картины мира и межтекстовых связей ее элементов с адресными текстами.

Введено понятие интертекстуального потенциала. Под интертекстуальным потенциалом понимается совокупность всех возможных в текстовой гиперсфере межтекстовых связей между интертекстуальной единицей базового и адресных произведений.

Лексемы представлены дизъюнкцией $0 \lor 1$, где 0 — отсутствие; 1 — наличие интертекстуального потенциала. Лексемы, чей потенциал равен 1, разделены на два типа:

- упоминание или цитирование общеизвестных/неизвестных текстов через единицы авто-, пара-, ин-, архитекстуальности;
- отсылки к референту через личные местоимения или общеупотребительные существительные без указания имени человека или названия объекта.

- 2. Результаты исследования практического материала позволили сформулировать два важных тезиса:
- критерий полиинтерпретативности представляется более точным инструментом выделения немаркированной интертекстуальной единицы, чем критерий узнаваемости;
- полиинтерпретативность интертекстуальной единицы обусловлена контекстуально.

На основании контекстной неоднозначности интертекстуальной единицы определен имплицитный тип контекста.

Имплицитный контекст — законченный отрывок письменной или устной речи, позволяющий реципиенту трактовать смысл рассматриваемой лексемы несловарно.

Имплицитный контекста свойственен поэтическому тексту, поскольку в стихотворных текстах, как правило, отсутствует ретроспективная или проспективная информация, способная уточнить семантику лексемы рассматриваемого фрагмента. Из-за этого возникает энигматичность, приводящая к недостаточности или имплицитности контекста употребления той или иной лексемы.

3. Интертекстуальная единица — доминанта поэтического текста. Доминанта понимается вслед за У. Эко как манифестирующая бессознательное, неоднозначная, неузнаваемая единица текста.

Одним из основных качеств немаркированной интертекстуальной выступает именно ее неузнаваемость. C другой стороны, поэтическом доминантная единица В тексте всегда является интертекстуальной единицей; она также может быть представлена, например, лексико-грамматическими доминантами стихотворного текста. Однако, каждая интертекстуальная единица является доминантой. Таким образом, вычленение немаркированной интертекстуальной единицы сводится к вычленению доминант поэтического текста.

4. Выделены критерии определения интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.

Общие:

- узнаваемость;
- повторяемость;
- автографичность;
- аллографичность.

Частные:

- конъюнкция контекстных значений;
- отсутствие контекст-партнера;
- энигматичность.

Общие критерии основаны на теории интертекстуальности. Частные критерии базируются на законе семантического согласования, сформулированного В. Г. Гаком, а также на научных работах Ю. В. Казарина и С. С. Аверинцева по исследованию поэтического текста.

5. Разработана модель комплексного анализа интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. Объектом анализа выступает поэтический текст как динамическая система. Предметом анализа служит интертекстуальная единица поэтического текста. Целью анализа является исследование особенностей динамики смыслового комплекса интертекстуальных единиц в поэтическом тексте.

Модель включает следующие этапы:

- 1) фрагментация текста;
- 2) вычленение интертекстуальных единиц в поэтическом тексте;
- 3) выделение интертекстуальных единиц в адресных текстах;
- 4) анализ контекстных значений интертекстуальных единиц в базовом и адресных текстах;
 - 5) синтез полученных контекстных значений.

Практический материал диссертации обширен. Были изучены творения 35 поэтов, живших в период с XVIII по XX вв. Всего было исследовано 1996 контекстов. Каждый из этих контекстов содержал хотя бы одну интертекстуальную единицу.

В практическую часть диссертации включены основные результаты исследования творчества трех важных для мировой поэзии авторов: английского поэта У. Блейка на примере стихотворения "The Lamb", американского поэта Э. Дикинсон на примере стихотворения "Paring" и канадского поэта Л. Коэна на примере стихотворения "Elegy".

Поэты выбраны не случайно. Между ними нет сходства ни по времени, ни по стране, ни по эстетике. Работа с разноплановым практическим материалом подчеркнула универсальность разработанной авторской модели.

Разработанная и предложенная в диссертации модель комплексного анализа и синтеза контекстных значений интертекстуальных единиц в поэтическом тексте позволила определить следующие особенности творчества указанных авторов:

1) выделить наиболее и наименее часто использующийся поэтом тип интертекстуальных отношений.

Типы представлены в порядке от высшей частотности употребления к низшей:

- интекстуальность автотекстуальность архитекстуальность паратекстуальность в творческом наследии У. Блейка;
- автотекстуальность паратекстуальность интекстуальность архитекстуальность в поэтических произведениях Э. Дикинсон;
- архитекстуальность автотекстуальность паратекстуальность интекстуальность в стихах Л. Коэна.

- 2) установить, какие адресные тексты, факты биографии и культурносоциальные события влияли на творчество исследуемых авторов:
- тексты Ветхого и Нового завета, творения Д. Алигьери, произведения У. Шекспира, поэмы Дж. Мильтона, тексты греческой мифологии, античное искусство и философия, эзотерические идеи Э. Сведенборга, идеология Французской и Американской революции, промышленная революция, труды И. Ньютона, смерть младшего брата, социальный статус (невозможность путешествовать по миру) оказали сильное влияние на творчество У. Блейка;
- тексты Ветхого и Нового завета, поэзия Д. Алигьери, пьесы У. Шекспира, произведения Дж. Китса, стихи У. Вордсворта, творения Р. У. Эмерсона, естественно-научные концепции начала-середины XIX в., Гражданская война (1861–1865 гг.), сложная социальная и личная жизнь, многочисленные потери родственников и друзей, богатая переписка повлияли на создание стихов Э. Дикинсон;
- влияние текстов Ветхого и Нового завета, древнегреческой мифологии, поэзии Дж. Мильтона, Дж. Китса, У. Б. Йейтса, У. Уитмана, Г. Миллера, творчества канадских поэтов Д. К. Скотта и А. М. Кляйна, прозы У. Фолкнера, идеологии модернизма и постмодернизма, смерти отца поэта отразились на творчестве Л. Коэна.
- 3) определить и осмыслить семантику авторских поэтических образов с позиций межтекстовых отношений:
- Lamb (ягненок, Бог, поэтическое начало, Иисус Христос), child (ребенок, Бог, богочеловек, ангел, Вечный Человек Альбион, Иисус Христос), God (милосердие, забота, невинность, любовь; Поэтический Гений; Уризен как символ рационализма и деспотизма; Иисус Христос как символ поэзии, иррационализма, протеста, революции) в творчестве У. Блейка;
- My life closed twice before its close (две значительные потери, изменившие жизнь поэта, смерть двух близких для поэта людей), Immortality (бессмертие в христианском смысле, общение посредством письма/чтения,

память о человеке, поэзия), *Heaven* и *Hell* (стремление к благу-раю и раскаяние-ад; личный рай — жизнь в любви, личный ад — жизнь без любви; рай и ад как «научные» концепции, рай и ад как теологические концепции) в поэтических текстах Э. Дикинсон;

— *he* (Иисус Христос, образ разочарования, отец поэта, символ перерождения, поэт как певец красоты, Орфей), *ocean* (место перехода из жизни в вечность, образ перерождения, образ поэта), *fish* (рыба, Иисус Христос, Созвездие Летучей Рыбы) в произведениях Л. Коэна.

4.

Результаты теоретического, методологического практического И настоящей аспектов диссертации позволили выделить следующие особенности природы И динамики смыслового комплекса единиц поэтического текста.

- 1. Смысловой комплекс лексемы формируется благодаря разнонаправленности функций интертекстуального и интерконтекстуального видов межтекстовых отношений.
- 2. Смысловой комплекс интертекстуальной единицы собрание контекстных значений этой единицы, находящейся в адресных текстах, наслоенных на ее базовое контекстное значение.
- 3. Смысловой комплекс интертекстуальной единицы включает ее фактические словарные и потенциально возможные несловарные значения и смыслы.
- 4. Смысловой комплекс интертекстуальной единицы результат ее семантической самоорганизации.
- 5. Смысловой комплекс интертекстуальной единицы содержит текстовую память об авторе, его жизни, интересах и адресных произведениях, влиявших на создание рассматриваемого стихотворения.

- 6. Динамика смыслового комплекса интертекстуальной единицы в поэтическом тексте реализуется через признаки идентичности и подобия этой единицы. Именно благодаря им интертекстуальность реализует метатекстовую функцию.
- 7. Динамика смыслового комплекса реализуется благодаря метатекстовой и смыслообразующей функциям межтекстовых отношений; совокупность этих функций обеспечивает реноминацию исследуемой интертекстуальной единицы.
- 8. Динамика смыслового комплекса интертекстуальной единицы зависит от иерархической подчиненности межтекстовых отношений.

Иерархия представлена парадигмой: контекстное значение интертекстуальной единицы в базовом тексте — контекстные значения интертекстуальных единиц в адресных текстах — совокупность контекстных значений интертекстуальных единиц.

9. Динамика смыслового комплекса лексемы бесконечна, поскольку интертекстуальный потенциал этой лексемы никогда не будет реализован в полной мере. С одной стороны, реципиент не способен определить все без исключения адресные тексты в данный момент времени, с другой — новые тексты появляются непрерывно.

5.

В связи с дальнейшим развитием идей диссертации можно сформулировать ряд проблемных вопросов:

1. Проблема жанровой универсальности представленной модели — применение ее к исследованию текстов других функциональных стилей, например, художественных, публицистических, научных и прочих текстов.

- 2. Проблема расширения предмета анализа. Исследовать динамику смыслового комплекса не только интертекстуальных единиц, но и других доминант поэтического текста.
- 3. Проблема языковой универсальности. Результаты практического исследования поэтических текстов, написанных не только на английском, но и русском, немецком, французском, испанском, китайском и других языках.

Ответы на эти и некоторые другие вопросы формируют перспективы направления дальнейшего исследования природы и динамики смыслового комплекса текстовых единиц.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС

Автотекстуальная единица — самоцитация, самоаллюзия.

Адресный текст — текст, на который ссылается интертекстуальная единица.

Архитекстуальность — отсылка фрагмента или целого рассматриваемого произведения к общеизвестным художественным, поэтическим, мифологическим и прочим образам, а также феноменам культуры.

Гиперсфера текстовая— собрание всех существующих текстов; множество, элементы которого, художественные, поэтические, научные и другие тексты, взаимосвязаны через идентичные или подобные интертекстуальные единицы.

Динамика смыслового комплекса — процесс непрерывного пополнения семантики интертекстуальной единицы новыми контекстными значениями.

Доминанта текстовая — лексема или группа лексем, являющихся энигматичным, полиинтерпретативным образом, который влияет на семантику фрагмента или всего рассматриваемого произведения.

Значение несловарное — значение, не зафиксированное в словаре.

Идентичные интертекстуальные единицы— графически и фонетически тождественные лексемы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения.

Иерархичность — порядок подчиненности уровней межтекстовых отношений между интертекстуальными единицами базового и адресных текстов.

Имплицитный контекст — контекст, в котором текстовая единица приобретает статус полиинтерпретативной.

Интекстуальная единица — аллюзия, цитация, аллюзивный сюжет, аллюзивный антропоним.

Интерконтекстуальность — вид межтекстового взаимодействия, выстроенный на обмене контекстными значениями между лексемами или группами лексем, которые входят в состав текстов — участников этого взаимодействия.

Интертекстуальность в узком смысле — вид межтекстового взаимодействия, при котором единицы базового текста ссылаются на единицы адресных текстов, встречающихся в творчестве того же автора, смежном искусстве или предшествующей литературе.

Интертекстуальность в широком смысле — глобальная интеграция поэтических текстов — единиц словесной традиции и культуры.

Интертекстуальный потенциал — совокупность всех возможных межтекстовых связей между интертекстуальными единицами базового и адресных произведений.

Метатекст — текст-акцептор, который содержит отсылки к оригинальному, первичному тексту.

Незамкнутость — открытость смыслового комплекса интертекстуальной единицы к принятию «новых» контекстных значений, содержащихся в адресных текстах.

Нелинейность — множественность вариантов интерпретации интертекстуальной единицы, ни один из которых не нарушает связности рассматриваемого произведения.

Неустойчивость — потенция интертекстуальной единицы иметь словарные и несловарные значения в рамках одного контекста поэтического текста.

Паратекстуальная единица — заглавие, эпиграф, авторский комментарий, редакторская аннотация и пр.

Подобные интертекстуальные единицы — близкие по смыслу, но различные по фонетической и графической форме лексемы, вступающие друг с другом в межтекстовые отношения.

Поэтический текст в узком смысле — ритмически организованная обычно рифмованная речь, характеризующаяся большим количеством стилистических фигур, выражающих авторскую эстетику.

Поэтический текст в широком смысле — результат (выраженный, как правило, в стихотворной форме) языковой деятельности человека, задачей которой является передача преимущественно этико-эстетической и духовной информации.

Прототекст — текст-донор, первичный текст, на который ссылаются тексты, появившиеся впоследствии.

Семантическая самоорганизация — результат межтекстовых отношений, выражающийся в формировании смыслового комплекса интертекстуальной единицы.

Смысловой комплекс — совокупность контекстов и контекстных значений всех интертекстуальных единиц, участвующих в межтекстовом взаимодействии в рамках анализа одного доминант-кода, выраженного в поэтическом тексте базовой интертекстуальной единицей.

Эксплицитный контекст — контекст, в котором лексема интерпретируется только одним словарным значением.

Эмерджентность — возникновение новых смыслов и значений интертекстуальной единицы, которые не присущи отдельным иерархическим уровням межтекстовых отношений, а проявляются только при их совместном функционировании.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список использованной научной литературы

- 1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 154 с.
- 2. Азначеева, Е. Н. Музыкальные принципы организации литературнохудожественного текста / Е. Н. Азначеева. – Пермь : Изд-во Пермского унта, 1994. – 72 с. Т. 1.
- 3. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставропол. отдя РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 6. Краснодар : Изд-во СГПИ, 2008. С. 20—26.
- 4. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка / Н. Ф. Алефиренко. Москва : Академия, 2007. 367 с.
- 5. Альбеков, Н. Н. Эмерджентность как компонент инвариантно-вариативной структуры переводных текстов: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Альбеков Нурвади Насруддинович. Ставрополь, 2009. 22 с. Место защиты: Ставроп. гос. ун-т.
- 6. Андреева, Е. В. Математические основы информатики : учеб. пособие / Е. В. Андреева, Л. Л. Босова, И. Н. Фалина. Москва : БИНОМ, 2005. 328 с.
- 7. Андрусенко, Т. В. Системно-динамическая организация текстового пространства в синергетическом аспекте : специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук / Андрусенко Татьяна Владиславовна. Оренбург, 2010. 167 с. Место защиты: Челяб. гос. ун-т.
- 8. Апресян Ю. Д. К новой версии теории лексических функций / Ю. Д. Апресян // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы : материалы и тез. докл. Санкт-Петербург, 2011. С. 21–26.

- 9. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. 448 с.
- 10. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. / И. В. Арнольд. Москва : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
- 11. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности / А. Ю. Арутюнова. Пятигорск : РИА-КМВ, 2009. 176 с.
- 12. Аршинов, В. И. Синергетика встречается со сложностью / В. И. Аршинов. Текст : электронный // Сайт С. П. Кудрюмова. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/arshinnn.htm (дата обращения: 10.04.2019).
- 13. Аттрактор и бабочка. Памяти Эдварда Нортона Лоренца. Текст : электронный // Lenta.ru. URL: http://lenta.ru/articles/2008/04/18/lorenz/ (дата обращения: 10.04.2019).
- 14. Бабайлова, А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: Социопсихолингвистические аспекты / А. Э. Бабайлова; под ред. А. А. Леонтьева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 153 с.
- 15.Бабенко, Л. Г. Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров / Л. Г. Бабенко // Новые подходы к изучению семантики: материалы межвузовской науч. конф., 6 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 3–18.
- 16. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник, практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. 3-е изд., испр. Москва: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
- 17. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста / Л. Г. Бабенко. Москва : Академический Проект : Деловая книга, 2004. — 464 с.

- 18. Бабенко, Н. С. О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры / Н. С. Бабенко // Лексика и стиль : сб. науч. тр. Тверь, 1993. С. 9–16.
- 19.Бабич, И. Н. Совершенствование учебно-воспитательного процесса школы в условиях функционирования образовательной среды, реализованной на базе информационных и коммуникационных технологий: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ирина Николаевна Бабич. Москва, 2006. 221 с. Место защиты: Ин-т информатизации образования Рос. акад. образования.
- 20. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. Москва : Изд-во УРСС Эдиториал, 2001. 360 с.
- 21. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : специальность 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Анатолий Николаевич Баранов. Москва, 1990. 57 с. Место защиты: Ин-т рус. яз. АН СССР.
- 22.Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; под ред. Г. К. Косикова. 2-е изд., испр. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- 23.Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму; пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 247–311.
- 24.Барт, Р. Мифология / Р. Барт ; пер. С. Н. Зенкина. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
- 25. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. с фр.; под ред. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
- 26. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 336 с.

- 27.Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. Текст : электронный. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 10.04.2019).
- 28. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Работы 1940-х начала 1960-х годов. Т. 5 / М. М. Бахтин. — Москва: Русские словари, 1997. — 731 с.
- 29. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва : Искусство, 1979. 421 с.
- 30.Белозерова, Н. Н. Можно ли проверить дискурс фракталом? : [сайт]. URL: http://frgf.utmn.ru/last/No16/text01.htm (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 31. Белоусов, К. И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография / К. И. Белоусов. 2-е изд. Москва: ЛИБРОКОМ, 2013. 248 с.
- 32. Белоусов, К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография / К. И. Белоусов. Москва: Флинта: Наука, 2009. 211 с.
- 33. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1 / А. Белый. Москва: Искусство, 1994. 572 с.
- 34. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон. Москва: Искусство, 1978. 317 с.
- 35. Богатырёва, Н. А. Стилистика современного немецкого языка / Н. А. Богатырёва, Л. А. Ноздрина. Москва : Академия, 2005. 336 с.
- 36. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации / Г. И. Богин // Жанры речи. Вып. 1. Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997. С.10—22.
- 37. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. Москва : Флинта: Наука, 2009. 520 с.
- 38. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня : монография / Н. С. Болотнова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. 312 с.

- 39. Большаков, В. П. Теория культуры : [сайт]. URL: https://alleng.org/d/cult/cult032.htm (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 40. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании : монография / В. Г. Буданов. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
- 41. Буданов, В. Г. Методологические принципы синергетики / В. Г. Буданов // Новое в синергетике ; под ред. Г. Г. Малинецкого. Москва : Наука, 2006а. С. 312—322.
- 42. Буданов, В. Г. Методология и принципы синергетики / В. Г. Буданов // Філософія освіти. 2006б. № 1. С. 143—172.
- 43. Буданов, В. Г. Принципы синергетики и язык / В. Г. Буданов // Философия науки. Вып. 8. Синергетика человекомерной реальности. Москва: ИФ РАН, 2002. С. 340—353.
- 44.Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё. Текст : электронный.// Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Вып. 2. Т. 1. URL: http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html (дата обращения: 10.04.2019).
- 45. Бушманова, Н. И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма (проза Д. Х. Лоренса и В. Вулф) : специальность 10.01.05 «Литературоведение» : дис. ... д-ра филол. наук / Наталья Игоревна Бушманова. Москва, 1996. 401 с. Место защиты: Моск. пед. ун-т.
- 46.Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н. С. Валгина. Москва: Логос, 2003. 280 с.
- 47. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста / В. И. Вернадский ; АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. Архив. Москва : Наука, 1977. 175 с.
- 48. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. Москва : Едиториал УРСС, 2008. 648 с.

- 49.Викулова, Л. Г. Волшебная французская литературная сказка конца XVII конца XVIII века: Прагмалингвистический аспект / Л. Г. Викулова. Иркутск: ИГЛУ, 2001. 286 с.
- 50. Винарская, Е. Н. Выразительные свойства текста (на материале русской поэзии): учеб. пособие / Е. Н. Винарская. Москва: Высшая школа, 1989. 136 с.
- 51.Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. 259 с.
- 52.Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. Москва : Высшая школа, 1991. 448 с.
- 53. Волошинов, А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства / А. В. Волошинов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. Москва: Прогресс-Традиция, 2002. С. 213–246.
- 54. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. Москва : Языки русской культуры, 1998. С. 272–297.
- 55. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. Москва: Наука, 1981. 137 с.
- 56. Гальперин, И. Р. Грамматические категории текста / И. Р. Гальперин // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1977. Т. 36. № 6. С. 522—532.
- 57. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. Москва : Новое Литературное Обозрение, 1996. 352 с.
- 58. Гаспаров, М. Л. Поэт и поэзия / М. Л. Гаспаров. Москва : Рипол классик, 2018. – 396 с.
- 59. Гаспаров, М. Л. Избранные труды. Т. 2: О стихах / М. Л. Гаспаров. Москва : Языки русской культуры, 1997. 504 с.

- 60. Гаспаров, М. Л. Русские стихи 1890-х -1925-го годов в комментариях: учеб. пособие для вузов / М. Л. Гаспаров. Москва : Высшая школа, 1993. 272 с.
- 61. Гейхман, Л. К. Синергетическая педагогика: монография / Л. К. Гейхман, Л. В. Кушнина, А. В. Кушнин. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. 176 с.
- 62. Герман, И. А. Введение в лингвосинергетику: монография / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.
- 63. Герман, И. А. Лингвосинергетика: монография / И. А. Герман. Барнаул: Изд-во Алт. акад. экономики и права, 2000. 168 с.
- 64. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. Москва: Русслит, 1993. 374 с.
- 65. Гончарова, Е. А. Категории автор персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста (на материале немецкоязычной прозы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... д-ра филол. наук / Евгения Александровна Гончарова. Ленинград, 1989. 514 с. Место защиты: Ленинградский гос. пед. ин-т.
- 66. Готт, В. С. Философские вопросы современной физики / В. С. Готт. Москва : Высшая школа, 1988. 344 с.
- 67. Дрожащих, Н. В. Синергетические аспекты межкультурной коммуникации / Н. В. Дрожащих // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь: ПГТУ, 2010. С. 276–282.
- 68.Дрожащих, Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы / Н. В. Дрожащих // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 227–234.
- 69.Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
- 70. Жирмунский, В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. Ленинград : Советский писатель, 1975. 664 с.

- 71.Жолковский, А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. Москва : Наука, 1994. 428 с.
- 72. Казарин, Ю. В. Лингвистический анализ текста: учеб. пособие для академического бакалавриата / Ю. В. Казарин; под науч. ред. Л. Г. Бабенко. Москва: Издательство Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2018. 132 с. (Серия: Университеты России).
- 73. Казарин, Ю. В. Антрополингвистические основы литературной деятельности / Ю. В. Казарин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 132 с.
- 74. Казарин, Ю. В. Мастерская текста. Книга о текстотворчестве / Ю. В. Казарин. Екатеринбург : мАрАфон, 2008. 294 с.
- 75. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как система / Ю. В. Казарин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 260 с.
- 76. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; 7-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- 77. Квятковский, А. П. Русский свободный стих / А. П. Квятковский // Вопросы литературы. -1963. -№ 12. C. 61–78.
- 78. Климовская, А. Я. Романы Барбары Пим: проблема интертекстуальности: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»: дис. ... канд. филол. наук / Алиса Яковлевна Климовская. Санкт-Петербург, 2004. 235 с. Место защиты: Санкт-Петерб. гос. ун-т.
- 79. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — Москва : Наука, 1986. - 208 с.
- 80. Кожина, М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории / М. Н. Кожина. Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. 475 с.
- 81. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой аспект (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 52-61.

- 82.Колотов А. А.: [сайт]. URL: http://www.kolotov.com/txt/kolotov2011a (дата обращения: 10.04.2019). Текст: электронный.
- 83. Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия : когнитивно-семиотический аспект : на материале английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... дра филол. наук / Анна Валерьевна Кремнева. Барнаул, 2019. 418 с. Место защиты: Алт. гос. пед. ун-т.
- 84. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с франц. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов. Москва: РОССПЭН, 2004. 656 с.
- 85. Кудрина, Н. А. Инферентный потенциал прецедентного высказывания в научном тексте: сб. материалов / Н. А. Кудрина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. 509 с.
- 86. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. унт., 1999. 268 с.
- 87. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1988. 192 с.
- 88.Лем С. Сумма технологии / С. Лем ; пер. с польского Ф. Широкова. Москва : ACT, 2018. 640 с.
- 89.Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. Санкт-Петербург : Искусство-СП6, 2000. — 704 с.
- 90. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам XIV: Ученые записки Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 567. С. 3—18.
- 91. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха / Ю. М. Лотман. Ленинград : Просвещение, 1972. 271 с.
- 92. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. Москва : Искусство, 1970. 384 с.

- 93. Лотман, Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры / Ю. М. Лотман // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 44—52.
- 94. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. Москва: Ось-89, 1999. 189 с.
- 95. Мандельброт, Б. Фракталы, случай и финансы / Б. Мандельброт. Москва; Ижевск: R and C Dynamics, 2004. 256 с.
- 96. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
- 97. Минц, 3. Г. Поэтика Александра Блока / 3. Г. Минц. Санкт-Петербург : Искусство, 1999. 364 с.
- 98. Моисеева, И. Ю. Синергетическая модель текстообразования : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / Ирина Юрьевна Моисеева. Оренбург, 2007. 379 с. Место защиты: Челяб. гос. ун-т.
- 99. Москальчук, Г. Г. Баланс формы текста как его структурная и функциональная характеристика / Г. Г. Москальчук // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 93. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. С. 81—86.
- 100. Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В. П. Москвин // Известия ВГПУ. -2013. -№ 6 (81). C. 54-61.
- 101. Москвин, В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий / В. П. Москвин // Филологические науки. 2001. № 1. С. 63—69.
- 102. Мурзин, Л. Н. Язык, текст и культура / Л. Н. Мурзин // Человек текст культура. Екатеринбург, 1994. С. 160–169.

- 103. Новиков, А. И. Текст и смысловые доминанты / А. И. Новиков; под. ред.
 Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. Москва : Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
- 104. Олизько, Н. С. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта) : монография / Н. С. Олизько. Челябинск : Фотохудожник, 2009а. 162 с.
- 105. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / Наталья Сергеевна Олизько. Челябинск, 2009б. 343 с. Место защиты: Челяб. гос. ун-т.
- 106. Олизько, Н. С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа / Н. С. Олизько. Челябинск : Энциклопедия, 2007. 158 с.
- 107. Олизько, Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Наталья Сергеевна Олизько. Челябинск, 2002. 194 с. Место защиты: Челяб. гос. ун-т.
- 108. Орлицкий, Ю. Б. Заметки о современном русском стихе / Ю. Б. Орлицкий // Арион. 2009. № 1. С. 106–119.
- 109. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. Москва : УРСС, 2002. 367 с.
- 110. Пешкова, Н. П. Первичность и вторичность как онтологические категории учебного текста / Н. П. Пешкова, Л. М. Яхиббаева // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2009. № 2. С. 56–60.

- 111. Пирс, Ч. С. Икона, индекс и символ / Ч. С. Пирс ; пер. с англ.
 К. Голубович // Семиотика : хрестоматия : учеб.-метод. модуль ; под ред.
 Л. Л. Федоровой. Москва : Изд-во Ипполитова, 2005. С. 16–31.
- 112. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой. Москва : Логос, 2000. 448 с.
- 113. Пихтовникова, Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагмастилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Вип. 58. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. 2009. № 848. С. 48–52.
- 114. Пономаренко, Е. В. Синергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка) : монография / Е. В. Пономаренко. Москва : МГИМО Университет, 2010. 151 с.
- 115. Пономаренко, Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е. В. Пономаренко // Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 14–23.
- 116. Пономаренко, Е. В. Английский дискурс в свете функциональной лингвосинергетики / Е. В. Пономаренко // Филологические науки. 2006. № 5. С. 100–110.
- 117. Пономаренко, Е. В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: специальность 10.02.04 «Германские языки», 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Евгения Витальевна Пономаренко. Москва, 2004а. 40 с. Место защиты: Моск. гос. ун-т.
- 118. Пономаренко, Е. В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка) : монография / Е. В. Пономаренко. Москва : МГУ ПА ФСБ РФ, 2004б. 328 с.

- 119. Пономаренко, И. Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / Ирина Николаевна Пономаренко. Краснодар, 2005а. 325 с. Место защиты: Кубан. гос. ун-т.
- 120. Пономаренко, И. Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста: монография / И. Н. Пономаренко. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2005б. 231 с.
- 121. Пригожин, И. Р. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгрес. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
- 122. Пригожин, И. Р. Время. Хаос. Квант / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. Москва : Прогресс, 1994. 266 с.
- 123. Пригожин, И. Р. Философия нестабильности / И. Р. Пригожин // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—52.
- 124. Пригожин, И. Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / И. Р. Пригожин, Г. Николис. Москва : Мир, 1979. 512 с.
- 125. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. Москва : ЛКИ, 2008. 280 с.
- 126. Ротенберг, В. Функциональная асимметрия мозга и речь : [сайт]. URL: http://www.vsrotenberg.rjews.com/rech.html#.XK-ELqTgqHs (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 127. Руднев, В. П. Морфология реальности. Исследование по «философии текста» / В. П. Руднев. Москва : Гнозис, 1996. 208 с.
- 128. Святитель Афанасий Великий. Толкование на псалмы / Афанасий Великий Святитель. Москва : Благовест, 2016. 528 с.
- 129. Сергодеев, И. В. Интертекстуальность как средство семантической самоорганизации поэтического текста (на материале произведений Дж. Моррисона) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ...

- канд. филол. наук / Илья Витальевич Сергодеев. Екатеринбург, 2016. 31 с. Место защиты: Урал. федер. ун-т.
- 130. Сердечная, В. В. «Песнь Лоса» Уильяма Блейка как воплощение литературных принципов поэта-романтика : [сайт]. URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-philology-2017-1/2-serdechnaya.pdf (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 131. Смирнов, И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака / И. П. Смирнов; 2-е изд. Санкт-Петербург, 1995. 189 с.
- 132. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. Москва : Наука, 1985. 168 с.
- 133. Тимофеева, Т. Н. Специфика прецедентных феноменов в англоязычных научных текстах экономической тематики / Т. Н. Тимофеева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2(11). С. 69–73.
- 134. Томашевский, Б. В. Стих и язык / Б. В. Томашевский // IV Международный съезд славистов: докл. Москва : Изд-во АН СССР, 1958. С. 7, 15, 19, 31, 33–34, 37–38, 41.
- 135. Томашевский, Б. В. Строфика Пушкина / Б. В. Томашевский. Текст : электронный // Русская литература и фольклор. URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-049-.htm (дата обращения: 10.04.2019).
- 136. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. Москва: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1995. 624 с.
- 137. Тороп, П. Х. Проблема интекста / П. Х. Тороп // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. Тарту : Изд-во ТГУ, 1981. Вып. 567. С. 33–44.
- 138. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. Ленинград : Academia, 1924. 138 с.

- 139. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. Москва : КомКнига, 2007. 282 с.
- 140. Фатеева, Н. А. Поэт и проза: книга о Пастернаке / Н. А. Фатеева. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 399 с.
- 141. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. Москва : Агар, 2000. 280 с.
- 142. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 25–38.
- 143. Фатеева, Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56, № 5. С. 12—21.
- 144. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. 536 с.
- 145. Хакен, Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. Ижевск : ИКИ, 2003. 320 с.
- 146. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям / Г. Хакен. Москва : Мир, 1991. 240 с.
- 147. Хакен, Γ . Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Γ . Хакен. Москва : Мир, 1985.-424 с.
- 148. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. Москва : Мир, 1980. 406 с.
- 149. Хакен, Г. Синергетическая картина мира по Герману Хакену : [сайт]. URL: https://vikent.ru/enc/3717/ (дата обращения: 10.04.2019).
- 150. Чернухина, И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987. 157 с.
- 151. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. Москва : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

- 152. Чумак-Жунь, И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И. И. Чумак-Жунь. Москва : Директ-Медиа, 2014. 228 с.
- 153. Эйхенбаум, Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отд-е, 1969. 552 с.
- 154. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. 544 с.
- 155. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2005. 502 с.
- 156. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. Москва : Прогресс, 1987. 464 с.
- 157. Якобсон, Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. Семиотика / Р. О. Якобсон. Москва : Радуга, 1983. С. 462–482.
- 158. Якобсон, Р. О. Доминанта. Хрестоматия по теоретическому литературоведению : В 5 т. / Р. О. Якобсон ; ред. З. Г. Минц, сост. И. Чернов. Т. 1. Тарту : ТГУ, 1976. С. 56–63.
- 159. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст.; под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. Москва: Прогресс, 1975. С. 194–199.
- 160. Ямпольский, М. Б. Память Тиресея. Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. Москва : РИК «Культура», 1993. 464 с.
- 161. Beaugrande, R., Dressler, W. Introduction to text linguistics / R. Beaugrande. Longman., 2013. 286 p.
- 162. Belsey, C. Desire: Love stories in Western culture / C. Belsey. Oxford: Blackwell, 1994. 209 p.

- 163. Ben-Porat, Z. Visual and Verbal Activation of Stereotypes: The Construction of Intertextual Junctions / Z. Ben-Porat // Cognitive Theories of Intertextuality: research Workshop of the Israel Science Foundation. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1998. P. 213–247.
- 164. Ben-Porat, Z. The Poetics of Literary Allusion. PTL / Z. Ben-Porat // A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature 1. 1976. P. 105–128.
- 165. Broich, U. Intertextuality / U. Broich // International Postmodernism: theory and literary practice; ed. by Hans Bertens, Douwe Fokkema. Amsterdam: Philadelphia, 1997. P. 249–255.
- 166. Brown, C. S. The Relations between Music and Literature : As a Field of Study / C. S. Brown // Comparative Literature. 1970. Vol. XXII. № 2. P. 15–23.
- 167. Clover, J. Study Verse : [website]. URL: https://www.nytimes.com/2006/01/22/books/review/sturdy-verse.html (accessed: 10.04.2019). Text : electronic.
- 168. Foucault, M. L'Archeologie du Savoir / M. Foucault. Paris : Gallimard, 1969. 480 p.
- 169. Genette, G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / G. Genette. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 427 p.
- 170. Haines, S. G. The Complete Guide to Systems Thinking and Learning / S. G. Haines. Amherst: HRD Press, 2000. 217 p.
- 171. Haken, H. Advanced synergetics: instability hierarchies of self-organizing systems and devices / H. Haken. Berlin: Springer-Verlag, 1983a. 356 p.
- 172. Haken, H. Synergetics, an introduction: nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology / H. Haken; 3rd rev. enl. ed. New York: Springer-Verlag, 1983b. 325 p.
- 173. Hrábak, J. Úvod do teorie verse / J. Hrábak. Praha, 1958. S. 7–8.

- 174. Hymes, D. Toward ethnography of communicative events / D. Hymes // Language and Social Context; ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth, 1972. P. 35–71.
- 175. Influence and Intertextuality in Literary History / ed. by Jay Clayton, Eric Rothstein. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991. 356 p.
- 176. International Postmodernism: theory and literary practice / ed. by H. Bertens,D. Fokkema. Amsterdam: Philadelphia, 1997. 581 p.
- 177. Intertextuality / ed. by E. Heinrich, F. Plett. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. 302 p.
- 178. Intertextuality: Theories and Practices / ed. by M. Worton, J. Still. Manchester; New York: Manchester UP, 1990. 280 p.
- 179. Iser, W. The Act of Reading / W. Iser. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1978. 256 p.
- 180. Jenny, L. La strategie de la forme / L. Jenny // Poetique. 1976. № 27. –
 P. 257–281.
- 181. Mandelbrot, B. B. Les Objects fractals / B. B. Mandelbrot. Paris : Flammarion. 1975. 186 p.
- 182. Nelson, T. Opening Hypertext: A Memoir / T. Nelson // Literacy Online. The Promise (and Peril) of Reading and Writing with Computers. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1992. P. 43–57.
- 183. Prigogine, I. Order out of Chaos / I. Prigogine, I. Stengers. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1984. 349 p.
- 184. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.
- 185. Tearle, O.: [website]. URL: https://interestingliterature.com/2016/10/a-short-analysis-of-william-blakes-the-sick-rose/ (accessed: 10.04.2019). Text: electronic.
- 186. Unbegaun, B. La versification russe / B. Unbegaun. Paris : Librairie des cinq continents, 1958. 203 p.

187. Wade, D. Symmetry: the ordering principle / D. Wade. – Glastonbury: Wooden Books Ltd, 2006. – 58 p.

Список использованных словарей и энциклопедий

- 188. Англо-русский словарь морских идиом и жаргона / Н. А. Каланов, Л. Н. Скрягин. Москва : Моркнига, 2013. 250 с.
- 189. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов и др.; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азбуковник, 2001. 640 с.
- 190. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. Москва : Золотой Век, 1995. 401 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- 192. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред.
 А. Н. Николюкина ; Ин-т науч. информации по общественным наукам
 РАН. Москва : Интелвак, 2001. 1600 стб.
- 193. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
- 194. Мифы народов мира : энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Москва : Советская энциклопедия, 1998. T. 1. 671 с. ; T. 2. 720 с.
- 195. Морской энциклопедический справочник / Н. Н. Исанин. Ленинград : Судостроение, 1987. – 512 с.
- 196. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с. URL: http://slovarozhegova.ru (дата обращения: 10.04.2019). Текст: электронный.

- 197. Постмодернизм. Энциклопедия : [сайт]. URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/volyakvlasti.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 198. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов,
 М. А. Можейко. Москва : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. –
 1040 с.
- 199. Словарь мифов / под ред. П. Бентли. Москва : Фаир-Пресс, 1999. 432 с.
- 200. Словарь Мультитран : [сайт]. URL: https://www.multitran.ru (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 201. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины : энциклопедический справочник. Москва : Интрада—ИНИОН, 1996. 319 с.
- 202. A Blake dictionary. The ideas and symbols of William Blake / S. Foster Damon; updated edition with a new foreword and annotated bibliography by Morris Eaves. Updated ed. Hanover, New Hampshire: Dartmouth College Press, 2013. 532 p.
- 203. Cambridge Dictionary [website]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/come-upon-someone-something (accessed: 10.04.2019). Text: electronic.
- 204. Chisholm [website]. URL: https://archive.org/stream/encyclopaediabri26chisrich#page/578/mode/1up (accessed: 10.04.2019). Text: electronic.
- 205. English Oxford Living Dictionary : [website]. URL: https://en.oxforddictionaries.com (accessed: 10.04.2019). Text : electronic.
- 206. Merriam-Webster: [website]. URL: https://www.merriam-webster.com (accessed: 10.04.2019). Text: electronic.

Список использованных литературных источников

- 207. Алигьери, Д. Божественная комедия с иллюстрациями Гюстава Доре / Д. Алигьери; пер. с итал. М. Лозинский. Москва: Времена; АСТ, 2017. 432 с.
- 208. Алигьери, Д. Пир. Трактаты : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/pir01.txt (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 209. Бальмонт, К. Д. Ворон : [сайт]. URL: https://www.stihi.ru/2010/06/29/38 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 210. Бальмонт, К. Д. Колыбельная песня : [сайт]. URL: https://ilibrary.ru/text/2432/p.1/index.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 211. Бальмонт, К. Д. Примечание К. Д. Бальмонта : [сайт]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/K*_(Пусть_отзвучит_гармоничное,_нежное_п енье_—_Шелли/Бальмонт) (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 212. Бальмонт, К. Д. Тигр : [сайт]. URL: http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/uilyam-blejk.htm (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 213. Бетаки, В. Преследование : [сайт]. URL: http://ruka-na-pulse.ru/news/detail.php?ID=644 (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 214. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и словарем / Библия. – Москва : Российское библейское общество, 2001. – 1234 с.
- 215. Бытие : [сайт]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/bytie/index.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.

- 216. Венера и Адонис : [сайт]. URL: http://www.velchel.ru/index.php?cnt=30&sub=0&page=2 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 217. Гаврилов, А. Г. Переводя Эмили Дикинсон (из дневников) : [сайт]. URL: https://biography.wikireading.ru/36617 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 218. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. Москва : Лабиринт, 2001. 256 с.
- 219. Гришин, А. Эмили Дикинсон. Стихи Дикинсон в русских переводах : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi2.txt (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 220. Гунина, М. Просто сказать это : [сайт]. URL: http://w-o-s.ru/poetry/7866 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 221. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси / В. В. Долгов. Москва : Эксмо, 2007. 512 с.
- 222. Евангелие от Иоанна : [сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/bible/jn/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 223. Жирмунский, В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. Москва : Советский писатель, 1975. 664 с.
- 224. Жуковский, В. А. Гомер. Одиссея : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/g/gomer/text_0060.shtml (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 225. Зверев, А. М. Вглубь одного стихотворения : [сайт]. URL: https://sites.google.com/site/ifrudyardkipling/archive/4strofy (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 226. Зенкевич, М. И если б за повозкой ты шагал: [сайт]. URL: https://music-action.livejournal.com/718024.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст: электронный.

- 227. Зенкевич, М. Юлий Цезарь : [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6064&public_page=2 (дата обращения 12.04.2019). Текст : электронный.
- 228. История пропаганды : [сайт]. URL: https://propagandahistory.ru/109/Battle-Hymn-of-the-Republic---gimn-severyan/ (дата обращения 12.04.2019). Текст : электронный.
- 229. Исход : [сайт]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ishod/index.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 230. Кашкин, И. Чудеса : [сайт]. URL: https://litlife.club/books/148309/read?page=79 (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 231. Кесарийский А. Толкование на апокалипсис : [сайт]. URL: http://apocalypse.orthodoxy.ru/kesar/ (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 232. Кистяковский, А. Древнее золото редко блестит : [сайт]. URL: http://www.kniga2001.narod.ru/tolkien/01pere/04/0116.htm (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 233. Книга пророка Даниила : [сайт]. URL: https://bibleonline.ru/bible/rst66/dan-1/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 234. Книга пророка Иеремии : [сайт]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ieremija/index.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 235. Книга пророка Исаии : [сайт]. URL: https://bibleonline.ru/bible/rst66/isa-1/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 236. Книдский К. Индика : [сайт]. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/ctesias/indika-f.htm (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.

- 237. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / Ковтунова И. И. Москва : Наука, 1986. – 205 с.
- 238. Корнеев, Ю. Джон Мильтон. Комус : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton1_2.txt (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 239. Корнеев, Ю. Джон Мильтон. Стихотворения : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton1_1.txt (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 240. Кошкин, М. Тропой Божественной Комедии : [сайт]. URL: http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/tropoi-bozhestvennoi-komedii-1 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 241. Кружков, Г. Все золото зыбко : [сайт]. URL: http://artsportal.ru/poetry/16576 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 242. Кружков, Г. Я умерла за красоту : [сайт]. URL: wikilivres.ru/Я_умерла_за_красоту_(Дикинсон/Кружков) (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 243. Левит : [сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/bible/lev/ (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 244. Лозинский, М. Заповедь : [сайт]. URL: http://www.poetarium.info/kipling/if3.htm (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 245. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер. Москва : ОЛМА-Пресс, 2001. Т. 3. С.15–16.
- 246. Маркова, В. Эмили Дикинсон : [сайт]. URL: http://www.uspoetry.ru/poets/7/poems (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.

- 247. Маршак, С. Я. Вильям Блейк. Стихотворения : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/stihi_marsh.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 248. Мифы Древней Греции : [сайт]. URL: http://www.grekomania.ru/articles/mythology (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 249. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев; 2-е изд. Москва: Советская Энциклопедия, 1991–1992. Т. 2.
- 250. Морева-Вулих, Н. В. Лирика Горация : [сайт]. URL: https://www.horatius.ru/index.xps?10.1.34 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 251. Моррисон, Д. Д. Произведения Джима Моррисона / Д. Д. Моррисон ; авт. пер. К. Быстрова, А. Скорых, Д. М. Эпштейн. Москва : ИП Галин А. В., 2013. 528 с.
- 252. Немцов, М. Боб Дилан. Нобелевская лекция : [сайт]. URL: https://godliteratury.ru/public-post/bob-dilan-nobelevskaya-lekciya (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 253. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык и др. Москва : Культурная революция, 2005. 880 с.
- 254. Орловская, Д. Бармаглот : [сайт]. URL: http://lel.khv.ru/poems/resultik.phtml?id=1036&back=%2Fpoems%2Fpoems.p html%3Fctg%3D18 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 255. От Луки святое благовествование : [сайт]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ev_luka/index.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 256. Откровение святого Иоанна Богослова : [сайт]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/otkr/index.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.

- 257. Павсаний. Описание Эллады / Павсаний ; пер. и прим.С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк ; отв. ред. проф. Э. Д. Фролов.Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. Кн. VIII 28, 2.
- 258. Павсаний. IX Беотия, XXI. 4–5 // Описание Эллады : в 2 т. ; пер. с др.-греч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. Москва : АСТ: Ладомир, 2002. 492 с.
- 259. Пастернак, Б. Л. После дождя : [сайт]. URL: https://slova.org.ru/pasternak/posledozhdja/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 260. Пастернак, Б. Л. Ромео и Джульетта, трагедия Уильяма Шекспира : [сайт]. URL: http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_pasternak1.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 261. Первое послание Петра : [сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/bible/pe1/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 262. Перевод песни Radiohead Airbag : [сайт]. URL: https://translatedlyrics.ru/radiohead/airbag.html (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 263. Полянски, Э. William Wordsworth. Daffodils : [сайт]. URL: https://www.stihi.ru/2016/06/02/579 (дата обращения: 14.04.2019). Текст : электронный.
- 264. Постников, В. Emily Dickinson Эмили Дикинсон : [сайт]. URL: https://www.stihi.ru/avtor/transpoetry (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 265. Ривкин, Б. Йейтс Уильям Батлер. Стихи (в переводах разных авторов) : [сайт]. URL: http://mirpoezylit.ru/books/6792/19/ (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.

- 266. Рогов, В. Эдгар Алан По. Философия творчества : [сайт]. URL: http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=1 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 267. Рыжая девочка. Любовная песнь сумасшедшей : [сайт]. URL: http://samlib.ru/r/ryzhaja_d/plath4.shtml (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 268. Савин, В. Эмили Дикинсон : [сайт]. URL: https://www.stihi.ru/avtor/valentinsavin&s=850 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 269. Самарин, И. Н. Любовная лирика Альфреда Пруфрока : [сайт]. URL: http://samlib.ru/s/samarin_i_n/letusgothenyouandi.shtml (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 270. Святой преподобный Ефрем Сирин. Толкование на книгу пророка

 Иеремии : [сайт]. URL:

 http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/efrem_sir/tom_3/txt29.html
 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 271. Сергеев, А. Ночью у моря один : [сайт]. URL: http://www.uspoetry.ru/poem/141 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 272. Ситник, Л. Стихотворения. Дикинсон Эмили Элизабет : [сайт]. URL: https://biography.wikireading.ru/36519 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 273. Смирнов-Садовский, Д. Тириэль : [сайт]. URL: https://wikilivres.ru/Тириэль (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 274. Сознательное «расстройство всех чувств» по Артюру Рембо : [сайт]. URL: http://vikent.ru/enc/1185/ (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.

- 275. Степанов, С. Слушай барда глас : [сайт]. URL: http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=7557 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 276. Транквилл Г. С. Жизнь двенадцати цезарей / Г. С. Транквилл ; пер. М. Л. Гаспарова. Москва : Книга по требованию, 2011. 184 с.
- 277. Храмцев, Д. В. Аллен Гинзберг. Вопль : [сайт]. URL: https://litwino.livejournal.com/92923.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 278. Черешня, В. Другая дорога : [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2012/3/f2.html (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 279. Чухно, В. Глас вопиющего в пустыне : [сайт]. URL: http://www.omkara.ru/blake/poem3.htm (дата обращения: 10.04.2019). Текст : электронный.
- 280. Шаманская, С. Shakespeare, Философский Камень, Феникс и Черепаха: [сайт]. URL: https://www.stihi.ru/2011/03/01/350 (дата обращения: 12.04.2019). Текст: электронный.
- 281. Шервинский, С. В. Публий Овидий Назон. Метаморфозы : [сайт]. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303001003 (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 282. Штейнберг, А. Джон Мильтон. Потерянный рай : [сайт]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton.txt (дата обращения: 12.04.2019). Текст : электронный.
- 283. Alighieri, D. The Divine Comedy: The Vision of Paradise, Purgatory, and Hell: [website]. URL: http://www.gutenberg.org/files/8800/8800-h/8800-h.htm (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 284. Amato, J. Richard Powers after Louis Zukofsky: A Prospectus of the Sky: [website]. URL: https://electronicbookreview.com/essay/richard-powers-after-

- louis-zukofsky-a-prospectus-of-the-sky/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 285. Angelou, M. The Detached : [website]. URL: https://genius.com/Maya-angelou-the-detached-annotated (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 286. Armanto, R. Advent : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/52593/advent-56d231303d41f (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 287. Auden, W. H. The Shield of Achilles : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/shield-achilles (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 288. Auden, W. H. The Shield of Achilles : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/shield-achilles (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 289. Blake, W. The Complete Poems / W. Blake; ed. by A. Ostriker. London: Penguin Group, 2004. 1071 p.
- 290. Blake, W. William Blake's illustrations to Dante's Divine Comedy: [website]. URL: https://www.tate.org.uk/art/artists/william-blake-39/blake-illustrations-dante (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 291. Book of Revelation: [website]. URL: https://www.biblestudytools.com/revelation/ (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 292. Brooks, G. We Real Cool : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/we-real-cool (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 293. Butler, S. The Odyssey by Homer : [website]. URL: http://classics.mit.edu/Homer/odyssey.html (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 294. Carroll, L. Jabberwocky: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/42916/jabberwocky (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 295. Cohen, L. Hallelujah : [website]. URL: https://genius.com/Leonard-cohen-hallelujah-lyrics (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 296. Crane, S. Truth : [website]. URL: https://www.panmacmillan.com/blogs/literary/poems-about-truth-national-poetry-day (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 297. Daniel: [website]. URL: http://biblescripture.net/Daniel.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 298. Dickinson E. Open Me Carefully: Emily Dickinson's Intimate Letters to Susan Huntington Dickinson Wesleyan University Press; 1st ed., 1998. 315 p.
- 299. Dickinson E. The Letters of Emily Dickinson: Vol. 1–3; ed. by Th. Johnson. Cambridge (Mass): Dover Bool of Literature & Drama, 2011. 416 p.
- 300. Dickinson, E. The Complete Poems : [website]. URL: https://www.bartleby.com/113/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 301. Dickinson, E. The Complete Poems of Emily Dickinson / E. Dickinson. Boston, Toronto, 1955. 770 p.
- 302. Dylan, B. Bob Dylan in Nobel Prize Speech: "Songs Are Unlike Literature": [website]. URL: https://www.inverse.com/article/32610-bob-dylan-nobel-prize-literature-lecture (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 303. Eliot, T. S. The Love Song of J. Alfred Prufrock: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/44212/the-love-song-of-j-alfred-prufrock (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 304. Emmett, L. Firebird : [website]. URL: http://www.voicesnet.com/displayonepoem.aspx?poemid=121281 (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 305. Exodus : [website]. URL: https://www.biblestudytools.com/exodus/(accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 306. Faulkner, W. The Bear : [website]. URL: http://www.thomasaquinas.edu/sites/default/files/pdf/alumni/faullkner-the-bear.pdf (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 307. Ferlinghetti, L. I am Waiting : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/42869/i-am-waiting-56d22183d718a (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 308. Frost, R. Complete Poems of Robert Frost / R. Frost. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1964. 666 p.
- 309. Frost, R. Nothing Gold Can Stay: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/148652/nothing-gold-can-stay-5c095cc5ab679 (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 310. Frost, R. Robert Frost and "The Road not Taken": [website]. URL: https://owlcation.com/humanities/Analysis-of-Poem-The-Road-Not-Taken-by-Robert-Frost (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 311. Frost, R. The Road not Taken: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/44272/the-road-not-taken (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 312. Fuss D. Interior Chambers: The Emily Dickinson Homestead / D. Fuss //A Journal of Feminist Cultural Studies. № 10(3). 1998. P. 1–46.
- 313. Garth, S. Metamorphoses by Ovid : [website]. URL: http://classics.mit.edu/Ovid/metam.3.third.html (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 314. Genesis: [website]. URL: https://www.biblica.com/bible/niv/genesis/1/ (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 315. Ginsberg A., Miles B. Howl: Original Draft Facsimile, Transcript and Variant Versions. Harper Perennial Modern Classics, 2006. 194 c.
- 316. Ginsberg, A. Footnote to Howl : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/54163/footnote-to-howl (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 317. Ginsberg, A. The Howl : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/howl-parts-i-ii (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 318. Ginsberg, A. Transcription of organ music : [website]. URL: http://famouspoetsandpoems.com/poets/allen_ginsberg/poems/8390 (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 319. Habegger, A. My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson / A. Habegger. New York: Modern Library, 2002. 765 p.
- 320. Holy Bible. Containing the old and new testaments / Holy Bible. Salt Lake City: the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, 2013. 2448 p.
- 321. Howe, J. W. The Battle Hymn of The Republic : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/44420/battle-hymn-of-the-republic (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 322. Hughes, T. Trophies : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poets/ted-hughes (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 323. Isaiah: [website]. URL: https://www.biblestudytools.com/isaiah/ (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 324. Jeremiah : [website]. URL: http://www.readbibleonline.net/?page_id=31 (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 325. Jernigan, A. Adam's Prayer : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/49890/adams-prayer (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 326. Jim Morrison Quotes : [website]. URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/7855.Jim_Morrison (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 327. John : [website]. URL: https://www.biblegateway.com/passage/?search=John+1&version=KJV (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 328. Johnson, J. W. The Book of America Negro Poetry: [website]. URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/11986/pg11986-images.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 329. Keats, J. Sonnets. Miniatures. Odes / J. Keats; transl. into Russian, preface, notes and afterword by A. Pokidov. Moscow: Letny Sad, 2014. 404 p.
- 330. Keats, J. To Autumn : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/autumn (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 331. Kerouac, J. 34 Chores : [website]. URL: https://buenosairespoetry.com/2019/03/11/mexico-city-blues-34th-chorus-jack-kerouac/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 332. Kipling, R. If : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/46473/if (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 333. Koski, L. Sexual Metaphors in Emily Dickinson's Letters to Susan Gilber / L. Koski // The Emily Dickinson Journal Johns Hopkins. Johns Hopkins University Press, 1996. Vol. 5. № 2. P. 22–63.
- 334. Lennon, J, Look at me: [website]. URL: https://genius.com/John-lennon-look-at-me-lyrics (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 335. Leviticus : [website]. URL: https://www.biblestudytools.com/leviticus/(accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 336. Longfellow H.W. A Psalm of Life : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/44644/a-psalm-of-life (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 337. Lowry, M. Under the Volcano / M. Lowry. New York: Open Road, 1962. 692 p.
- 338. Luke : [website]. URL: https://www.biblestudytools.com/luke/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 339. Martin, W. The Cambridge Companion to Emily Dickinson / W. Martin. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 248 p.
- 340. McClure, M. Cameo One : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/cameo-one (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 341. McGee, T. Dickinson, There's A Certain Slant Of Light: [website]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=F-4MyomIx50 (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 342. Milton, J. Comus : [website]. URL: https://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/comus/text.shtml (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 343. Milton, J. Lycidas : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/44733/lycidas (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 344. Milton, J. Paradise Lost: [website]. URL: http://www.paradiselost.org/8-Search-All.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 345. Milton, J. The Ready and Easy Way to Establish a Free Commonwealth: [website]. URL: https://oll.libertyfund.org/titles/milton-the-ready-and-easy-way-to-establish-a-free-commonwealth (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 346. Murray, J. We old Dudes: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/48676/we-old-dudes (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 347. Nye, N, S. How do I know when the poem is finished? : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/how-do-i-know-when-poem-finished (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 348. Olson, Ch (a). Maximus, to himself: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/47494/maximus-to-himself (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.

- 349. Olson, Ch (b). Projective Verse : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/articles/69406/projective-verse (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 350. Oppen, G. The words in action / G. Open. Lewisburg : Bucknel University Press, 2016. 221 p.Plath S. The Unabridged Journals of Sylvia Plath. Anchor; Unabridged edition. 2000. 732 p.
- 351. Plath, S. Mad girl's love song : [website]. URL: http://www.neuroticpoets.com/plath/poem/madgirl/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 352. Plath, S. Pursuit : [website]. URL: http://www.neuroticpoets.com/plath/poem/pursuit/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 353. Plath, S. The Unabridged Journals of Silvia Plath: [website]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1008498/Kukil__The_Unabridged_Journals_of_Sylvia_Plath.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 354. Poe, E. A. The Philosophy of Composition : [website]. URL: https://www.uni-due.de/lyriktheorie/texte/1846_poe.html (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 355. Poe, E. A. The Raven : [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/raven (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 356. Pound, E. Notes for Canto CXX: [website]. URL: https://m.poets.org/poetsorg/poem/notes-canto-cxx (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 357. Reynolds D. What is "gyre" in "The Second Coming"? : [website]. URL: https://www.enotes.com/homework-help/what-gyre-272632 (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 358. Reznikoff, C. Among the heaps of brick and plaster lies: [website]. URL: https://www.poetrynook.com/poem/among-heaps-brick-and-plaster-lies (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 359. Saunchez, P. The visionary tradition in Jim Morrison's "The Celebration of the Lizard": [website]. URL: http://www.academia.edu/9306898/The_Romantic_Visionary_Tradition_in_Jim_Morrisons_The_Celebration_of_the_Lizard (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 360. Sayre : [website]. URL: https://www.modernamericanpoetry.org/criticism/henry-m-sayre-red-wheelbarrow (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 361. Selinger, E. M. What Is It Then between Us? Traditions of Love in American Poetry / E. M. Selinger. London: Cornell University, 1998. 272 p.
- 362. Sewall, R. B. The Life of Emily Dickinson / R. B. Sewall. Harvard: Harvard University Press, 1998. 924 p.
- 363. Shakespeare, W. The Phoenix and the Turtle: [website]. URL: http://www.gutenberg.org/files/1525/1525-h/1525-h.htm (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 364. Shakespeare, W. The Tragedy of Julius Caesar: [website]. URL: http://www.opensourceshakespeare.org/views/plays/play_view.php?WorkID=ju liuscaesar&Scope=entire&pleasewait=1&msg=pl (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 365. Shakespeare, W. The Tragedy of Romeo and Juliet: [website]. URL: https://www.folgerdigitaltexts.org/html/Rom.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 366. Shakespeare, W. Venus and Adonis : [website]. URL: http://shakespeare.mit.edu/Poetry/VenusAndAdonis.html (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

- 367. Shelley, P. B. Music when Soft Voices Die (To —): [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/45132/music-when-soft-voices-die-to- (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 368. Shelly P. B. Ozymandias : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/46565/ozymandias (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 369. Southwestern Indian Ritual Drama : [website] ; ed. by Charlotte J. Frisbie. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1980. 372 p.
- 370. Telegraph. Radiohead OK Computer song lyrics 'inspired by William Blake poems': [website]. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/12157549/Radiohe ad-OK-Computer-song-lyrics-inspired-by-William-Blake-poems.html (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 371. The First Epistle of St. Peter : [website]. UTL: http://bibletranslation.ws/1peter.htm (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 372. The Revivalist. The Revivalist: exclusively devoted to the Revival and Extension of Evangelical Religion / T. C. Savill. London: Thomas Ward and Co, 1842. 280 p.
- 373. Tolkien, J. R. R. All That Is Gold Does Nor Glitter: [website]. URL: https://genius.com/J-r-r-tolkien-all-that-is-gold-does-not-glitter-annotated (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 374. Vanderslice J. Dickinson's BEHIND ME DIPS ETERNITY // The Explicator. –№ 58(4). 2000. P. 195–198.
- 375. Whitman, W. Miracles : [website]. URL: http://www.yourdailypoem.com/listpoem.jsp?poem_id=2259 (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 376. Whitman, W. On the Beach at Night Alone: [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/48856/on-the-beach-at-night-alone (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.

- 377. Wilfred, O. Dulce et Decorum Est : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/46560/dulce-et-decorum-est (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 378. Williams C. W. Poems / C. W. Williams // Poemgunter.com The World's Poetry Archive, 2004. 184 p.
- 379. Williams, C. W. This Is Just To Say: [website]. URL: https://www.poets.org/poetsorg/poem/just-say?mbd=1 (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 380. Wolff, C. G. Emily Dickinson / C. G. Wolff. Boston : Da Capo Press, 1988. 656 p.
- 381. Wordsworth, W. I Wandered Lonely as a Cloud : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/45521/i-wandered-lonely-as-a-cloud (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 382. Yeats W. B. The Gyres : [website]. URL: https://www.poemhunter.com/poem/the-gyres/ (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 383. Yeats W. B. The Second coming : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/43290/the-second-coming (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 384. Yeats, W. B. The Collected Poems of W. B. Yeats / W. B. Yeats. Ware: Wordsworth Editions Limited, 2008. 402 p.
- 385. Yeats, W. B. The Dialogue of Self and Soul : [website]. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/43294/a-dialogue-of-self-and-soul (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.
- 386. Yorke, T. Airbag: [website]. URL: https://genius.com/Radiohead-airbag-lyrics (accessed: 12.04.2019). Text: electronic.
- 387. Yorke, T. Song Facts. Airbag by Radiohead : [website]. URL: https://www.songfacts.com/facts/radiohead/airbag (accessed: 12.04.2019). Text : electronic.

388. Zukofsky, L. Prepositions. The collected critical essays of Louis Zukofsky. Expended edition / L. Zukofsky. — Berkley and Los Angeles, California : University of California Press, 1981. — 283 p.